

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ЖИЗНЬ НАШИХ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Выпуск 1

Ю.Б.ПУКИНСКИЙ

Жизнь СОВ

Серия издается по инициативе и под общей редакцией проф. А. С.
МАЛЬЧЕВСКОГО И проф. Г. А. НОВИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ЛЕНИНГРАД, 1977

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

УДК 598.97

Пукинский Ю. Б. Жизнь сов. Серия: Жизнь наших птиц и зверей. Вып. 1.
Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 240 с. Ил.—111. Библиогр.— 73 назв.

Издательство Ленинградского университета начинает публикацию научно-популярной серии «Жизнь наших птиц и зверей». Ее выпуски посвящаются отдельным группам и видам животных, особенностям их жизни в природе, практическому значению для человека.

Первый выпуск серии — «Жизнь сов» — описывает своеобразный, широко распространенный, но малоизученный отряд птиц — сов. Это первое на русском языке издание, в котором рассказывается об их таинственном ночном образе жизни, особенностях гнездования и поведения, о месте в природе и значении для людей. Выпуск иллюстрирован оригинальными фотографиями, выполненными группой натуралистов и освещающими жизнь сов, встречающихся в нашей стране.

Книга призвана воспитывать бережное отношение к родной природе; она представляет интерес для всех, кто изучает и любит птиц.

Ответственный редактор выпуска 1 — проф. *А. С. Мальчевский*

П21008 - 009 / 076 (02) - 77 Б.З. 27-18-76 г.

© Издательство Ленинградского университета, 1977 г.

ИБ № 495

Пукинский Юрий Болеславович

ЖИЗНЬ СОВ

Редакторы *О. Л. Петровичева, В. М. Николаева* Техн. редакторы *Е. Г. Учаева, А. В. Борщева*. Художник *Б. Н. Осенчаков*. Художественный редактор *А. Г. Голубев*

Корректоры *Л. А. Соловьева, Н. А. Гагарина*

М-25778. Сдано в набор 19/II/1976 г. Подписано к печати 27/I 1977 г. Формат бумаги 70X90/16. Бум. тип. № 1. Уч.-изд. л. 15,21. Печ. л. 15. Тираж 76540 экз. Заказ 100. Цена 1 р. 32 к. Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография им. Анохина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ БИОЛОГИИ СОВ

НЕМНОГО ИСТОРИИ 9

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ СОВ К НОЧНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ. (Особенности перьевого покрова и возрастные наряды. Бесшумный полет. Уход за пером и линька. Зрение сов. Слух — ведущий анализатор. Загадка паясничества и лицевого диска) 12

ПИТАНИЕ И СПОСОБЫ ОХОТЫ СОВ. (Ритм суточной активности. Прожорливость и запасание корма. Способ поедания добычи. Методы изучения питания сов. Пластичность пищевых связей. Охотничий участок и конкурентные отношения. Враги и продолжительность жизни сов) 27

СВЯЗЬ СОВ С ТЕРРИТОРИЕЙ. (Характер поселения. Оседлость и

подвижность. Процесс урбанизации)	44
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ СОВ. (Брачное поведение и голосовые реакции. Строят ли совы гнезда? Кладка и особенности ее обогрева. Рост и развитие птенцов. Родительская забота)	53
ОХРАНА И ПРИВЛЕЧЕНИЕ СОВ	67
СОВЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	
О МНОГООБРАЗИИ СОВ	73
СИПУХИ — TYTONIDAE	
СИПУХИ — TYTO. (Сипуха — <i>Tyto alba</i>)	76
НАСТОЯЩИЕ СОВЫ — STRIGIDAE	
СОВКИ — OTUS. (Ошейниковая совка — <i>O. bakkamoena</i> . Уссурийская совка — <i>O. sunia</i> . Сплюшка — <i>O. scops</i> . Буланая совка — <i>O. brucei</i>)	81
ФИЛИНЫ — BUBO. (Филин — <i>B. bubo</i>)	107
РЫБНЫЕ СОВЫ — KETURA. (Рыбный филин — <i>K. blakistoni</i>)	120
БЕЛЫЕ СОВЫ — NYCTEA. (Полярная сова — <i>N. scandiaca</i>)	135
ЯСТРЕБИНЫЕ СОВЫ — SURNIA. (Ястребиная сова — <i>S. ulula</i>)	144
СЫЧИКИ — GLAUCIDIUM. (Воробьиный сычик — <i>G. passerinum</i>) . .	150
ИГЛОНОГИЕ СОВЫ — NINOX. (Иглоногая сова — <i>N. scutulata</i>) .	158
СЫЧИ — ATHENE. (Домовый сыч — <i>A. noctua</i>)	174
НЕЯСЫТИ — STRIX. (Бородатая неясыть — <i>S. nebulosa</i> . Обыкновенная неясыть — <i>S. aluco</i> . Длиннохвостая неясыть — <i>S. uralensis</i>)	184
УШАСТЫЕ СОВЫ — ASIO. (Ушастая сова — <i>A. otus</i> . Болотная сова — <i>A. flammeus</i>)	207
МОХНОНОГИЕ СЫЧИ — AEGOLIUS. (Мохноногий сыч — <i>A. funereus</i>)	227
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	237

ПРЕДИСЛОВИЕ

С незапамятных времен совы приковывали к себе внимание человека. Пораженный их большеголовостью, он был склонен приписывать этим птицам особый ум, наделять их сверхъестественными свойствами. ореол таинственности вокруг сов был создан уже древними сказителями, передававшими свои домыслы из уст в уста. Эту эстафету подхватили средневековые «физиологи», как в ту пору называли людей,

изучавших животных.

«Осмысленные», огромные, направленные вперед глаза сов гипнотизировали суеверных людей, как бы внушая: «Тот, кто хорошо видит, непременно видит много!». И неудивительно, что именно с совами связано множество поверий и легенд — рассказов либо о мудрых птицах, способных давать полезные советы, либо, чаще, о зловещих, предсказывающих беду. Так, древние египтяне считали сову символом потустороннего мира, смерти. В старых армянских сказаниях сова отождествлялась с дьяволом и противопоставлялась Христу, да и по Библии сова — «нечистая» птица. У славян сова также наделялась демоническими свойствами. В старину на Руси верили, что если сова ночью ударится в окно, то в скором времени дом сгорит или хозяин его умрет.

Даже голос совы в ночи якобы мог принести несчастье. В Норвегии, например, обыкновенную неясыть долгое время считали вестником смерти только по той причине, что ее крик отдаленно напоминает норвежские слова «оденься в белое», то есть в саван. История хранит поверье, что в 216 году до нашей эры поражение римлян при Каннах, где карфагеняне во главе с Ганнибалом почти нацело уничтожили римскую армию, было накликано совами, которые кричали перед этим всю ночь. Подобных примеров в исторической литературе немало. И совершенно очевидно, что если в основу преданий о мудрости сов положен их облик (прежде всего большеголовость), то представления о зловещих качествах порождены ночным образом жизни и пугающим голосом.

Многие древние поверья, связанные с совами, сохранились и до последних дней. Так, в Средней Азии и Казахстане совсем еще недавно существовала вера в чудодейственную силу сов. Ценились, например, перья с груди и живота филина как дорогой талисман, охраняющий детей и скотину от «дурного глаза». Когти филина будто бы оберегали от лихорадки, избавляли от бесплодия и т. п. В местностях, где были распространены эти предрассудки, за совами интенсивно охотились. Иногда этих птиц отлавливали и содержали в неволе, чтобы по мере надобности выщипывать перья у живой птицы или собирать их в период линьки. Еще в конце двадцатых годов у узбекских детей на тюбетейках нередко красовались пучки перьев филина.

Сова как загадочный образ невольно привлекала и художников всех времен. Ее изображение мы встречаем в египетских росписях, на индийских тотемах, посуде древних колумбийских племен Южной Америки. Сохранилась каменная статуэтка сыча с острова Крит, датированная XXIV—XXII веками до нашей эры. Общеизвестны изображения Афины Паллады с сычом. Эту птицу мы находим и на серебряных монетах, чеканившихся в Афинах. Кстати, имя древней столицы (Athens) и латинское название рода сычей (Athene) поразительно схожи.

Образ совы нередко использовался и при украшении зданий. «Сов» мы находим на фасадах домов не только в старых, овеванных легендами, но и в сравнительно молодых, современных городах. Так, нетрудно перечислить по крайней мере десяток мест в Ленинграде, где можно увидеть изображение совы: оно имеется на башне с часами Витебского вокзала; статуэтка совы украшает пятиэтажное здание на углу Загородного проспекта и переулка Ильича; «сидит» сова и на карнизе под самой крышей дома № 1—3 на Кировском проспекте. На главной улице города — Невском проспекте — барельефы филинов украшают парадный подъезд дома № 72. Стилизованные изображения сов можно увидеть на улицах Куйбышева и Стремянной, на проспектах Максима Горького, Владимирском, Большом на Петроградской стороне и в ряде других мест.

Сегодня уже мало кто верит в предрассудки, связанные с совами, однако популярность этих птиц не падает. В 1974 году на выставке в Варшавском клубе международной печати экспонировалась даже частная коллекция, содержавшая более пятисот предметов домашнего обихода, в оформлении которых использовался образ совы: здесь можно было увидеть часы, подсвечники, бра, рамки для фотографий, вазы, игрушки и другие изделия, а также экслибрисы, банкноты. Незаметно сова превратилась в классический атрибут ночного пейзажа: и в рассказе для детей, и в современном научно-популярном или документальном фильме о жизни ночного леса непременно действуют совы. Это закономерно, ибо совы являются неотделимой частью ночи, поистине ее порождением.

Взяв на себя труд рассказать о совах, мы совершенно четко представляем, что не сможем с исчерпывающей полнотой ответить на все вопросы, связанные с жизнью этой интереснейшей группы птиц, — природа ревностно охраняет свои тайны, и многое еще не изучено и не понято. Однако мы будем считать задачу выполненной, если сумеем вызвать у читателей желание узнать о совах еще больше, наблюдать их в природной обстановке.

Иллюстрируя книгу, мы поставили перед собой целью показать читателю тех сов, которые встречаются в Советском Союзе. Многих из них нам удалось сфотографировать самим (в этом случае под иллюстрацией не указывается автор). Часть снимков нам любезно предоставили К. Н. Бобров, Э. Н. Голованова, А. В. Кречмар, В. Н. Михайлов, М. А. Омелько, О. С. Русаков, которым мы искренне благодарны. Кроме того, нами использованы фотоснимки Н. П. Кадочникова.

При создании рукописи неоценимая помощь была оказана нам профессором А. С. Мальчевским. Его добрые пожелания и советы с благодарностью принимались нами всякий рад. Несомненно ценными оказались также критические замечания, высказанные профессорами А. И. Ивановым и Г. А. Новиковым, взявшими на себя труд ознакомиться с содержанием будущей книги. И, конечно, эта книга не увидела бы свет без поддержки автора сотрудниками Издательства Ленинградского университета — В. И. Саврасовым, О. Л. Петровичевой и В. М. Николаевой. Всем этим лицам автор крайне признателен.

Общие черты биологии сов

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Совы — древняя группа птиц. Их ископаемые остатки известны в Северной Америке с нижнего эоцена. Иными словами, как самостоятельная систематическая группа совы сформировались еще на заре третичного периода, примерно 60—70 миллионов лет назад. Совы топ времени, естественно, были не такими, как сейчас, в связи с чем их и относят к особому ископаемому семейству Protostrigidae. К нему в частности, относится и одна из примитивнейших сов — *Eostrix mimica* признанная «старейшей».

Однако по ископаемым остаткам удалось установить не та] уж много вымерших видов — всего около полусотни. Большинство их найдено в Европе или Северной Америке. Анализируя «Каталог вымерших птиц», составленный П. Бродкорбом в 1971 году, можно прийти к выводу, что с лица Земли исчезли не только отдельные виды сов. Так, по ископаемым остаткам, иногда единичным, мы можем судить о совах, некогда составлявших роды *Necrobyas*, *Strigogyps* *Eostrix*, *Protostrix* и другие.

Среди вымерших видов немало принадлежащих и к современным родам. На территории Франции, например, известны находки сипухи — *Tyto ignota*, обитавшей еще в среднем миоцене, и филина — *Bubo in certus*, жившего в позднем эоцене — раннем олигоцене. В Советском Союзе палеонтологом Н. И. Бурчак-Абрамовичем по остаткам, извлеченным из Бинагадинских битумов на Апшеронском полуострове, был описан вид *Bubo binagadensis* sp. nova, который, судя по размерам кости бедра, был заметно крупнее современных филинов.

Окаменелые остатки представителей видов, в частности филина известны из нижнего плейстоцена или даже верхнего плиоцена. Из этих же отложений на Украине палеонтологами описаны ныне живущие ушастая и болотная совы, обыкновенная неясыть, сплюшка. Домовый сыч обнаружен в верхнем плиоцене в Венгрии. Этот же вид в четвертичных слоях найден во Франции, Бельгии, Италии и других странах и т. д. Таким образом, в том обличье, в каком мы видим сов сейчас, они живут на земле не один миллион лет.

Отдельные виды нынешних сов, по-видимому, сформировались особенно давно. Таковы, например, сипуха и болотная сова, которые распространены почти по всей Земле. При этом нужно заметить, что совы в общем-то не склонны перелетать моря, а сипуха вряд ли на это и способна. Вероятно, распространение по крайней мере некоторых сов завершилось раньше, чем разошлись материки.

Но как совы стали совами, то есть как они приобрели современные совиные черты строения и поведения? На этот вопрос можно ответить лишь предположительно.

Полагают, что предки ныне существующих сов вели дневной образ жизни. Можно представить также, что это были преимущественно насекомоядные птицы, охотившиеся за крупными жуками, бабочками, прямокрылыми. Но не исключено, что предки сов могли быть и всеядными или питались падалью — ведь путь к хищничеству нередко лежит через всеядность или поедание падали.

Так «ли иначе, но, перейдя к хищному образу жизни, совы не пошли по пути развития скоростного полета, позволяющего достигать жертву, как это характерно для многих дневных хищных птиц, а выработали свой, специфический стиль охоты. В основу его легли качества, обеспечивающие не преследование жертвы, а подкарауливание ее, внезапное появление перед ней. Неожиданно же нападать значительно легче в сумерках или ночью, нежели днем. Стремление оставаться невидимым до решающего броска стало доминирующим. То, что в настоящее время некоторые из сов охотятся не всегда ночью, явление, скорее, вторичное, позволившее данным птицам полнее использовать имеющиеся кормовые ресурсы и заселить даже такие районы планеты, как Арктика и Субарктика, где по несколько месяцев в году солнце не заходит вообще.

В переходе сов к ночному образу жизни определенную роль могла сыграть и конкуренция с дневными хищниками. Ночное бодрствование, возможно, стимулировалось также и ритмикой активности жертв. Последнее предположение кажется особенно правомерным по отношению к насекомоядным совам. Основная их добыча — наиболее массивные насекомые (совки и бражники из бабочек, хрущи из жуков) — активна преимущественно в сумеречное и ночное время. Лишь для рыбадных сов такое объяснение не совсем подходит.

Центром разнообразия ныне живущих видов сов является зона субтропических и тропических, часто пойменных, многоярусных лесов Юго-Восточной Азии, а также дебри экваториальной Америки. На то, что совы в своей жизни тесно связаны более

всего именно с лесным, а не со степным или другими ландшафтами, указывает весь их облик. и в частности особенности строения лап. Даже у видов, в настоящее время обитающих в открытом ландшафте, мы находим признаки оборотнопалости, при которой наружный палец оказывается способным отводиться вперед, вбок и назад. Это придает совиной лапе сходство с лапой других типичных лесных видов, например попугаев, которые тоже обхватывают ветви деревьев двумя пальцами спереди и двумя сзади и передвигаются не прыжками, а, как и совы, поочередно переставляя лапы. Это очень практичный способ передвижения среди ветвей. Кроме того, лапа, два пальца которой направлены вперед, а два — назад, весьма удобна и для схватывания небольшой подвижной жертвы.

У разных видов сов оборотнопалость выражена не в одинаковой степени: типично лесные виды, например неясыти, имеют четкую оборотнопалость; у рыбного филина, часто и подолгу пребывающего на земле, четвертый палец отводится назад не полностью и при ходьбе ложится боком в сторону; болотная сова, передвигаясь по земле, обращает назад только один палец, как и большинство птиц. Оборотнопалость у сов можно рассматривать в качестве исходного варианта, а утрату ее считать явлением вторичным.

Оборотнопалость, первоначально возникшая как приспособление к передвижению в кронах деревьев, определила в свою очередь характер схватывания жертвы. Лапы сов оказались достаточно совершенным орудием лова мышевидных грызунов и других мелких животных. Напомним, что среди хищных птиц лишь у рыбацкой скопы можно наблюдать оборотнопалость, что, по-видимому, является у нее приспособлением для выхватывания рыбы из воды. Весьма подвижен наружный палец и у луней. Все же другие, даже высокоспециализированные дневные хищные птицы имеют лапы обычного строения. Тем не менее в мускулатуре сгибателей пальцев у дневных хищников и сов много общих черт.

В настоящее время совы — обособленная в морфологическом и экологическом отношении группа птиц. В истории орнитологии известны попытки сблизить сов с дневными хищными птицами, выделив их в качестве только особого подотряда. И действительно, при сравнении этих групп нетрудно найти много общих черт. Кроме упомянутых выше, это и крючкообразный клюв типичного пернатого хищника, и загнутые когти, приспособленные для удержания и закалывания жертвы, и сходство в строении скелета конечностей. Однако когда приходится выяснять родство животных, ведущих сходный, в данном случае хищный, образ жизни, то на внешнем подобии, возможно, вызванном одинаковыми приспособлениями, не стоит слишком заострять внимание. Здесь целесообразнее искать первичные, более глубокие различия, которые могут выражаться не только в морфологической структуре, но также в типе развития и повадках, о чем впереди и пойдет речь.

К вопросу о сходстве и различиях, а также о возможном родстве сов с другими птицами мы будем возвращаться еще не раз. Здесь же заметим, что в настоящее время отряд сов (*Strigiformes*) обычно сблизают с козодоеобразными (*Caprimulgiformes*), а также с попугаями (*Psittaciformes*) и ракшами (*Coraciiformes*). Среди козодоеобразных ближе всего к совам по организации, видимо, лягушкороты (*Podargidae*) и жиряки (*Steatornithidae*) — особое семейство, представленное лишь одним видом — гуахаро (*Steatornis caripensis*), обитающим в пещерах на севере Южной Америки.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ СОВ К НОЧНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

«Печать ночи» лежит буквально на всем облике и поведении сов: ею отмечены характер оперения, строение органов чувств,

способы и манера охоты. Все прошло жесточайший естественный отбор. Пример сов особенно легко убеждает в его силе и высокой степени целесообразности.

Особенности перьевого покрова и возрастные наряды. Ярко окрашенных сов нет. Ночная охота и дневной отдых в укромных местах оказали свое влияние на формирование облика этих птиц, в том числе и на окраску их оперения. В подавляющем большинстве случаев она носит покровительственный характер: основные тона ее сероватые или буроватые — под цвет древесной коры, скал, лесной подстилки. Белое оперение полярной совы — классический пример приспособления к окружающей обстановке. Необходимый маскировочный эффект достигается у сов сочетанием покровительственной окраски с малой подвижностью в светлое время суток.

Более светлые оттенки тона — от светло-коричнево-ржавого до глинисто-желтого — обуславливаются рыхлым расположением зерен пигмента феомеланина. Густое залегание их вызывает общее потемнение тона. Пигмент первоначально откладывается в клетках зачатка пера, затем проникает в корковый слой стержня пера и уже после — в бородки; чехлик рано ороговевает и поэтому не окрашен.

Для окраски взрослых сов характерна размытая пятнистость, реже проявляется четкий крап (род сипухи). Спинная сторона в общем несколько темнее брюшной. На крыльях и хвосте обычно имеется более или менее правильный поперечный рисунок, что, кстати, свойственно и большинству дневных хищных птиц. Половой диморфизм в окраске у сов не выражен или проявляется весьма слабо. Правда, неустойчивые половые различия по цвету и узору оперения обнаружены у американского филина (*Bubo virginianus*). Возможно, они наблюдаются и у некоторых других сов, например у полярной.

Говоря об окраске оперения взрослых сов, укажем, что для очень многих видов характерна индивидуальная изменчивость, но среди вариаций чаще всего встречаются сероватые и рыжеватые формы. Это явление достаточно хорошо выражено, например, у обыкновенной неясыти, которая на Кавказе представлена по крайней мере тремя модификациями: рыжей, серой и темно-бурой. Темная форма встречается значительно реже других. Специально интересовавшийся этим вопросом Л. Б. Беме, обработав обширный литературный, собственный коллекционный и опросный материалы, накопившиеся с 1897 по 1935 год, выявил лишь одиннадцать случаев добычи «черных» неясытей на всем Северном Кавказе.

Весьма наглядна и географическая изменчивость окраски отдельных видов, особенно живущих оседло. Об этом можно судить, например, по музейным тушкам филина, среди которых есть и темно-бурые с резкими рыжими пестринами, добытые в Центральной Европе, и почти белые, значительно более крупные, доставленные из Западной Сибири. Вообще же заметно некоторое посветление сов на севере и в пустынных районах и потемнение в центральной лесной полосе.

По окраске оперения сходство сов с их возможными родственниками — козодоями — весьма отдаленно. Общим является лишь то, что в обоих случаях мы имеем дело с покровительственным типом окраски пера. В целом же по распределению цвета, размытости рисунка совы больше напоминают дневных хищных птиц.

К характерным особенностям оперения сов следует отнести также его мягкость и рыхлость. Перья, покрывающие тело сов, не имеют побочного стержня (у всех козодоев он, кстати, присутствует) и примерно на две трети представлены пуховым

опахалом. Своеобразие пуховой части пера заключается в том, что бородки второго порядка здесь удлинены и не сцеплены между собой — это и придает перу особую мягкость. Настоящий пух у взрослых особей встречается лишь под кроющими перьями крыла.

У многих видов сов наравне с пухом и пуховым оперением развиты волосовидные перья, выступающие за пределы контурных. У совок, например, они могут быть обнаружены на спине, шее и в других местах. Назначение этих образований остается еще не выясненным. Не исключено их участие в осязании. Но, скорее всего, осязательную функцию выполняют специальные щетинковидные перья, растущие вокруг основания клюва, одетого, как и у хищных птиц, в восковицу. Эти перышки-щетинки направлены вперед, и когда сова трогает клювом убитого зверька, она сначала касается его щетинками. Сходные по строению щетинковидные перья — вибриссы — имеются у козодоев и ведущего ночной образ жизни новозеландского попугая (*Strigops habroptilus*), у которых роль этих перьев как органов осязания считается доказанной. Своеобразные жесткие перья образуют у сов так называемый лицевой диск. Последний у многих видов отделен короткими курчавыми перышками от остального оперения головы. Подобное образование мы находим еще лишь у луней и южноамериканских смеющихся соколов (*Herpetotherinae*), но у тех и других оно выражено не так четко. Значение лицевого диска в жизни сов, по всей видимости, очень велико и будет специально рассмотрено ниже.

У некоторых сов, например у филина, сплюшки, на голове сверху, [ад ушными отверстиями, отрастают перьевые «ушки». В сочетании : большими вперед направленными глазами они придают облику сов рысиный вид. Эти перья, как подмечено, имеют разное положение в зависимости от времени суток и состояния птицы. Так, у болотной совы, например, они утром слегка приподняты над оперением головы, . максимальный их подъем приходится на полдень; затем они начинают опускаться и к моменту наступления вечерних сумерек полностью прижимаются. Замечено также, что при возбуждении и напряженном внимании ушки несколько приподнимаются, при угрозе и страхе — прижимаются. Приподнятые ушки, прижатое оперение тела и полная неподвижность делают сову похожей на обломанный сухой сук.

Лапы сов, как правило, оперены до когтей. Однако нередко у высокоспециализированных видов, питающихся насекомыми или рыбой, пальцы оказываются покрытыми роговыми щитками. Они, например у совок, порой заходят на нижнюю и особенно заднюю части цевки. У некоторых представителей рыбных сов цевка бывает почти полностью оголена. У иглоногой совы нижняя поверхность пальцев покрыта своеобразными роговыми выростами, облегчающими удержание насекомых. По-видимому, освобождение пальцев и цевки от оперения у сов — явление вторичное. В пользу этой мысли говорит тот факт, что у птенцов, только что вылупившихся из яиц, пальцы сравнительно густо покрыты пухом. Последний, постепенно выпадая, исчезает еще в период гнездовой жизни и в юношеском наряде заменяется характерными для вида щетинками. Нам это удалось наблюдать у иглоногой совы. Оперены пальцы пуховых птенцов и у многих совок.

Перьевой покров сов развивается весьма примечательно, что хорошо отличает эту группу птиц от близких к ним в систематическом отношении козодоев и ракш. Так, если птенцы козодоев вылупляются покрытыми бурым, сравнительно редким пухом, а ракши появляются на свет совершенно голыми, то новорожденные совята одеты нежным, относительно коротким, но в общем густым белым пухом. Очень редко эмбриональный пух на птенцах сов оказывается слегка желтоватого цвета или имеет

другой оттенок. Таких «цветных» совят в свое время

можно было видеть в Московском зоопарке, где на протяжении нескольких лет размножалась пара филинов.

Пуховой наряд у большинства сов скоро заменяется на так называемый мезоптиль — промежуточный, то есть второй, состоящий из пухообразных перьев. Этот покров имеет чаще всего сероватый цвет. На каждом из перьев промежуточного наряда сидит пушинка, и становится ясным, что и пухообразное перо второго наряда развивается из тех же ростков, из которых развивается пух. По существу пуховое перо птенцов сов состоит из образований двух генераций, что в значительной степени повышает его теплоизолирующие свойства. Целесообразность этого понятна, поскольку ночная температура почти всегда ниже дневной, а оставленные ночью одни совята не лежат, как птенцы дневных птиц, тесной кучкой, согревая друг друга.

Говоря о промежуточном наряде сов, интересно отметить, что во многих случаях он как бы несет следы «ястребиной» (т. е. поперечнополосатой) окраски, которая для взрослых особей в целом не характерна.

После оставления гнезда, что происходит довольно рано, совята меняют промежуточный наряд на юношеский (телеоптиль). В эту линьку заменяются первостепенные маховые, а рулевые, второстепенные маховые и, по-видимому, частично плечевые перья остаются до следующей линьки. Лишь у птенцов крупных сов, по крайней мере филина, а возможно и других видов, в области лопаток сразу же вырастают настоящие перья, несущие первичный пух на вершине, то есть на этих участках развитие идет, минуя промежуточную стадию.

Значительно уклоняются от описанной схемы лишь сипухи. У них промежуточное перо полностью пуховое и сидит на вершине юношеского, с которого впоследствии обнашивается. В связи с наличием мезоптиля, как показали наблюдения за неясытями, ушастой совой, домовым сычом и филином, птенцы сов надевают юношеский наряд лишь в возрасте двух-трех месяцев.

Поскольку юношеское оперение сов незначительно отличается от наряда взрослых особей, принято считать, что совы приобретают окончательный облик уже в первую осень своей жизни. Исключение составляет полярная сова, у которой, как известно, с каждой последующей линькой число бурых пестрин в белом оперении постепенно сокращается. В какой-то степени возрастные отличия прослеживаются также и у западносибирского филина, молодежь которого заметно пестрее старых особей: очень старые филины этого подвида издали кажутся почти белыми. Возможно, возрастные отличия в окраске оперения имеются и у американского мохноногого сыча (*Aegolius acadicus*). По крайней мере, у сычей, обитающих в Мексике и Центральной

Америке, как указывает М. А. Бригс, характер пятнистости рулевых и маховых перьев различен у молодых и старых птиц.

В отличие от большинства хищных птиц (сходство наблюдается лишь с американскими грифами — *Cathartidae*) копчиковая железа у сов голая, неоперенная.

Бесшумный полет. Непосредственно со строением пера связано уникальное приспособление, характерное для подавляющего большинства сов, — бесшумность полета. Оно дает им возможность незаметно приблизиться к жертве. Мягкость контурного оперения сов вызвана требованием именно бесшумности полета. Даже крупные перья — маховые и рулевые — оказываются у сов сравнительно мягкими.

Кроме того, по краю наружных опахал концевые бородки частично не сцеплены и образуют бахрому. Например, у средних по размеру сов опахала рассучены на протяжении трех-четырёх миллиметров. Благодаря этому сводится к минимуму свист рассекаемого крылом воздуха. Особый изгиб опахал скрадывает шорохи, возникающие от трения перьев друг о друга.

В указанной связи интересно отметить, что отдельные виды, например иглоногая сова, для которых более характерно преследование жертвы, а не подкарауливание, имеют оперение, сравнительно плотно прилегающее к телу и жесткое, как у дневных хищных птиц. Это же наблюдается у северных видов, белой и ястребиной сов, вынужденных охотиться в условиях белых ночей или полярного дня. Сказанное в какой-то степени относится также к сычам и сычицам.

Особого внимания заслуживает строение пера у сов, охотящихся за рыбой. Их маховые практически не имеют рассученных участков. В результате полет, например, рыбного филина в тихую погоду можно услышать за пятьдесят и более метров. Очевидно, этой птице совсем не обязательно летать бесшумно. Ведь органы слуха рыб не приспособлены к улавливанию звуков в воздушной среде.

У большинства сов крыло сравнительно длинное, округлое на вершине. Первостепенных маховых перьев насчитывается одиннадцать, причем первое недоразвито и скрыто кроющими перьями. Второстепенных маховых — от четырнадцати до восемнадцати. Хвост относительно короткий, слегка закругленный, состоящий обычно из двенадцати рулевых перьев. Исключением являются лишь немногие самые мелкие виды сов, например обитающий в пустынях юга США и Мексики сычик-эльф (*Micrathene whitneyi*), у которого имеется всего десять рулевых перьев. Здесь же заметим, что в целом строение несущих поверхностей у сов — расположение кроющих перьев, количество рулевых и маховых — в общем сходно с таковым у хищных птиц.

Говоря о летных способностях сов, нужно отметить, что они достаточно совершенны. Полет сов, как правило, весьма быстрый и маневренный, хотя далеко не всегда продолжительный. В большинстве случаев совы летают невысоко над землей, часто по наклонной к земле линии. При этом машущий полет обычно чередуют с планированием. Правда, обитающие в горах и ущельях филины, по свидетельству К. А. Юдина, пользуясь восходящими токами, иногда подолгу парят кругами в высоте. Но для большинства сов, и даже для филина, парящий полет не характерен. Да он им и не нужен: добывать себе корм, высматривая жертву сверху, - дело дневных хищных птиц, а отнюдь не сов.

Уход за пером и линька. Как бы ни было совершенно оперение птиц, со временем оно изнашивается, приходит в негодность. Сохранности пера в какой-то степени содействует регулярный уход за ним. У сов он заключается прежде всего в тщательной переборке перьев. Каждый вечер, прежде чем вылететь на охоту, сова не менее получаса тратит на вечерний туалет. Кстати, если сова чешет голову или шею, то делает она это, как хищные птицы, держа лапу над крылом, тогда как козодои или ракши в таких случаях просовывают лапу под крылом.

К уходу за пером, вероятно, нужно отнести и так называемое дождевание. Всякий раз поражает, что, имея возможность скрыться в дупле или ином убежище, многие совы с видимым удовольствием остаются сидеть под проливным дождем. При этом, например, рыбная сова настолько сильно намочает, что ее с трудом узнаешь: из светлой птицы она превращается в темноокрашенную, намочшее рыхлое перо, плотно

прилегая к телу, почти вдвое уменьшает ее размеры. С наслаждением купаются, по крайней мере в неволе, сипуха, филин, обыкновенная неясыть, воробьиный сычик, мохноногий сыч и многие другие виды сов. Но, по-видимому, очень редко, а возможно и вообще не купаются ушастая и болотная совы. Правда, эти птицы, как показали наблюдения Оскара Хайнрота, в неволе охотно позволяют себя посыпать различной трухой. При этом они подставляют под сухой дождь то верхние, то нижние стороны крыла и специально топорщат перья. Весьма возможно, что эти виды в природе принимают пылевые ванны. Ежегодно у взрослых сов старое, изношенное оперение заменяется новым. Этот сложный, требующий определенной внутренней перестройки процесс называется линькой. Обычно совы линяют в теплое время года, но особенно бурно линька проходит вслед за окончанием гнездования. Она растягивается на два-три, а иногда и более месяцев. Только на смену маховых и рулевых перьев, например, у сплюшек уходит не менее 52—55 дней. Домовому сычу для полной смены этих перьев требуется 98—99 дней! Полная линька американского филина, в деталях изученная Милтоном Веллером, длится с мая до сентября-октября. Она характеризуется следующими закономерностями: первоначально сменяются внутренние рулевые, затем поочередно выпадают маховые и их кроющие, к этому времени начинают выпадать внешние рулевые, затем средние первостепенные и оставшиеся второстепенные маховые и соответствующие им кроющие перья крыла. Лишь после замены перьев крыльев и хвоста начинается общая линька контурного пера головы и тела.

Вообще порядок смены отдельных перьев у сов достаточно определенный. Как показало изучение этого процесса у домового сыча, предпринятое Рудольфом Пихоским, смена маховых в каждом из отделов крыла обязательно начинается с внутренних перьев. Наименьший промежуток времени между выпадением двух соседних перьев — пять дней, наибольший — двадцать семь.

Замечено, что в целом линька самцов протекает в более сжатые сроки, нежели самок. Точно так же замена пера у молодых и не размножающихся в данном сезоне особей идет много интенсивнее, чем у птиц, участвующих в размножении.

Интересны опыты Хэльги Тиля и Отто Фолькера по выяснению возможности регенерации перьев у сов зимой. Этим авторам удалось доказать на примере обыкновенной неясыти, что на месте перьев, утерянных (выщипанных) до начала общей годовой линьки, то есть до весны, перья не восстанавливаются.

Зрение сов. Еще в 1773 году английский натуралист Джильберт Уайт писал: «У большинства ночных птиц огромные глаза... Я полагаю, что такие глаза нужны им, чтобы вбирать в себя каждый луч света».¹

Глаза придают сове характерный облик. Именно они прежде всего и притягивают наше внимание: они очень крупные, выразительные и непременно смотрят на вас сразу оба! Совсем не так, как у других птиц. Лишь при пристальном наблюдении удастся подметить, что глаза сов направлены все же не совсем вперед, как у человека, а чуточку в стороны.

Объем глазниц у сов почти полностью занят телом глазного яблока. Для мышц,двигающих глаз, места, можно сказать, не остается, и, действительно, совы практически потеряли способность двигать глазами. Поэтому-то взгляд сов и кажется застывшим. Долгое время вообще считалось, что глаза этих птиц абсолютно

¹ Цит. по кн.: Милн Л. Дж., Милн М. Чувства животных и человека. М., «Мир», 1966, с. 266.

неподвижны. Последние же исследования М. И. Стейнбаха и К. Е. Мони показали, что, например, у американского филина глаза в орбитах все же способны как к спонтанному, так и преднамеренному движению. Однако эти возможности крайне ограничены.

В экспериментах К. Е. Мони и М. И. Кариа, проведенных на американском филине и полярной сове, удалось показать, что совы способны устойчиво удерживать голову во время резких изменений положения тела. В частности, обнаружена связь функционально-морфологических особенностей их вестибулярного аппарата (который, кстати, относительно много крупнее, нежели у человека) со зрительно-вестибулярным рефлексом и стабилизацией головы, благодаря чему создается максимально устойчивое изображение на сетчатке глаза.

Совы видят только впереди себя, причем зрение у них бинокулярное. Этим они в значительной мере отличаются от большинства птиц, в частности от козодоев, глаза которых скорее способны обратиться назад, нежели вперед. Лишь у некоторых хищных птиц — луней, скопы и змеяда — глаза отчасти направлены вперед. Приближение опасности сзади совы замечают лишь в том случае, если при этом раздается шорох. Иногда со стороны спины к совам удается подкрасться совсем вплотную и даже схватить их руками. Орнитолог А. Ф. Ковшарь, изучавший птиц Таласского Алатау, рассказывает, что во время пролета там существует простой, но оригинальный и, как он убедился, добычливый способ ловли сплюшек, применяемый в основном детьми. Он заключается в следующем: к сидящей спокойно днем сплюшке приближаются с противоположных сторон два человека, один из которых всеми средствами старается привлечь ее внимание — размахивает руками, приплясывает, часто воспроизводит телодвижения самой сплюшки. В это время второй человек подходит к сплюшке сзади и берет ее в тот момент, когда она всецело поглощена созерцанием «танца».

Чтобы изменить направление взгляда, совам необходимо повернуть голову. Надо полагать, что именно с этим связана исключительная подвижность шеи птиц: в обычных жизненных ситуациях совы свободно поворачивают голову, вокруг вертикальной оси на 270 градусов (а могут и на 360!), а вокруг горизонтальной оси — на 180 градусов и даже чуть больше. Интересно наблюдать, как сова следит за двигающимся вокруг нее человеком. Ее глаза все время направлены на него. Голова поворачивается очень плавно. Но когда человек начинает уходить за пределы поворота шеи совы, голова ее почти мгновенно поворачивается обратно и уже с другой стороны, схватив цель обоими глазами, сова вновь следит за ней.

Глаза сов не шарообразные, как кажется. Они имеют телескопическую форму. Это суженные спереди и расширенные кзади цилиндры. Хрусталик совиного глаза располагается не в уплощенном глазном яблоке, как у других птиц, а в глубокой роговой трубке. По существу это светосильный телеобъектив. Огромный зрачок использует сполна самое ничтожное количество света. Поразительные данные приводит на этот счет норвежский натуралист Сверре Фьельстад в своей книге «Летела птица». Оказывается, обыкновенная неясыть замечает мышь на среднем по контрастности фоне при силе света, создаваемой одной стеариновой свечой, удаленной на восемьсот метров, а ушастая сова — в шестистах пятидесяти метрах от свечи. Сходные факты приводит также Роберт Бертон в книге «Чувства животных».

Но не у всех сов так хорошо развито зрение. По-видимому, несколько хуже видят в темноте ястребиная и полярная совы, воробьиный сычик и другие виды, охотящиеся в сумерках и днем. В этом отношении убедительно звучит высказывание того же Сверре Фьельстада, который утверждает, что он видит ночью не хуже

воробьиного сычика! И действительно, эта птица в безлунные темные ночи почти не охотится и малоактивна. Удачной ее охота бывает лишь в предрассветных сумерках, вечером, а нередко и днем.

У сов в отличие от дневных животных в сетчатке глаза преобладают палочки, которые ответственны прежде всего за образное зрение. В состоянии ли совы различать цвета — не ясно. Очевидно лишь то, что их способность к этому весьма ограничена и не идет ни в какое сравнение с возможностью распознавания черно-белых предметов.

Глаза сов могут видеть не только в густых сумерках, но и днем. Подолгу, не мигая, сова нередко смотрит на светлое небо. Наблюдая за поведением филина днём, нельзя не удивляться, как далеко замечает он пролетающего дневного хищника или ворону, даже если смотрит против солнца. Объясняется это тем, что сова обладает поразительной способностью к сокращению размера зрачка, как бы к его диафрагмированию. Конечно, если сову внезапно осветить в темноте или днем выпугнуть из темного дупла, она не сразу оказывается в состоянии хорошо видеть вокруг, так как для адаптации ее глаз требуется время. Однако у сов она происходит сравнительно быстро.

Будучи дальноркими птицами, все совы, особенно большеглазые формы, вероятно, не видят в непосредственной близости перед собой. Интересный пример того приводят в книге «Птицы средней Европы» Оскар и Магдалена Хайнрот, которые содержали сплюшку у себя дома. Они бросали сплюшке дождевых червей, но птице не всегда удавалось схватить корм сразу и тогда, чтобы увидеть червя вновь, ей приходилось отступать хотя бы на пару шагов. Сходный эксперимент мы неоднократно проделывали с уссурийской совкой, жившей у нас дома. Нетрудно было убедиться, что если совке быстро подносить почти к самым глазам даже любимую пищу, то она никак не реагирует на нее. Однако стоит отодвинуть корм хотя бы на десять сантиметров, как птица тут же замечает его и схватывает. О том, что совы не используют зрение на близких дистанциях, можно судить и по следующему факту. Когда сова подносит пищу ко рту, она всякий раз при этом закрывает глаза. Наклонившись, птица обычно прикасается к жертве клювом и окружающими его щетинками, отыскивает ее голову и, убедившись на ощупь, что добыча мертва, начинает ее поедать.

Цвет радужины глаз сов часто поражает наблюдателя. Он может быть ярко-апельсиновым, почти красным, как, например, у ушастой совы, или лимонно-желтым, как у болотной совы и сычей, или, наконец, темно-бурым, как у большинства неясытей. У подвидов, например, филина окраска радужины глаз может варьировать в значительных пределах — от бледно-желтой до почти апельсиновой. С возрастом цвет радужины обычно меняется, становясь все более и более интенсивным. У птенцов, как правило, радужина светло-бурая.

Похоже, что окраска радужины прямо не связана со зрением. При незначительной освещенности, когда обычно и охотятся совы, радужина у них вообще почти не заметна — весь глаз занимает темный зрачок. Площадь радужины увеличивается и сокращается автономно в каждом из глаз. В этом нетрудно убедиться, наблюдая за совой, частично освещенной солнечным бликом.

Когда смотришь на сову, невольно обращаешь внимание на необычный характер мигания глаз. Большинство птиц, мигая, поднимает нижнее веко вверх, одновременно прикрывая глаз мигательной перепонкой. Но совы поступают иначе, почти как люди: они, мигая, опускают верхнее веко вниз. Учащенное мигание (опускание века) свидетельствует о беспокойстве птицы. Потрясенная сова, перед тем как улететь,

обычно начинает «обиженно» мигать. Однако если сова спокойна и, засыпая, прикрывает глаза, она делает это, как все другие птицы: нижнее веко поднимает вверх. Иначе говоря, по характеру мигания можно судить о состоянии совы.

Слух — ведущий анализатор. В ночное время добывают корм многие птицы. Среди них можно назвать уток и некоторых куликов — они отыскивают пищу при помощи осязания, а также киви, обитающих в Новой Зеландии, — у которых, помимо осязания, в значительной мере развито обоняние, и, наконец, козодоев — они при ловле насекомых на лету ночью используют прежде всего, по-видимому, зрение. У сов же немаловажную роль в охоте играет слух.

До недавних пор считалось, что совы охотятся, в основном высматривая добычу. И действительно, многие совы, несомненно, с успехом пользуются зрением в сумерках или при свете луны. Но если бы они, особенно такие сугубо ночные виды, как сипуха, полагались в розыске пищи только на зрение, то в облачные или безлунные ночи оставались бы голодными. У сов обязательно должен был развиваться острый слух.

В свое время зоологическую общественность немало удивило сообщение о находке в лесу обыкновенной неясыти, хорошо упитанной и бодрой, но оба глаза которой были поражены катарактой роговицы. Судя по всему, сова потеряла зрение по крайней мере несколько месяцев назад. Позже стали известны и другие случаи встреч в природе слепых сов. Каким же образом эти птицы добывали пищу? Не так давно ответить на этот вопрос было просто невозможно.

Совершенно очевидно, что в условиях скудной освещенности зрение уступает ведущее место слуху. Именно последний начинает выполнять основную функцию при обнаружении добычи. Эксперименты американского орнитолога Роджера Пейна показали, что, например, сипуха в полной темноте, руководствуясь лишь слухом, определяет местоположение жертвы с точностью до одного градуса. Опыты, доказавшие это, проводились в абсолютно затемненной комнате, пол которой был засыпан сухой подстилкой, и поэтому можно было слышать, как специально выпущенная мышь пробегает по полу. И стоило зверьку появиться, как сипуха срывалась со своего насеста и бросалась вниз. Раздавался шум короткой борьбы. Когда зажигали свет, то всякий раз оказывалось, что мышь поймана. Если же зверька выпускали на голый пол, по которому юн двигался практически бесшумно, сова не могла обнаружить его. Чтобы убедиться, что сова ловила мышей, ориентируясь исключительно на слух (ведь зверек в принципе мог быть обнаружен, например, по запаху или излучаемому теплу, как, в частности, находят свою жертву змеи), исследователи через комнату на ниточке протаскивали шуршащий бумажный шарик. Сипуха хватала в темноте и его.

О том, что совы могут отыскивать добычу с помощью лишь слуха, писал в тридцатых годах Эрик Русенберг, наблюдавший, как ушастые совы обнаруживали и ловили полевок под полуметровым снежным покровом. Аналогичные факты известны нам в отношении бородатой и длиннохвостой неясытей.

Способность сов улавливать звуки малой интенсивности и точно определять местоположение жертвы на слух объясняется особым устройством слухового аппарата. Прежде всего у них заметно увеличена барабанная перепонка. Благодаря этому давление звуковой волны, передаваемое слуховым столбиком на сравнительно небольшую площадь овального окна внутреннего уха, усиливается почти в сорок раз (а не в восемнадцать, как у человека). Примечательно и то, что у сов слуховая косточка не опирается на центр барабанной перепонки, как у большинства других птиц, а

располагается несколько эксцентрично, и это также обеспечивает дополнительное усиление давления.

По-особенному в сравнении с дневными птицами устроена и звукоулавливающая часть слухового аппарата сов. У многих видов «ушные раковины», образованные специальными складками кожи и перьями, достигают чрезвычайно больших размеров, почти смыкаясь наверху и внизу головы. Эти складки вместе с растущими концентрическими рядами вокруг клюва жесткими перышками образуют так называемый лицевой диск. Перья диска подвижны и позволяют регулировать ширину ушных щелей с целью создания оптимального режима приема звуковых волн.

Одна из самых поразительных особенностей строения органа слуха сов состоит в асимметричном расположении слуховых отверстий. Она выявлена у целой группы видов, в частности у сипухи, обыкновенной неясыти, болотной и ушастой сов и других. Например, у ушастой совы правый и левый слуховые проходы представляют собой как бы две воронки, оси которых расходятся в разных направлениях и под разными углами. У мохноногого сыча асимметрия захватывает даже кости черепа! Эксперименты показали, что таким слуховым аппаратом наиболее точно лоцируются звуки высоких частот. Кроме того, имеется предположение, что асимметрия расположения ушей обеспечивает способность совы к вертикальной локации. Однако вопрос этот далек от окончательного решения. Дело в том, что асимметрия пока не обнаружена у ряда видов сов, хорошо улавливающих звуки и весьма точно определяющих место, откуда они исходят. Например, она отсутствует или выражена крайне слабо у филина, ястребиной и полярной сов, у воробьиного сычика.

Исследования группы московских биологов — В. Д. Ильичева, Л. И. Барсовой, Т. Б. Голубевой, Г. Р. Такса и А. Г. Черного — показали, что острота слуха сов не только определяется специфичностью строения уха этих птиц, но и во многом связана с особенностями структуры слуховых центров головного мозга. По сложности строения этих центров можно судить о степени развития слуха у разных видов сов. Так, например, максимальное число нервных элементов, ответственных за восприятие звука, — 22516 — было обнаружено у болотной совы; у обыкновенной неясыти их оказалось 20431, у мохноногого сыча — 17783, ушастой совы — 16926, полярной совы — 14650, филина — 13 178 и у домового сыча — 9834. Заметим, что наиболее близко к совам в этом отношении стоят дневные хищные птицы, у которых нейроны по форме и размерам подобны таковым сумеречных сов. Это сходство объясняется тем, что некоторые хищные птицы (например, луни) при розыске жертвы, так же как и совы, часто руководствуются слухом.

По сравнению с другими птицами максимум слуховой чувствительности у сов смещен в высокочастотную область. У ушастой совы он располагается в области четырех-шести килогерц, у домового сыча — трех-четырёх килогерц (в то время как, например, у голубя максимум слуховой активности находится в области одного-двух килогерц).

Полагают, что эта особенность слуха сов связана с тем, что грызуны — основные их жертвы — производят звуки высокой частоты. Но наблюдения показывают, что совы, отыскивая мышей, чаще руководствуются всевозможными шорохами, нежели писком, который мыши издадут много реже.

Загадка паясничества и лицевого диска. У сов, как мы только что отмечали, в отыскании корма первостепенное значение отводится слуху, для чего имеются различные акустические приспособления. Однако чтобы успешно охотиться ночью,

недостаточно обладать лишь острым слухом. Необходимо уметь точно определять место, откуда исходит звук, издаваемый жертвой. Каким же образом это осуществляют совы?

Тот, кто держал сов дома или имел возможность близко наблюдать их в природе, не мог не обратить внимание на любопытнейшее явление — паясничество этих птиц. Без видимой, казалось бы, причины, обратив взор куда-то вдаль, сова, словно индийская танцовщица, временами начинает методично отклонять голову то в одну, то в другую сторону или перемещать ее в вертикальном направлении. Эти движения производятся в основном шеей при почти неподвижном туловище. Облик паясничавшей совы, особенно мелких видов и тех, у которых голова украшена перьевыми ушками, весьма комичен. Иногда просто трудно поверить, что перед вами сидит птица, а не какое-то сказочное существо, самозабвенно стремящееся развеселить вас. Каково же значение такого паясничества?

Прежде чем ответить на этот вопрос, укажем, что столь типичные для сов движения у разных видов проявляются в разной степени. Наиболее характерны они для сов с особенно хорошо развитым лицевым диском. Заметим, что игры, имитирующие охоту, которые можно наблюдать у многих птенцов сов, и в основе своей включающие эти же движения, более явно проявляются лишь после начала формирования перьев лицевого диска. У совят же тех видов, взрослые особи которых имеют недостаточно четко выраженный лицевой диск, паясничество наблюдается сравнительно редко.

Эти загадочные движения сов уже давно привлекали внимание зоологов. Первоначально их связывали исключительно со зрением. Действительно, иногда кажется, что сова при этом к чему-то присматривается. Однако позднее большинство ученых сошлось во мнении, что такие движения способствуют точности локализации звуков. Так, после серии экспериментов В. Д. Ильичев и А. Г. Черный пришли к убеждению, что покачивания головой в плоскости лицевого диска в вертикальном и горизонтальном направлениях помогают точнее улавливать звук в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Производные же от этих движений покачивания головы позволяют птице, по-видимому, засекают звуки одновременно в обеих плоскостях, добиваясь ощутимых различий в силе звука, принимаемого одним и другим ухом. При этом смещение головы в сторону на четыре-пять сантиметров равносильно ее повороту на полградуса. Поскольку сова отклоняет голову то в одну, то в другую сторону, можно считать, что угол смещения равняется по крайней мере одному градусу.

У сов наблюдается еще один тип движения головы — наклоны вперед, которые, возможно, ответственны за лоцирование на более или менее значительных расстояниях. Надо сказать, что дистанция, с которой нападают совы на жертву, обычно не превышает четырех-шести метров.

Интересно, что при повышенном общем шуме нередко можно наблюдать описанные выше лоцирующие движения и в отсутствие звукового сигнала, идущего от жертвы. Сова как бы проверяет себя. Тот же факт, что тип движений головы не всегда зависит от степени зашумленности фона и расстояния до жертвы, говорит о несомненном значении этих движений и для зрения. Может быть, рассматривая предмет с разных точек, сова получает о нем и о расстоянии до него более полную информацию, нежели тогда, когда смотрит на него, не двигая головой. Здесь уместно заметить, что лоцирующие движения характерны также для хищной птицы гарпии (*Harpia harpia*). Кстати, у этой ведущей дневную жизнь птицы, как и у сов, имеется лицевой диск, образуемый приподнимающимися перьями с боков головы, на затылке и

вверху шеи. Возможно, что в данном случае движения головы связаны и со стремлением птицы хорошенько присмотреться к чему-либо.

Как показали наблюдения Роджера Пейна и Эке Норберга, а затем В. Д. Ильичева и других биологов, изучавших адаптивные механизмы акустической ориентации сов, ушастая сова, сипуха и мохноногий сыч, а также, безусловно, многие другие совы в момент активного лоцирования изменяют не только положение лицевого диска, но и его форму и даже площадь. Последнее становится возможным благодаря подвижности перьев и ушных складок, образующих лицевой диск. Проведенные в темноте съемки на чувствительную к инфракрасным лучам киноплёнку полностью подтвердили это. Если одну из ушных складок в эксперименте фиксировали в неподвижном состоянии, то сова начинала промахиваться при броске на мышь. В дальнейшем А. Г. Черному удалось выяснить, что расширение лицевого диска является необходимым условием точной локации в вертикальной плоскости. Не исключено также, что подвижность лицевого диска увеличивает асимметрию всего локационного аппарата.

Следовательно, вполне вероятно, что лицевой диск сов — это своеобразное приспособление, обеспечивающее дополнительную точность при розыске жертвы на слух.

Однако указанным не исчерпывается возможное значение лицевого диска. Так, известно, что это образование у разных видов сов выражено не в одинаковой мере. Например, у сипухи и бородатой неясыти лицевой диск хорошо заметен, а у иглоногой совы и домового сыча он развит очень слабо. Мнение о том, что выраженность лицевого диска находится в прямой зависимости от степени ночной активности этих птиц, не выдерживает критики. Из всех неясытей самый четкий лицевой диск мы находим, у бородатой, а именно она наиболее склонна к сумеречной активности. В то же время иглоногая сова, достаточно деятельная в ночные часы, практически не имеет лицевого диска. И подобных исключений оказывается немало.

Наблюдая в природе разные виды сов, нетрудно убедиться, что охотятся они по-разному. Одни (неясыти, ушастая сова) способны подолгу терпеливо выжидать появления жертвы; другие (полярная и болотная совы, многие сычи) сочетают подкарауливание с поисковым полетом; наконец, третьи (иглоногая сова) добывают пищу преимущественно на лету. При этом лицевой диск максимально развит у первой группы сов, у второй он часто неполный, у третьей же выражен очень слабо. Таким образом, становится очевидным, что лицевой диск в качестве дополнительного устройства, обеспечивающего точность локации жертвы, прежде всего необходим для тех сов, в основе охоты которых лежит не поисковый полет, а подкарауливание, и он нужен совам в первую очередь в момент покоя, а не во время полета.

Эта мысль подтверждается и косвенными данными. Степень выраженности лицевого диска, оказывается, достаточно четко связана с формой крыла и хвоста, зависящей от характера полета. Чем уже и длиннее крылья, тем обычно менее развит лицевой диск. В отдельных случаях прослеживается и другая закономерность: чем явственнее лицевой диск, тем мягче оперение, и, наоборот, у сов с нечетким лицевым диском общее контурное оперение более жесткое, полет быстрый и сравнительно шумный. Для таких видов главное при охоте заключается не в незаметном появлении, а в возможности настичь жертву.

Можно предположить, что хорошо выраженный лицевой диск — исходная черта облика сов и лишь переход от наиболее характерного для них подкарауливания добычи

к активному поиску ее привел к исчезновению у части видов приспособлений, полезных в первом случае и малоэффективных во втором. Утрату лицевого диска у быстро летающих сов можно объяснить и иначе: последний мешал стремительному полету чисто аэродинамически.

Таким образом, по внешнему виду совы, в частности по ее лицевому диску, можно с большой долей вероятности определить стиль ее охоты, представить тип полета и даже предположить, характерны ли для ее птенцов игры, имитирующие охоту. Функция и форма всегда взаимосвязаны, хотя вскрыть это сразу порой не удастся. Но еще многое в облике сов остается неясным. Трудно ответить, например, на вопрос, почему у одних сов перьевые ушки развиты (ушастые совы, филины, совки), а у других отсутствуют (иглоногие совы, сычи, сычики, неясити) и почему у одних лицевой диск округлый (неясити), у других — сердцевидный (сипухи), а у некоторых имеет рогообразные выросты (серая сипуха — *Rhodilus prigoginei*, обитающая в горах Танзании, или похожая на нее сипуха из Юго-Восточной Азии — *R. badius*). Когда-нибудь будут найдены ответы и на эти вопросы.

ПИТАНИЕ И СПОСОБЫ ОХОТЫ СОВ

Видовой состав жертв хищника, то есть характер его питания, определяется прежде всего его собственными размерами и способом охоты. Необходимо также, чтобы совпадал ритм суточной активности жертвы и хищника.

Ритм суточной активности. Как уже отмечалось, для большинства сов характерна сумеречная и ночная активность. Проголодавшаяся за день сова начинает охотиться обычно сразу же после захода солнца. Около полуночи наступает спад интенсивности охоты или она даже прекращается, но перед рассветом наблюдается новый пик деятельности. Замечено, что в темные, облачные ночи совы менее активны, чем в лунные. Наблюдая за жизнью иглоногой совы и рыбного филина в южном Приморье, мы убедились, что максимальная активность этих птиц также приурочена к сумеркам, хотя они здесь очень непродолжительны. Таким образом, совершенно очевидно, что оптимальные условия для охоты совы находят в сумеречные, а не в ночные часы. В пасмурную погоду совы с вечера вылетают на охоту раньше, чем в безоблачную.

О том, что активность сов связана с освещенностью, говорят и последние работы Миколы Хеймо, в которых сравнивается время максимальной охотничьей деятельности воробьиного сычика в Финляндии, Австрии, Швеции и Норвегии. То же самое установили и мы, наблюдая за поведением длиннохвостой неясити и мохноногого сыча в Ленинградской области. Везде пора наступления сумерек определяла и время бодрствования этих птиц.

Г. А. Новиков отмечает, что период активности сов в лесостепных дубравах, в частности обыкновенной неясити, летом составляет всего шесть-семь часов в сутки, то есть он значительно меньше, чем у дневных хищных птиц. Этот факт свидетельствует, насколько интенсивно должна протекать охота сов.

С. Н. Гатенхаузену удалось показать экспериментально, что фотопериодизм регулирует газообмен у сов и что интенсивность его полностью коррелирует с изменением суточной активности. Так, если у дневных хищников, например пустельги, дыхательный коэффициент уменьшается от 0,76 днем до 0,74 ночью, то у ночных птиц, например у ушастой совы, он увеличивается с 0,76 днем до 0,83 ночью.

Не остается постоянной на протяжении суток и температура тела сов. Еще в начале этого века С. Симпсоном и И. Галбрайтом было убедительно показано, что температура у сов ночью выше, нежели днем, и изменения ее совпадают со сменой периодов активности и покоя. Больше того, имеются данные, что некоторые совы днем впадают в особое физиологическое состояние — своеобразный транс.

Любопытно, что повышенный уровень газообмена сов с вечера до утра, как выявили эксперименты А. Н. Сегалья на птицах, содержащихся в неволе, может сравнительно легко изменяться. Для нас это интересно тем, что совы, видимо, довольно легко могут перестраиваться внутренне и изменять время своей активности. Известно, например, что многие особи болотной и ястребиной сов, домового сыча и бородатой неясыти нередко вылетают на охоту задолго до захода солнца, в то время как других представителей этих же видов отличает достаточно четко выраженная сумеречная или ночная активность. И. М. Громов и Н. М. Парфенова подметили, что в условиях открытого ландшафта полупустынь северного Прикаспия филин в какой-то степени даже теряет черты ночного хищника.

На время активности сов, возможно, влияет и температура окружающей среды. В этом отношении интересны наблюдения Гарри Коулумба над земляной совой (*Speotyto cunicularia*) в Калифорнии. Им было подмечено, что при понижении температуры воздуха увеличивается продолжительность дневной активности этих птиц. Сходно иногда ведут себя и наши насекомоядные совы. Так, в предгорьях Сихотэ-Алиня, где ночи весной бывают весьма холодными, уссурийская совка подчас начинает охотиться задолго до заката. На рассвете же, к моменту максимального падения температуры, когда большинство беспозвоночных, служащих пищей этой сове, впадает в глубокое оцепенение, охота совки прекращается.

Таким образом, преимущественно сумеречная активность сов хотя и является для них в целом правилом, тем не менее иногда может сменяться дневной деятельностью. Однако эти исключения лишь подтверждают правило. Основу же рациона сов составляют прежде всего животные, активные в ночные и сумеречные часы.

Прожорливость и запасание корма. Возможность регулярной добычи корма совами определяется не только совпадением периодов активности жертвы и хищника, но и соотношением их размеров. Иными словами, жертва должна быть под силу хищнику.

По сравнению с дневными хищниками совы в общем птицы не крупные, а скорее средние. Наиболее мелкие из них — это сычики. Например, малый сычик (*Glaucidium minutissimum*), встречающийся на самом юге Северной и в центральных районах Южной Америки, ростом (от клюва до кончика хвоста) не более 12—12,5 сантиметра. Немного крупнее и поселяющийся в дуплах кактусов уже упоминавшийся ранее сычик-эльф. В фауне Советского Союза одной из мелких сов является воробьиный сычик. Его длина 15—17,5 сантиметра, и весит он всего 55—80 граммов. Почти столь же миниатюрны уссурийская и другие совки. Из крупных сов можно назвать филина, длина которого составляет 62—72 сантиметра, в размахе крыльев он достигает 2 метров и весит 2,1—3,2 килограмма. Внушительных размеров и рыбные филины. Вес самок этой совы к осени нередко бывает свыше 4 килограммов. Подавляющее большинство сов не столь крупны, как филины, но и не так малы, как сычики. Обычно это птицы величиною с галку или ворону.

Самцы у сов, как правило, более легковесны. Особенно это заметно среди

неясытей. Так, самцы обыкновенной неясыти редко весят более 500 граммов, тогда как самки часто достигают 650—700 граммов. Средний вес самцов бородатой неясыти — 750 граммов, самок — 1150.

Примечательно, что размеры взрослых сов более стабильны, чем их вес. Последний в неблагоприятные периоды жизни может резко снижаться. Особи, потерявшие даже до сорока процентов веса, как показали наблюдения Нилса Хеглунга и Эрика Лансгрена за боролатыми неясытями в Швеции, при нормализации условий существования быстро его восстанавливают. Сходные данные имеются и для других видов сов.

Поражает прожорливость сов. Так, В. А. Попов и А. В. Лукин в книге «Животный мир Татарии» описывают, как однажды зимой был убит филин в момент нападения на лису. В его желудке оказались остатки более сорока полевок и мышей. Е. П. Спангенберг добывал в полезащитных насаждениях болотных сов, в желудках которых находил по десять и более полевок. Имеются сведения и о сипухе, съевшей за ночь пятнадцать мышей.

Потребность в корме у разных видов сов, вероятно, неодинакова. Так, содержащийся в неволе канадским орнитологом Джоном Сиденстикером молодой самец полярной совы не худел, потребляя ежедневно пищу в количестве, равном 8,6 процента от веса своего тела (вес совы составлял 1518 граммов). Эта же птица могла съесть и до 10 процентов корма. В природе же полярная сова поедает корма еще больше — обычно 11—19 процентов от собственного веса. Не многим меньше поглощают корма и другие совы. Бородатая неясыть и виргинский, филин ежедневно должны съедать животной пищи в количестве около 7 процентов от веса собственного тела.

Но как бы совы ни были прожорливы, сразу заглотить большое количество пищи они не могут, так как у них отсутствует зуб. Возможно, с этой особенностью устройства пищевода (у дневных хищных птиц, например, зуб имеется) у сов и связано одно из интереснейших, явлений в их поведении — запасание пищи. Явление это пока еще изучено недостаточно хорошо. М. А. Мензбир описал случай, когда ушастая сова прятала недоеденную часть добычи, зарывая ее в листья, и позже прилетала к этому тайнику. В книге «Спутник следопыта» А. Н. Формозов приводит данные наблюдения за филином, который возвращался к убитому им зайцу до тех пор, пока на месте охоты не остался лишь измятый снег с пятнышком крови да несколько клочков шерсти. В окрестностях Ленинграда на протяжении нескольких ночей подряд мы замечали по следам на снегу, как длиннохвостая неясыть появлялась у ранее добытой ею глухарки.

Однако возвращение к добыче — это еще не запасание корма в полном смысле слова. Такое поведение скорее говорит о наличии памяти у птиц. Совы же делают и настоящие запасы, рассчитанные на использование в будущем. Запасание пищи наиболее характерно для мелких видов, например для воробьиного сычика. Эта крошечная сова устраивает целые склады провизии. По-видимому, рекордный запас был обнаружен Г. Н. Лихачевым в Тульских засеках зимой 1951 года. Здесь в дупле большого пестрого дятла были найдены 81 рыжая полевка, 3 обыкновенные полевки и 2 малые бурозубки общим весом 1396 граммов! Сычики делают запасы лишь с осени и к концу января — февралю, как правило, уже почти полностью их используют.

Прожорливость и умение запасать корм впрок удивительным образом сочетаются у сов со способностью сравнительно долго голодать. Два-три дня без еды совы переносят без заметного угнетения. Известен случай, когда полярная сова

прожила без пищи двадцать четыре дня.

Пьют ли совы воду? В природе пьющую воду сову нам видеть не приходилось. Вероятно, они довольствуются водой, получаемой с животной пищей. Однако, судя по данным Гарри Коулумба, земляная сова регулярно прилетает на водопой.

Способ поедания добычи. Как и дневные хищные птицы, совы схватывают добычу не клювом, а когтями. Чаще всего они удерживают жертву одной лапой, причем мелкую добычу — мышшь берут не поперек тела, а вдоль. При этом жертва оказывается зажатой между двумя внешними (третьим и четвертым) и двумя внутренними (первым и вторым) пальцами, когтями которых и закалывается. В этом деле коготь четвертого пальца принимает минимальное участие. Клюв служит совам лишь для измельчения добычи. Однако многие совы предпочитают ловить таких животных, которых в состоянии проглотить целиком.

В отличие от дневных хищных птиц у сов развиты слепые кишки, которые, как известно, предназначены для усвоения трудноперевариваемой пищи растительного происхождения. Поэтому для хищников в целом они не характерны. Присутствие же их у сов можно объяснить, во-первых, наследием далеких предков, а во-вторых, и это нам кажется наиболее вероятным, вторичным образованием вследствие привычки заглатывать добычу по возможности целиком. В этом случае вместе с мышью сова поглощает и содержимое ее желудка — полупереваренные растительные остатки. Даже тогда, когда жертва поедается по частям, — а делается это большинством сов, особенно при дефиците корма, весьма неразборчиво, — пожирается все, что можно оторвать и проглотить, в том числе желудок, кости и шерсть.

Почему, однако, совы не выедают у добычи преимущественно мышшь, как это делает большинство дневных хищных птиц? Возможно, дифференцированное пожирание жертвы для сов затруднительно, поскольку они очень плохо видят на близком расстоянии. Но мыслимо и другое предположение: для нормальной жизнедеятельности совам необходима разнообразная пища, в частности и полупереваренная растительная масса. Этот вопрос требует специального изучения.

Наблюдения показывают, что далеко не все, что совы проглатывают, они могут переварить: в желудок часто попадает слишком много шерсти, перьев и костей. Непереваренная часть пищи — спрессованные комки — регулярно отпрыгивается совой в виде погадок. Для сов погадки гораздо характернее, чем для дневных хищников. Процесс выбрасывания погадки у сов довольно продолжителен. Наблюдая за совой, обычно можно предсказать это событие еще за четверть часа до его начала. Признаком, предвещающим появление погадки, служит частая «зевота». Иногда создается впечатление, что птица чем-то поперхнулась. Периодически перья на шее совы то оттопыриваются, то вновь принимают обычное положение и птица как будто делает глотательные движения.

Совиная погадка по форме представляет собой цилиндр с одним округлым и вторым, как правило, заостренным концом. У большинства мышеядных видов снаружи она кажется сплошь состоящей из шерсти. Однако стоит ее размельчить, как внутри обнаруживается масса костей, включая даже целые черепа грызунов. Чае в одной погадке мы находим остатки двух-трех зверьков. По размерам погадки сильно варьируют.

Длина их, например, у болотной совы колеблется от четырех до восьми с половиной сантиметров; более стабилен диаметр — около двух сантиметров. Погадка воробьиного сычика не превышает двух с половиной сантиметров в длину при

диаметре около сантиметра. Погадка филина может быть весьма внушительной — до десяти сантиметров в длину и около четырех в поперечнике.

Интересно, что птенцы многих сов отрывают погадки лишь в позднем возрасте и делают это далеко не регулярно. У рыбного филина, например, ни в гнезде, ни возле него мы не находим птенцовых погадок по крайней мере в течение месяца после вылупления. Хелли Рот, наблюдавший развитие птенцов домового сыча, также не отмечал отрывания погадок в первые три недели. Возможно, что в период интенсивного роста птенцов пища усваивается более полно, а часть вещества костей идет на формирование их собственного скелета. Однако основная причина отсутствия погадок, вероятно, кроется в том, что в первые недели жизни совы родители дают им самые мягкие кусочки, а кожу, кости и прочее проглатывают сами.

Рихард Кларк, сравнивавший погадки дневных хищных птиц и сов, указывает, что в погадках взрослой совы, например болотной, кости составляют около 44 процентов (сухой вес), а полевого луны — редко более 17 процентов. При этом в погадках луны кости даже мелких грызунов оказываются значительно более раздробленными, нежели в погадках совы. Вот почему погадки у сов на ощупь всегда более плотные, чем у дневных хищников.

Удивительно, что при полном переваривании мышечной ткани в желудках сов почти целиком сохраняются даже мелкие кости, а черепа, например, настолько очищаются, будто их вываривали для научной коллекции. Кстати, сходную картину можно наблюдать у некоторых ракообразных, в частности у зимородка, у которого в погадках прекрасно сохраняются не только тончайшие кости рыб, но и чешуя.

Еще Оскар Хайнрот, принимая во внимание аммиачный запах, исходящий от погадок, предположил, что желудочный сок сов имеет не кислую, как у всех птиц, а щелочную реакцию. Однако специальное изучение этого вопроса Дитрихом Старком и Абертом Барниколом показало, что у обыкновенной неясыти, ушастой совы и сипухи основу желудочного сока составляет все же не аммиак, а соляная кислота. Образование аммиака в погадках скорее всего явление вторичное, вызванное гниением непереваренных частей пищи. -Этим, однако, не отрицается своеобразие пищеварения сов.

Методы изучения питания сов. Определение остатков животных в погадках сов представляет огромный интерес для выяснения особенностей их питания. Без преувеличения можно сказать, что девять десятых наших знаний о характере пищевых связей сов получены именно таким путем. Разбор погадок дает возможность не только составить картину питания сов в настоящее время, но и решить вопрос о пищевых связях сов в далеком прошлом. В этом отношении интересное исследование, касающееся филина, провели на восточном Памире И. М. Громов и О. В. Егоров.

Совсем недавно сходную работу проделали Е. П. Анисимов и М. Н. Лозан. В нишах крутого берега реки Реут в Оргеевском районе Молдавии они обнаружили целые залежи погадок филина, скопившихся примерно за двести лет и образовавших слой толщиной до двадцати пяти сантиметров. Всего здесь было найдено свыше трех тысяч костных остатков животных, по которым удалось опознать двадцать два вида млекопитающих, около пятнадцати видов птиц, а также несколько видов рептилий и амфибий. Сравнивая встречаемость отдельных видов животных по горизонтам залегания погадок, удалось узнать следующее: во-первых, в настоящее время корм филина стал гораздо разнообразнее; во-вторых, если в полуископаемых остатках серая крыса составляла 34 процента, то в современных на нее приходится уже 44. Отсюда

вполне допустимо предположить, что численность этого грызуна за последние двести лет заметно возросла. Второе место в питании филина заняли суслики — соответственно 31 и 36,5 процента. В 1970 году вышла в свет работа Д. Яноши и Е. Шмидта, посвященная изучению биологии филина на огромной территории — от Западной Европы и Северной Африки до Забайкалья включительно. В ней авторы, помимо современных данных, обобщили результаты анализа ископаемых погадок. Иными словами, им также удалось выяснить, на кого охотились филины в темные ночи далекого прошлого!

Разбор погадок представляет несомненный интерес и с общей, фаунистической точки зрения. В ряде случаев он позволяет уточнить наличие, распространение и численность многих мелких млекопитающих в прошлом и настоящем. Так, в 1953 году, изучая питание сипухи по погадкам из Судана, Рэне Лавока обнаружил остатки тушканчиков, различных песчанок, и других видов, причем пять из них до тех пор не отмечались в данной местности. Анализ содержимого погадок сипухи и африканского филина (*Bubo africanus*), проведенный в 1965 году И. А. Нелом и Х. Нолтом на юге Бечуаналенда (Южная Африка), помог выяснить распространение целого ряда мелких млекопитающих. В 1962—1963 годах Б. М. Петров в погадках ушастой совы из предгорий Западного Тянь-Шаня обнаружил белозубку-малютку (*Suncus etruscus*), что для фауны этого района просто удивительно. Совсем недавно в Чехословакии в погадках сипухи Петр Рубац встретил остатки двуцветного кожана (*Vespertilio murinus*), которого ранее найти здесь не удавалось. Подобных примеров можно привести немало. Однако в погадках сохраняются остатки не всех животных, которыми питаются совы.

Давно замечено, что совы не воспринимают красного цвета. Этим воспользовался еще Роберт Финлей, широко применявший фонари с красными стеклами для изучения поведения ночных животных. Такой же прием использовал Х. Н. Саутерн. Ему удалось обнаружить в меню сов совершенно неожиданное блюдо — дождевых червей. Позднее их находили и другие орнитологи, изучавшие сов. Это поразительно, так как черви ползают практически бесшумно и, стало быть, при их розыске совы пользуются не слухом.

Мы уже говорили о том, что птенцы ряда сов далеко не регулярно отгрызают погадки. Следовательно, метод разбора погадок для изучения питания птенцов неприемлем. Собранные у гнезд погадки, как правило, принадлежат либо взрослым птицам, либо значительно подрощим птенцам.

Метод изучения питания птенцов был разработан в пятидесятых годах ленинградскими орнитологами А. С. Мальчевским и Н. П. Кадочниковым. Первоначально они его применяли для прижизненного исследования питания преимущественно гнездовых птенцов насекомоядных птиц. Этот метод основан на наружной перетяжке пищевода птенца, исключающей проглатывание пищи, что позволяет получать от одного и того же птенца, не убивая его, десятки пищевых проб. Позднее эта методика была успешно применена Р. А. Семеновым в лесостепи Зауралья при изучении ушастых сов.

Для выяснения характера питания сов в гнездовой период в течение нескольких лет мы использовали метод фотографирования взрослых птиц, подлетающих с кормом для птенцов.² Последующая дешифровка полученных кадров во многих случаях

² Съемку птиц мы производили из укрытия-палатки фотокамерой типа «Зенит» с телеобъективом

позволила судить о качественном составе пищи. С помощью фотоаппарата удалось, например, доказать определенную предрасположенность к разнообразным пищевым связям даже такой высокоспециализированной совы, как иглоногая. Помимо насекомых, которые составляли основу питания ее птенцов, эта сова периодически приносила, особенно в утренние часы, мелких воробьиных птиц, летучих мышей и др. Фотоаппарат помог нам изучить также питание птенцов неясытей, рыбного филина, уссурийской совки и некоторых других сов.

Но следует сказать, что ни один из приведенных методов в отдельности не в состоянии вскрыть всего разнообразия пищевых связей сов. Только сочетая разные методики с обязательным наблюдением за охотящимися птицами в природе, можно достаточно исчерпывающе ответить на вопрос, кого по ночам настигают совы. С этой целью полезно использовать специальные приборы ночного видения — ноктовизоры, позволяющие вести полевые визуальные наблюдения в полной темноте!

Пластичность пищевых связей. В питании дневных и ночных птиц много общего. Действительно, как те, так и другие нередко специализируются на добывании мелких млекопитающих, в частности грызунов. В обеих группах мы находим также виды, подчас предпочитающие охотиться на мелких птиц, и насекомоядные виды. Наконец, имеются и виды, питающиеся рыбой. Правда, среди сов их всего четыре и все они принадлежат к одному роду — рыбным совам. Среди сов нет лишь видов, регулярно кормящихся пресмыкающимися. И это понятно — ведь большинство ящериц и змей, по крайней мере в умеренных широтах, активно преимущественно в дневное время, что затрудняет совам встречу с ними. Нет среди сов и узкоспециализированных падалеядов, а также растительноядных видов. Основным объектом охоты для двух третей всех известных видов сов служат грызуны. Специализированных видов, питающихся птицами, очень мало, хотя птицы, преимущественно воробьиные, занимают в рационе некоторых из них существенное место. К этой группе могут относиться как самые мелкие совы, так и самые крупные. Около четверти видов в состав своей пищи регулярно включают пауков и крупных насекомых — бражников, совок, жуков и прямокрылых. Насекомоядность характерна для сов мелкой и средней величины. Среди них есть и высокоспециализированные виды — это иглоногие совы, подавляющее большинство совок и некоторые другие.

Немало сов в какой-то степени способно питаться земноводными. Зоолог В. И. Гаранин в свое время обобщил имеющиеся на этот счет материалы. Из его работы мы узнаем, что, например, чесночница неоднократно обнаруживалась в пищевых остатках сипухи, домового сыча и других сов. О регулярном питании обыкновенной неясыти амфибиями в лесостепных дубравах сообщает Г. А. Новиков. Им описан также случай, когда одна из неясытей утонула во вкопанной в землю бочке, пытаясь поймать плавающих там лягушек. В питании филина амфибии, в частности чесночница, составляют подчас пятнадцать процентов. Даже серая жаба, которую большинство птиц не трогает, в пище этой совы по наблюдениям в Печоро-Илычском заповеднике (данные Е. Н. Тепловой) не является редкостью. В Армении, как показала Т. М. Соснихина, филин и домовый сыч охотно питаются озерной лягушкой и т. д.

Отношения между хищником и жертвой — вопрос весьма сложный и во многом дискуссионный. За гнездовой сезон в средние по численности грызунов годы пара ушастых сов уничтожает на своем участке не более четырех-шести процентов всего

населения грызунов, главным образом полевок. Обычно же этот показатель не превышает двух процентов. Учитывая исключительно высокие темпы размножения грызунов и значительно более низкие сов, в данном случае говорить о реальной возможности массового уничтожения жертвы хищником нельзя. К аналогичному выводу пришли и румынские орнитологи М. Гамар и В. Шнапп, которые в течение 1957—1968 годов в колонии ушастых сов, состоящей из двадцати особей, собрали около пятнадцати тысяч погадок. Их расчеты показали, что на примыкающих к лесу полях совы вылавливали по 0,3—7,6 экземпляра грызунов с одного гектара, тогда как плотность населения грызунов здесь была в среднем 450 особей на гектар. Как видно, процент изъятия жертв из популяции ничтожен.

Существуют и другие аспекты взаимоотношений хищника и жертвы. Как полагают многие исследователи, хищник является одним из серьезных факторов естественного отбора. И действительно, в лапы сов попадают прежде всего больные, дефектные, необычно окрашенные или потерявшие свои убежища особи. Изъятие таких зверьков из популяции, исключение их из размножения безусловно полезно для вида.

Значительно реже совы питаются падалью. Здесь, конечно, имеется в виду не поедание своих же запасов. Однако когда возле гнезда домового сыча удается найти (наблюдения Т. М. Соснихиной) кости крупных рыб, нижнюю челюсть и лопатку взрослого зайца, остатки панцирей черепах или обломок челюсти ягненка и если на всех перечисленных предметах обнаружены следы обедов домового сыча, вопрос о падалеядстве данной особи может быть решен положительно. Иногда падаль служит пищей и некоторым неясным. В этих случаях, правда, не исключено, что мы имеем дело лишь с аномалией, с особой склонностью индивидуума, а отнюдь не с типичной для вида в целом поведенкой.

Совсем редко и только отдельные особи сов питаются растительной пищей. В этом отношении представляют интерес наблюдения С. К. Даля. Содержавшаяся им в Ереване сплюшка охотно и в большом количестве поела различные фрукты и ягоды.

Известный советский эколог И. В. Кожанчиков, сопоставляя многоядность животных и изменчивость среды, указывал, что при любой степени многоядности особи сохраняют определенную пищевую специализацию. Это выражается прежде всего в предпочтительном поедании излюбленного для данного животного корма. Подчас многоядность становится вынужденной. Она позволяет виду пережить неблагоприятные кормовые условия. Изменение численности и доступности жертв по сезонам также приводит к многоядности. Отсюда понятно, почему большинство сов, ведущих оседлый образ жизни, в принципе — многоядные хищники.

Надо сказать, что определение степени излюбленности корма — дело нелегкое, в связи с чем до последнего времени вопрос этот еще далек от решения. Многие орнитологи считают, что избирательность питания зависит от доступности жертвы для хищника. Другие же полагают, что в процессе охоты совы все же отдают предпочтение тому или иному виду жертвы. Так, анализ питания домового сыча в Западном Казахстане и на юго-востоке Туркмении, произведенный Т. Н. Дунаевой и В. В. Кучеруком, показал, что птицы явно пренебрегали жабами, которых в округе было множество, лишь порой ловили многочисленных здесь тушканчиков, но часто добывали одну из довольно редких в этой местности землероек.

Известная пластичность питания сов обнаруживается при рассмотрении данного явления и в сезонном аспекте. Например, изучая домового сыча на Мангышлаке в 1955

году, А. Н. Павлов подметил, что осенью, во время пролета воробьиных птиц, сычи, обитавшие на побережье, где пролет проходил особенно интенсивно, почти полностью переключались на питание птицами. Судя по содержимому желудков и погадок, птицы в это время составляли четыре пятых рациона сов. Вдали же от моря основной питания домового сыча служили грызуны.

Или вот другой пример. Эгоном Шмидтом на территории Венгрии было собрано более ста погадок сипухи, относящихся к летне-осенним сезонам. При анализе материала выяснилось, что летом в питании этой совы преобладали серые полевки (47,1 процента встреч), затем следовали мыши (27,3 процента) и землеройки (25,6 процента). Осенью основу питания сипухи здесь же составляли преимущественно землеройки — обыкновенная бурозубка, малая и белобрюхая белозубки.

О пластичности питания сов говорят и наблюдения, проведенные Морсе Дугласом на островах у побережья Северной Америки в колониях морских птиц, где обитали виргинские филины. Здесь во множестве гнездились бакланы, гаги, морские и серебристые чайки. Естественно, что филины интенсивно охотились за этими птицами и их птенцами. Однако к осени, когда птичьи базары опустели, большинство филинов переключилось на питание пенсильванской полевкой. Кстати филин, живущий в Советском Союзе, зимой с выпадением снега затрудняющего ловлю грызунов, обычно начинает охотиться на птиц и зайцев.

Иногда переход совы с одного вида жертвы на другой *связан* с изменением численности последней. В этом отношении показательны наблюдения В. Г. Дормидонтова в Печоро-Илычском заповеднике в 1935 году, когда произошло массовое размножение белки. И именно в этот год возле гнезда филина одновременно находили до четырнадцати тушек белки. Очевидно, для этого филину приходилось охотиться в ранние сумерки или даже днем. Известны случаи, когда в Америке на северо-западе штата Огайо сипуха при значительной временной концентрации краснокрылых трупялов с грызунов переключалась на питание этой птицей.

В разных географических точках рацион особей одного и того же вида сов подчас имеет существенные различия. Это прослежено, например, у одной из сплюшек (*Otus asio*) из центральных и южных районов Северной Америки. Здесь, как видно из работ Д. Г. Смита и Ч. Р. Вильсона, особи этого вида, обитающие на севере ареала, питаются в основном позвоночными животными, а живущие на юге — насекомыми. Подобное явление в какой-то степени выражено и у многих других сов. Так, например, воробьиные сычики, будучи в основном мышеедами, в ряде северных районов своего ареала обнаруживают повышенную склонность к преследованию мелких воробьиных птиц.

Для многих сов, помимо общей пищевой пластичности, характерна кормовая специализация самцов и самок. Особенно четко, как показали исследования К. М. Эрхарта и Н. К. Джонсона, эти различия проступают у североамериканского воробьиного сычика (*Glaucidium gnoma*): его самцы предпочитают охотиться на птиц, а самки — на грызунов. Если судить по корму, доставляемому взрослыми птицами к гнезду, то можно заключить, что аналогичное явление имеет место и у других видов сов. Например, у рыбного филина более мелкий по размерам самец значительно чаще приносит земноводных и мелкую рыбешку, в то время как более крупная самка предпочитает добывать рыбу весом до килограмма. При этом одна из птиц, как правило, охотится возле гнезда, другая же улетает за добычей на перекаты реки, что позволяет семье наиболее полно использовать свой охотничий участок.

Различия в питании самцов и самок у сов, очевидно, связаны с характером полового диморфизма этих птиц. Обычно более массивная самка оказывается менее поворотливой и, следовательно, довольствуется менее подвижной, хотя нередко и более крупной добычей.

Охотничий участок и конкурентные отношения. Охота в непосредственной близости от гнезда — обычное явление для большинства сов. Размеры охотничьих участков, естественно, неодинаковы у разных видов и в разные по обилию корма сезоны и годы. Мелкие насекомоядные совы отыскивают пищу часто в радиусе, не превышающем ста метров. Так ведут себя многие представители рода совок. Кормовой участок воробьиного сычика, как правило, составляет 0,7—1,5 квадратного километра. Более крупным видам необходимы и более обширные охотничьи угодья.

В ряде случаев кормовой участок может оказаться оторванным от гнездового, как это наблюдается, например, у рыбных сов. Гнездясь в дуплах, они вынуждены поселяться в старом лесу, где есть подходящие дуплистые деревья. На охоту же эти птицы летают на водоемы, иногда за полкилометра и дальше. А. И. Иванов в книге «Птицы Памиро-Алая» пишет, что на Гиссарском хребте в урочище Кондара у гнезда обыкновенного филина им были обнаружены в погадках остатки пластинчатозубой крысы (*Nesokia indica*). Между тем ближайшее место, где филин мог добыть этого зверька, располагалось на расстоянии двадцати километров!

В отношениях между собой разные виды сов, как правило, не оказываются прямыми конкурентами. Примером могут служить нередко обитающие по соседству обыкновенная неясыть и ушастая сова. При этом если неясыть охотится чаще всего на полянах внутри леса, то ушастая сова, гнездясь здесь же, за добычей летает на лесные опушки. Если первая охотится из засады, то для второй достаточно характерен и поисковый полет. Наконец, если у обыкновенной неясыти пищевой спектр весьма широк и полевки не составляют обязательной основы рациона, то ушастая сова предпочитает питаться мышевидными грызунами, преимущественно полевыми. Естественно, что эти совы, по-разному реагирующие на изменение численности обыкновенной полевки, не могут рассматриваться как пищевые конкуренты. Примерно так же обстоит дело и с большинством других сов.

Правда, ряд натуралистов, в частности Клаус Кениг, считают, что явное сокращение численности мохноногого сыча в Центральной Европе связано с резко конкурентными отношениями этого вида с обыкновенной неясытью. Однако, сопоставляя современный ареал мохноногого сыча с картой лесов, можно сделать и другой вывод. Обширный сплошной ареал, который этот сыч занимал в прошлом, изменялся по мере исчезновения в Европе лесов, становился все более мозаичным.

Конкурентными отношениями между разными видами иногда объясняют, например, случаи нападения филина на болотную или ушастую сову, на домового сыча и т. п. И действительно, подобных фактов известно немало. Так, Х. Шефер, разбирая погадки филина, собранные у гнезда вблизи Норботтена (Швеция), отметил присутствие в них остатков более двадцати сов, преимущественно болотных. Сходные данные получены Зигмунтом Бохеньским при изучении питания филина на юге Польши: здесь в его пище нередко встречались ушастая сова и домовый сыч.

Интересные наблюдения приводит также любитель-орнитолог Сверре Фьельстад. У него дома в Норвегии жили разные совы, и воспитанный им мохноногий сыч, ни разу не встречавшийся до этого с другими совами, впервые услышав крик филина, сильно испугался. Он озирался, вздрагивал и пытался стать незаметным,

прижимая перья и прикрывая глаза. Аналогично реагируют на крик филина ястребиная, а возможно, и многие другие совы.

Намного сложнее проанализировать внутривидовые конкурентные отношения. Иногда они как будто улавливаются, но чаще, по-видимому, в связи с небольшой численностью сов в природе не имеют существенного значения. Канадские натуралисты, например, отмечают, что в годы массовых передвижений бородатой неясыти на юг Онтарио и в районы Юго-Западного Квебека эти птицы, занимая охотничьи участки, изгоняют оттуда других особей своего вида. Однако здесь же можно привести и другие факты. В Южном Приморье в летние месяцы мы неоднократно наблюдали двух-трех самцов бородатой неясыти, одновременно охотящихся на участке лиственничной мари площадью около квадратного километра. Их гнезда находились в лесных островах, непосредственно окаймляющих данный участок болота. Кстати, здесь же добывали себе корм и болотные совы. Антагонистических отношений между ними не замечалось.

Нам известен также случай, когда в 1958 году на Карельском перешейке в период массового размножения мышевидных грызунов на весьма ограниченной территории, а именно около четверти квадратного километра, поселилось по крайней мере три пары болотных сов. Все они постоянно встречались, но относились друг к другу достаточно терпимо. Лишь когда одна из чужих сов появлялась в непосредственной близости от гнезда другой пары, самка, охранявшая это гнездо, прогоняла ее. Но изгнанная особь, отлетев не далее чем на сто метров, спокойно продолжала охоту.

Враги и продолжительность жизни сов. Совы днем сидят неподвижно и подпускают к себе близко не потому, что плохо видят. Просто они боятся привлечь внимание других птиц. Стоит сове перелететь или хотя бы пошевелиться, как ее тут же замечают мелкие птицы и поднимают переполох. В Канаде даже существуют специальные методы отлова насекомоядных птиц, основанные на их подманивании с помощью подсадной сплюшки. Переполох же мелких птиц может сделать сову предметом внимания более крупных и, несомненно, опасных хищников.

К филину, оказавшемуся на виду, подлетают самые разные птицы и в том числе хищные. В период, когда у нас процветало истребление хищников и, например, за убитого орлана-белохвоста выплачивали премию, во многих охотничьих хозяйствах специально содержали филинов, которых использовали на таких охотах. В Окском заповеднике до недавних пор с филином, как с приманкой, отстреливали ворон. Сотрудник заповедника В. П. Теплов регистрировал всех птиц, которые приближались к подсадному филину. По его данным, примерно за 60 часов в весеннее время на расстояние выстрела из охотничьего ружья к филину подлетали: балобан — 2 раза, пустельга — 3, луговой лунь — 4, черный коршун — 17, большой подорлик — 1, канюк — 7, зимняк — 49, ворон — 3, ворона — 288, грач — 13, сорока — 51 и дрозд-рябинник — 8 раз. Даже мимо грубого подобия чучела совы многие птицы не могут пролететь, не подав сигнала тревоги.

Ведут себя птицы, обнаружив филина, по-разному. Вороны обычно с карканьем кружатся над ним, иногда рассаживаются поблизости. Сороки, как бы рассчитывая поживиться остатками его трапезы, деловито стрекочут в соседних кустах. Хищники (за исключением черного коршуна) пикируют, почти касаясь филина когтями, и порой вынуждают его в целях защиты опрокидываться на спину и выставлять когтистые лапы. Особенно активно нападают на филина соколы. Коршуны, как правило, парят над ним на высоте. Если филин сидит неподвижно, птицы теряют к нему интерес, но

малейшее его движение служит сигналом к атаке.

Антагонизм дневных хищных птиц по отношению к совам достаточно очевиден, хотя возможно и обратное. История знает случаи, когда, например, завезенная человеком для борьбы с крысами на остров Ла-Диг (Сейшельские острова) сипуха вытеснила местную пустельгу (*Falco area*). Кстати, в дальнейшем сипуха приспособилась здесь добывать в основном птиц, и теперь за ее уничтожение выплачивается премия.

Однако нередко случаи, когда совы прекрасно уживаются с другими птицами. Стали классическими примеры гнездования гусей по соседству с полярной совой. Польза от этого сожительства для совы неясна. Гусям же оно выгодно. Защищая свое гнездо от нападения песцов, полярная сова одновременно охраняет и гнезда гусей. Поскольку в данном случае сова приступает к гнездованию раньше, можно предположить, что не она ищет общества гусей, а последние концентрируются около нее. В Южной Норвегии в 1967 году Ивар Мистеруд наблюдал совместное гнездование длиннохвостой неясыти и большого крохала. Обе птицы благополучно вывели птенцов в дуплах одной осины: в верхнем жили совы, в нижнем — утка.

Способность постоять за себя проявляется уже в поведении сов. Попробуйте подойти близко к филину или полярной сове, сидящим в вольерах. Птица отнюдь не станет метаться вдоль сетки. Она смело принимает вызов. Перья на ней встают дыбом, крылья распускаются, отчего общие ее размеры становятся еще более внушительными. Переступая с лапы на лапу, сова не сводит с противника немигающих глаз, готовая в любой миг и к защите, и к нападению. При этом она угрожающе щелкает клювом, внезапно делает резкие выпады, а иногда и шипит, словно змея. Известно, что ни лиса, ни песец не осмеливаются приблизиться к филину или полярной сове.

И застигнутые врасплох и не находя путей к отступлению, совы не падают духом: они опрокидываются на спину и отчаянно защищаются когтистыми лапами. Надо сказать, что, имея возможность улететь, совы далеко не всегда стремятся скрыться. Видимо, они больше надеются на силу когтей, нежели на быстроту крыльев. Правда, мелкие совы все же нередко проявляют готовность к бегству, но это у них безусловно связано с большим, чем у крупных сов, числом потенциальных врагов. Однако и из этого правила могут быть исключения, особенно по отношению к человеку. Людей все же больше боятся крупные совы, а не мелкие.

В целом совам мало кто опасен. Мелкие их виды поселяются в дуплах или норах и достаточно хорошо защищены, а крупные сами способны постоять за себя. Даже такая сравнительно небольшая сова, как болотная, — весьма смелая и воинственная птица. Не только в период гнездования, но и осенью можно наблюдать, как она атакует и гоняет даже крупных птиц, например серую цаплю или болотного луня.

В природе совы чаще всего гибнут, по-видимому, от своих коллег по ремеслу — дневных хищных птиц, наиболее крупные из которых опасны в первую очередь видам, обитающим в открытом ландшафте. На болотную сову успешно охотится беркут, а иногда и другие орлы. Остатки болотных сов, как показали наблюдения Л. С. Степаняна и В. М. Галушина в заповеднике Барса-Кельмес, встречаются в погадках орланов-белохвостов, обычно предпочитающих охотиться над водой. В Лапландском заповеднике Г. А. Новиков находил остатки мохноногих сычей в гнезде кречета.

Иногда погубить сову-дуплогнездника может, казалось бы, самая невинная птица. Известны факты, когда самок уссурийской совки и мохноногого сыча замуровывали в дуплах поползни. Это происходит в том случае, когда поползень

облюбует для своего гнезда дупло, занятое совой, и энергично примется замазывать глиной леток. Но, конечно, такое бывает не часто.

Из наземных хищников наибольшее беспокойство совам причиняют лесная и каменная куницы. Они ловят на гнездах самок мохноногих сычей, уничтожают их кладки, пожирают птенцов. В результате во многих районах Европы оказалось нарушенным естественное соотношение полов у этих птиц. Так, в Швабской Юре (ФРГ), где в лесных отрогах численность куницы достаточно велика и стабильна, как показали исследования Клауса Кенига, проведенные в 1965—1969 годах, на одну самку мохноногого сыча приходится не менее трех-четырёх самцов. Для сов, ведущих строго парный образ жизни, такое положение, бесспорно, неестественно.

По следам, оставленным в марте на снегу, на одном из участков леса в Ленинградской области нам однажды удалось узнать о разыгравшейся здесь трагедии. Молодой филин напал на лесную куницу. Завязалась жестокая борьба, в результате которой филин стал добычей куницы. Известен и другой случай, когда филин был убит ударом крыла сопротивляющегося глухаря. Не исключено успешное нападение на наземно гнездящихся сов россомахи, рыси и других крупных хищников. Остатки болотной совы, как правило молодых особей, мы находили у лисьих нор.

Но как это ни печально, основным врагом сов все же является человек! Нам довелось проанализировать причины около ста случаев гибели сов. Из них более девяноста оказались ничем не оправданным уничтожением.

Много сов гибнет в ночное время на крупных автострадах. Слепленных светом птиц сбивают несущиеся автомашины. Чаще всего от этого страдает болотная сова, охотно присаживающаяся на асфальт для отдыха.

Иногда совы гибнут от недостатка корма, но чаще от сочетания неблагоприятных кормовых и суровых климатических условий. Р. Ф. Ферайн приводит случай, когда, например, в Бельгии при необычно морозной и снежной зиме за год погибло до 76% окольцованных молодых и 51% взрослых сипух. При этом большинство молодых птиц пострадало в сентябре — январе. Максимальная смертность взрослых особей приходится на январь — март, то есть на период предгнездовых кочевок. Массовая гибель обыкновенных неясытей, ушастых сов и сипух отмечена Н. И. Гавриленко на Украине в суровую и малокормную зиму 1963/64 года. Орнитологи Н. М. Литвиненко и Ю. В. Шибяев, работая в Судзукском заповеднике, периодически оказывались свидетелями гибели уссурийских сов, обессилевших в период осенних миграций. Остатки этих сов они находили на морском берегу.

Как видно из приведенных примеров, несмотря на отсутствие специализированных врагов, возможностей погибнуть у сов все же предостаточно. Максимальная продолжительность жизни в природе, по данным кольцевания, зафиксирована у сипухи. Одна из них прожила на воле почти 18 лет. Пятнадцать с половиной лет жил в природе домовый сыч. Указанными сроками далеко не исчерпываются жизненные возможности сов. Во многих зоопарках мира филины доживали до сорока и даже пятидесяти лет. В книге Б. Казаченко «Охотничья фауна Пензенской области» говорится даже о восьмидесятилетних филинах! В природе в условиях острой борьбы за существование ни одна сова такого возраста достичь, конечно, не может.

СВЯЗЬ СОВ С ТЕРРИТОРИЕЙ

Необщительность сов вошла в поговорку. Про нелюдимого человека говорят, что он «живет как сыч». И действительно, плотные поселения сов встречаются чрезвычайно редко. Зато раз выбранный участок совы, как правило, не покидают. К кочевкам или миграциям склонны немногие из них.

Характер поселения. По своей натуре совы — хуторяне. Семья от семьи обосновывается обычно на значительном расстоянии и не поддерживает связей. Лишь иногда исключительная специфичность требований к месту устройства гнезда и дефицит мест, пригодных для гнездования, могут заставить сов размещаться полукOLONиально. Скученные поселения были известны, например, для американской земляной совы. Дело в том, что земляная сова чаще всего гнездится в норах, предпочитая занимать уже готовые жилища грызунов. То обстоятельство, что многие грызуны живут колониально, и приводит к скученному поселению этих птиц. Правда, такое наблюдалось лишь в те времена, когда этих сов было много. Сейчас же даже несколько пар земляных сов в одном месте встречается редко.

Порой в одном месте гнездится и несколько пар сипух. Они очень любят устраивать гнезда на старых башнях и колокольнях. Таким образом, и в этом случае причиной полукOLONиального поселения сов служит неравномерность распределения по территории удобных для гнездования мест.

Обычно же совы селятся на значительном расстоянии пара от пары. Показательны в этом отношении следующие факты. Так, в южной части Ямала в 1942 году В. И. Осмоловская и А. Н. Формозов определили, что на каждых 25 квадратных километрах живет в среднем 0,08 пары полярной совы, а в тундрах Якутии, судя по материалам авиаучета, проведенного О. В. Егоровым в конце шестидесятых годов, — 2,25 пары. Правда, на некоторых арктических островах, в частности на Новосибирских, плотность поселения этой совы по крайней мере в двадцать раз больше.

В 1969—1973 годах нами была детально обследована река Бикин в Приморском крае. На протяжении примерно 200 километров было учтено около 20 пар рыбного филина. При этом ближе шести километров семья от семьи ни разу не встретила даже в наиболее кормных местах.

Значительно ближе друг к другу располагаются более мелкие совы. Например, домовые сычи (те, которых сравнивают с человеком-отшельником) в ряде мест Молдавии образуют скопления до 12 пар на село. В широколиственных лесах Приморья, где бы вы ни остановились весенней ночью, в радиусе до полукилометра вы обязательно услышите голоса трех-четырех токующих самцов уссурийской совки. Их гнезда мы находили в 300 метрах одно от другого. Здесь же и в эти же сроки, особенно в поймах рек, через каждые полкилометра слышится и голос иглоногой совы.

В разные годы плотность гнездования сов может быть неодинаковой даже на одном и том же участке. Так, на слабо всхолмленных пустошах Карельского перешейка рекордная плотность поселения болотных сов — три пары на четверть квадратного километра! — была зарегистрирована в 1958 году, отличавшемся массовым размножением мышевидных грызунов. В последующие же три сезона здесь ни разу не удалось обнаружить более одной пары на квадратный километр.

Лишь зимой, в период кочевок, некоторые виды сов собираются более или менее регулярно на ограниченной площади в значительном количестве. В это время ушастая сова, например, образует большие группы, члены которых явно тяготеют друг к другу.

Зимние стаи ушастой совы иногда насчитывают тридцать — сорок и более особей.

Оседлость и подвижность. Как сильно взрослые особи привязаны к участку, на котором живут, насколько они консервативны, — вопрос сложный и до конца еще не выясненный. Говоря об оседлости или о подвижности сов, необходимо подчеркнуть, что нас должен интересовать характер территориальных связей прежде всего взрослых птиц, то есть особей, ранее уже размножавшихся и выбравших район обитания. Наибольшее территориальное постоянство характерно для старых, обосновавшихся в каком-либо районе птиц. Молодым же особям свойственна достаточно большая подвижность. Понятие оседлости в данном случае не исключает, а предполагает разлет молодняка. Последний обеспечивает возможно более равномерное распределение особей вида в пригодных для обитания районах, что является весьма типичным для хищных птиц вообще. Именно путем дисперсии молодняка у оседлых видов и расширяется ареал при появлении новых пригодных к обитанию угодий, которые могут образоваться как в результате деятельности человека — при вырубке лесов или их посадке, обводнении или осушении территории, — так и под влиянием естественных причин, вызванных, например, изменением климата.

Некоторое перераспределение особей на территории ареала у отдельных видов сов бывает связано с изменениями численности жертвы.

Степень оседлости или подвижности сов выяснить не так-то просто. Решение этой задачи в значительной мере осложнено отсутствием у большинства видов четко выраженного возрастного диморфизма — перелинявшие осенью молодые птицы внешне мало отличимы от взрослых.

Встретив даже явно кочующих особей, мы чаще всего не знаем, имеем ли дело с расселяющимися молодыми птицами или фиксируем факт смены участка обитания уже ранее размножавшимися. Со всей определенностью на этот вопрос можно ответить, лишь используя данные кольцевания птиц на гнездах. Но таких сведений как раз очень мало.

О том, насколько совы оседлы, в основном судят по косвенным данным. Как показали исследования Пауля Штаварда, у сов весьма слабо развит инстинкт дома (homing). Например, ушастая сова не находит дорогу домой, если ее увезти дальше чем на 6,4 километра от гнезда. Не говорит ли такое поведение сов об их исключительной оседлости и связанном с этим отсутствии умения уверенно ориентироваться в пространстве? Есть и другие косвенные доводы, проливающие некоторый свет на характер территориальных связей сов.

Изучение географической изменчивости сов позволяет заключить, что размеры их прямо зависят от суровости климата. Так, замечено, что наиболее крупные особи обитают чаще всего в центре континента. Интенсивность окраски оперения сов связана с характером ландшафта: чем более закрытый ландшафт, тем темнее оперение птиц. Б. Ф. Бельшевым для Евразийского материка даже были выделены особые «формообразующие» территории: Западноевропейская, Восточноевропейская, Западносибирская и т. п. Не является ли эта территориальная полиморфность сов следствием их оседлости?

Можно подойти к решению касающегося оседлости и подвижности сов вопроса и с другой стороны. Известно, что минимальное число вариаций у сов образуют, во-первых, немногие виды, регулярно совершающие сезонные перелеты, — это болотная сова и ряд совков, которые зимой не в состоянии прокормиться даже в средних широтах, — и, во-вторых, северные виды, гнездящиеся в зоне тундры, лесотундры и северной

тайги. Обитая в сравнительно суровых условиях, полярная и ястребиная совы, мохноногий сыч и другие виды вынуждены в зимний период совершать регулярные, иногда значительные перемещения. С определенными оговорками к этой же группе птиц могут быть отнесены бородатая и длиннохвостая неясыти и некоторые другие совы тайги. Вполне возможно, что у данных видов связь с территорией наименее прочная и постоянно происходит перераспределение особей внутри ареала. Если это так, то мономорфность северных и перелетных видов сов становится понятной.

Все же для очень многих сов характерна именно полиморфность, то есть наличие большого числа подвидов и форм, что указывает на оседлость этих птиц. Например, филин в Евразии представлен по крайней мере пятнадцатью подвидами. Более чем десять подвидов известно у домового сыча, а также у обыкновенной неясыти. Будучи распространенной почти по всему миру, сипуха образует более трех десятков форм, отличающихся морфологически.

Внимательное изучение размещения отдельных подвидов сов внутри видового ареала позволяет заключить, что по направлению к экватору оседлость особей возрастает и, наоборот, чем дальше от экватора, тем площади, занимаемые одним подвидом, больше. В этом отношении показательна ошейниковая совка, широко распространенная в Восточной и Южной Азии — от Сахалина, Курильских островов, Японии и до Индии, Китая, Филиппинских и Зондских островов. Этот вид представлен по крайней мере восемнадцатью подвидами, из которых три выявлены в северных и центральных районах ареала и пятнадцать известны для южной части, составляющей всего четверть от общей площади. Сопоставляя эти цифры, можно сделать только один вывод — южные популяции оседлы, а северные подвижны.

Во всех случаях четкую географическую границу между подвидами сов (исключая островные формы) провести бывает нелегко, так как различия между подвидами обычно стираются в пограничной зоне, поскольку здесь происходит смешение особей. Существование же незначительных по протяженности переходных зон опять-таки свидетельствует об известной оседлости старых особей.

Какую-то ясность в решение вопроса о степени оседлости сов могут внести и такие, например, факты. В. П. Теплов, изучавший экологию филина в Печоро-Илычском заповеднике, сообщает о гнездовании этой совы на протяжении пяти лет подряд в гнезде орлана-белохвоста на берегу Волосницкой старицы. Поселение филина на дереве — явление редкое, и можно предположить, что здесь в течение всех лет обитала одна и та же пара. В этом же заповеднике на левом берегу Печоры, близ устья Большой Шежимы, в нише скалы было обнаружено гнездо филина, функционировавшее затем по крайней мере двадцать пять лет; в трещине скалы на реке Пирс-ю филины обитали около двадцати лет и т. д.

Примерно то же можно сказать о рыбном филине, распространенном у нас в Приморье. Присутствие здесь этих птиц на конкретном микроучастке пять-десять лет подряд — обычное явление. Даже в том случае, когда один из партнеров погибает, вторая птица не улетает, а остается на прежнем месте. Примеров постоянного пребывания сов на протяжении года и более в определенном пункте много.

В подтверждение несомненной привязанности сов к тем или иным микрорайонам могут быть приведены также факты существования в природе достаточно стойких изолированных поселений, оторванных от основных районов обитания. Классическим примером этого может служить мозаичность гнездования обыкновенной неясыти на северной границе ареала. Так, по крайней мере на

протяжении полувека в парке

Биологического института Ленинградского университета ежегодно гнездятся две-три пары этих птиц. В большинстве же естественных лесов Ленинградской области этот вид практически отсутствовал и лишь в последние годы, в связи с произошедшим потеплением климата, неясить здесь начала гнездиться несколько шире.

Настоящих перелетных птиц среди сов, как мы уже говорили, очень мало. Более или менее регулярные перелеты совершают некоторые мелкие насекомоядные виды из совок, иглоногая сова, а также отдельные мышееды — болотная и ушастая совы. Но и у этих сов осенние и весенние перелеты характерны, как правило, не для всех особей вида, а лишь для обитающих в широтах, где в зимний период добывать насекомых или грызунов затруднительно. Так, болотная сова, безусловно, перелетная птица почти во всей Евразии. Однако на Курильских островах многие особи этого вида ведут оседлый образ жизни. По-видимому, то же можно сказать и о болотной сове, обитающей на Сахалине.

Основная особенность сезонных миграций сов, и это отличает их от классических дальних мигрантов из других отрядов птиц, заключается в большой изменчивости сроков данного явления. В разные годы перелеты сов не начинаются в строго определенные сроки с конкретным соотношением длины дня и ночи, а предпринимаются в ответ на ограничение доступности корма. К этому же выводу пришли натуралисты, специально изучавшие ход миграций сов в районе острова Гельголанд. По полученным здесь сведениям оказалось, что интенсивность осеннего перелета ушастой совы, например, полностью зависит от обилия пищи на родине этих птиц. В «мышинные годы» они становились более оседлыми и встречались на пролете редко. Кстати, окольцованные на Гельголанде ушастые совы позже, в летние месяцы, были встречены в Швеции, Финляндии и СССР.

В свое время также было отмечено, что в очаге чумы среди песчанок, к северу от Кейптауна, летом африканский филин встречается вдвое чаще, чем зимой. Эпизодически, в годы высокой численности грызунов, переселяется из хвойно-широколиственных лесов в пойменные, а также в светлые липово-широколиственные рощи длиннохвостая неясить. Аналогичную смену гнездового биотопа этими совами наблюдал в Приморье в 1962 и 1967—1968 годах А. А. Назаренко.

Более или менее регулярные перелеты совершает, по-видимому, американский мохноногий сыч. По крайней мере почти ежегодно в марте-апреле, как сообщает Пауль Кетлинг, на побережье озера Онтарио скапливается много птиц. Это указывает, что в период миграций сычи пересекают и весьма крупные водоемы, которые они перелетают обычно ночью при слабом ветре. Явно пролетные особи этого вида в отдельные годы отмечались разными орнитологами также в районе озер Верхнее и Мичиган. Здесь только с сентября по октябрь в паутинные сети ловится свыше двухсот особей. Судя по повторным отловам, птицы в этом районе останавливаются не более чем на два-три дня.

Хорошо известны случаи, когда в особо суровые и снежные зимы приходят в движение даже такие, казалось бы, оседлые совы, как сипухи. Их массовый спуск с гор в долину района Ланкашира в 1969 году был отмечен Д. Е. Глоем и Дж. Ньютэлом. Нечто похожее характерно и для домового сыча, значительная часть особей которого также живет оседло. Однако, по свидетельству А. И. Иванова, птицы, обитающие в высокогорьях, на зиму регулярно спускаются в предгорья, где климат более мягкий. Это подтверждается тем, что зимой в предгорной части, например, Алая неоднократно

добывались экземпляры высокогорного подвида. Сходно ведет себя и воробьиный сычик в западноевропейских горных лесах.

Во многих случаях сезонные перемещения сов, даже склонных к миграциям, бывает очень трудно предсказать. Классический пример нерегулярных перемещений дает нам полярная сова, так как она особенно хорошо заметна. Зимой она вдруг появляется много южнее основных границ своего гнездового ареала. Эти кочевки, в которые вовлекаются преимущественно молодые особи, связаны с внезапным падением численности леммингов в тундре.

Иногда совы неожиданно предпринимают поистине уникальные перемещения. Так, Петр Линдберг наблюдал крупнейший в нынешнем столетии массовый налет воробьиного сычика в Швеции. В зиму 1963/64 года первые особи этого вида были отмечены в октябре. В декабре зафиксирован максимум встреч. В марте у птиц обнаружилась явная тенденция к передвижению на север и северо-восток. При этом заметим, что перемещение воробьиных сычиков не сопровождалось расширением их гнездового ареала. Много мигрирующих птиц погибло. Движение сычиков в это же время отмечалось в Норвегии и Финляндии.

Случай перемещения сов наблюдал наш отечественный зоолог, автор известной книги «Спутник следопыта», А. Н. Формозов. В начале зимы 1933 года он был свидетелем интенсивного пролета ястребиных сов в Подмоскowie. Только в течение получаса 5 декабря им было зафиксировано около двухсот особей этого вида, летевших на небольшой высоте. Значительные перемещения ястребиных сов известны и для Канады. Причем, если совы попадали на участки с высокой численностью пенсильванской полевки, то здесь же приступали к размножению, то есть гнездились в тех местах, где раньше не встречались.

Совершенно необычное по масштабам и форме передвижение обыкновенной неясыти довелось наблюдать Л. Л. Семаго. Осенью, 11—12 ноября, 1955 года в Усманском лесу Воронежской области вдруг появилось множество этих сов. Почти в любом месте одновременно слышались голоса пяти-шести птиц. Казалось, что весь лес кишит неясытями. Судя по перемещению голосов птиц, основная их масса следовала с северо-востока на юго-запад. Днем неясыти встречались повсюду в густых сосняках, прятались в кронах старых дубов с еще не опавшей листвой. 14 ноября пролет окончился, что совпало с внезапно наступившим резким похолоданием.

Подвижностью сов в какой-то мере можно объяснить и непостоянство границ ареалов некоторых видов. Однако и здесь в основе данного явления скорее лежит тенденция к бродяжничеству отдельных особей, а закономерный разлет молодых птиц. Причину его вскрыть удастся не всегда, хотя связь его с кормовым фактором подчас кажется очевидной.

Так или иначе, встреча с совами в местах, где они ранее отсутствовали, воспринимается всегда как приятная неожиданность, и это событие подчас находит отражение в самой широкой печати. Примером может служить пристальное внимание и интерес, с которым любители природы в Англии следили за появлением на Шетландских островах полярной совы. Эта птица здесь впервые была отмечена еще в 1811 году. С тех пор, как свидетельствует Бобби Туллох, отдельные особи, чаще всего молодые самцы, неоднократно встречались здесь. Однако, когда в 1967 году на Шетландских островах впервые загнездилась полярная сова, орнитологи из разных мест приезжали сюда, чтобы посмотреть на нее.

Несмотря на оседлость, которая характерна для сов в целом, в настоящее время

можно наблюдать «пульсацию» ареалов ряда видов сов в разных направлениях. Так, в последние полвека продвинулась на восток и частично на северо-восток сипуха. История изучения этого вида свидетельствует о том, что, например, в Швеции он впервые был встречен лишь в 1834 году. Бо Фрилестем предполагает, что сипуха проникла сюда из Дании. В 1873 году в Швеции было найдено ее первое гнездо. В дальнейшем эта птица стала обычным видом в ряде районов, охотно поселяющимся в многочисленных, специально развешиваемых для нее искусственных гнездовьях. У нас в Советском Союзе, например в Латвии, сипуха была почти неизвестна до 1940-х годов. Позже она уже регулярно встречалась в Елгавском и Добельском районах. 7 февраля 1952 года А. К. Бриедис обнаружил ее в 55 километрах от Риги, в Саулкрастском районе. Вероятно, к настоящему времени граница распространения вида переместилась еще дальше на северо-восток. Иногда совы продвигаются на север. Это характерно, например, для нашей сплюшки и американского сычика-эльфа. При сокращении ареала мохноногого сыча отходит на север южная граница его распространения. За последние двадцать лет заметно отодвинулась на юго-запад область гнездования длиннохвостой неясыти. Однако следует еще раз подчеркнуть, что все эти изменения границ ареалов вызываются не склонностью сов к постоянным скитаниям, а совершенно другими, подчас еще не понятыми нами, причинами.

Из всего сказанного можно сделать и практические выводы. Очень многие совы обладают консервативными территориальными связями. Это в первую очередь относится к старым и наиболее опытным особям, извлекающим выгоду из жизни в привычных условиях. И если птицы порой исчезают из того или иного района, то происходит это чаще всего вынужденно. И особенно обидно, что нередко причиной этого является недоброжелательное отношение к ним человека.

Процесс урбанизации. Говоря о пластичности территориальных связей сов, нельзя не коснуться своеобразных «стаиальных сдвигов», характерных для очень многих птиц этой группы. Здесь мы имеем в виду прежде всего явное тяготение ряда сов к ландшафтам, измененным человеком.

Однако естественно, что разные виды сов все же неодинаково реагируют на деятельность человека. Исследования Х. С. Салихбаева в бассейне реки Сурхандарьи, в Голодной и Каршинской степях (Узбекистан) показали, что быстрое увеличение площадей культурных ландшафтов изменяет соотношение видов. Например, в первый год освоения целины значительная часть местных филинов покинула исконные земли. Число домовых сычей, напротив, повысилось, хотя на зиму многие из них и откочевывали из этих мест. Гораздо труднее приживаются совы в населенных пунктах нового типа, где добротные современные дома не предоставляют им должных убежищ. Сады, рощи, полезащитные лесополосы привлекают в открытый ландшафт многие виды. Здесь гнездятся буланные совки, зимуют ушастая и болотная совы.

В. К. Рахилин, специально анализирувавший склонность сов к синантропизации и причины, ее вызывающие, пришел к выводу, что из восемнадцати видов сов фауны Советского Союза по крайней мере одиннадцать — настоящие или потенциальные синантропы. И это не преувеличение. Бесспорно, что при минимальной благожелательности людей к этим птицам возле населенных пунктов могло бы нормально жить и еще большее число видов.

Тяготение сов к постройкам человека, видимо, имеет очень древние корни. Мы уже упоминали об обитавших в Афинах сычах. При раскопке в 1962 году хорезмского городища Тек-Кала, расположенного к северо-западу от города Нукуса на правом берегу Амударьи, в культурных слоях, относящихся к VII—VIII векам нашей эры, Н. И.

Бурчак-Абрамович и В. И. Палкин нашли многочисленные остатки пустынного домового сыча. По-видимому, -лишь благодаря человеку этот сыч смог проникнуть в большинство равнинных районов, где найти место для устройства гнезда не всегда просто. В песках домовые сычи гнездятся в кучах хвороста, которыми накрывают могилы, в домах — под крышами и в щелях, а порой даже в стенках колодцев. Охотно использует брошенные постройки человека для гнездования в этих районах и филин.

Настоящим синантропом может считаться, например, сипуха. Даже в лесной зоне она значительно охотнее поселяется вблизи человеческого жилья, в поселках и городах, нежели вдали от них. Свои гнезда эта сова устраивает, как правило, на чердаках и колокольнях.

К населенным пунктам, садам и паркам тяготеет и обыкновенная неясыть. Кстати, ее численность заметно возросла в послевоенные годы, когда птицы имели возможность выводить птенцов в дымоходах и нишах разрушенных войной зданий. Таким образом, и здесь связь с деятельностью человека выступает достаточно определенно.

Примечательно, что в сравнении с сипухой неясыть, по-видимому, является пока еще молодым урбанистом, интенсивно заселяющим антропогенный ландшафт лишь в последнее время. Но в этой связи интересно и другое. Во многих местностях, в частности в Польше, экспансия обыкновенной неясыти в населенные пункты, как указывает Макий Луниак, совпала с сокращением численности, а местами и исчезновением старых урбанистов — сипухи и обыкновенной пустельги. Убедительного объяснения это явление пока не получило. Можно лишь предположить, что сипуха и пустельга не выдерживают конкуренции из-за мест, удобных для гнездования. Клаус Кениг, изучавший взаимоотношения сов, считает, что привлечение в населенные пункты серой неясыти путем развешивания искусственных гнездовых во всех случаях ведет к снижению численности не только сипухи, но и ряда других средних и мелких сов.

С культурным ландшафтом многих сов связывает как возможность устройства гнезд в тех или иных сооружениях человека, так и наличие стабильной и сравнительно легко доступной пищи. И здесь показательны данные по питанию филина в Баварии, приводимые Ейнхардом Бецелем. В осмотренных им 784 пищевых остатках этой совы домашние голуби составляли 11 процентов, серая ворона — почти 9 процентов и пасюк — около 7 процентов. Всех их филин мог поймать около жилищ людей.

Населенные пункты, в которых обитают воробьи, вороны, галки, голуби и грызуны, особенно притягательны для сов в критические зимние месяцы. В это время совы залетают не только в поселки, но и в города. Даже филина зимой неоднократно встречали в Москве, Ленинграде, Алма-Ате и других крупнейших городах Евразии.

При недостатке корма в зимнюю пору к постройкам человека приближаются и исконно лесные совы — мохноногий сыч, воробьиный сычик. Последний охотится здесь почти исключительно на воробьев.

На Дальнем Востоке к поселкам подлетает зимой ошейниковая совка. Она также питается здесь в основном воробьями, проводя светлое время суток на чердаках. В отдельные суровые зимы в районе сельских помоек и свалок, в деревнях, по берегам рек можно встретить иногда и рыбного филина.

Сезонная смена мест обитания — лесных опушек на городские сады — характерна для ушастой совы. Это явление описал, например, Х. Буссе, наблюдавший

его в Берлине зимой 1962/63 года. Ушастые совы группами до сорока птиц в каждой поселились по крайней мере в пяти точках города. Дни они проводили в скверах на деревьях, в тени стен. В сумерках и ночью охотились. На присутствие большого количества людей не реагировали.

В глухой ли тайге, в саду или парке совы во время своей охоты безбоязненно подлетают к людям, подолгу кружат рядом или, усевшись напротив, демонстративно начинают кричать. Иглоногая сова, например, как и многие другие виды, возвращается к гнездовому дуплу даже тогда, когда возле него стоит человек. Этим совы заметно отличаются от дневных хищных птиц. «Фактор беспокойства», из-за которого уже исчез ряд видов хищников из густонаселенных областей, на сов производит минимальное воздействие. Среди птиц равного с совами размера трудно назвать группу, представители которой были бы более доверчивы.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ СОВ

Совы живут парами. Характерная для большинства сов оседлость способствует постоянству супружеских пар. Раз образовавшаяся пара сохраняется на протяжении долгих лет и не исключено, что в течение всей жизни.

Брачное поведение и голосовые реакции. В каком возрасте совы объединяются в пары? На этот вопрос, как и на многие другие, касающиеся сов, мы пока четко ответить не можем. Мы даже точно не знаем, в каком возрасте разные виды сов становятся половозрелыми. До сих пор об этом имеются лишь отрывочные сведения. Так, в регулярно выходящем журнале «Ornis Fennica» Марта Лагерстром сообщает, что окольцованный им птенец длиннохвостой неясыти был обнаружен на гнезде с кладкой уже в следующую весну, то есть в возрасте около одиннадцати месяцев. Но есть наблюдения и другого порядка. Например, изучая жизнь молодых рыбных филинов в Приморье, мы убедились, что на втором году жизни они еще не приступают к размножению. Возможно, что чем крупнее сова, чем более узко она специализирована в отношении питания, тем позже наступает половая зрелость.

Еще сложнее ответить на вопрос: в какое время года и при каких обстоятельствах совы объединяются в пары? У некоторых сов, склонных к регулярным кочевкам, например у ушастой совы, пары, по всей вероятности, возникают на зимовках. В декабре-январе здесь уже можно наблюдать ухаживание отдельных особей друг за другом. К концу же зимы оказывается, что почти все ушастые совы, хотя они и продолжают еще некоторое время держаться стайками, вроде бы объединились в пары. Это становится заметным, когда стая размещается на дневной отдых в кроне какого-нибудь дерева. Редко бывает, чтобы возле одной совы не сидела вторая. Молодые рыбные филины создают семейные пары, видимо, в течение лета второго года жизни. Пока нам это не было известно, мы потеряли много времени на поиск гнезд птиц, активно кричащих в июне-июле. Ими-то как раз и оказались рыбные филины прошлого года рождения, которые гнезд, конечно, еще не имели. Потомство у них появилось лишь в следующую весну.

Молодые особи обыкновенной неясыти, судя по их осеннему поведению, образуют пары в конце осени первого года жизни. У мелких перелетных видов сов, например у сплюшки и уссурийской совки, объединение в пары приходится на первую весну жизни.

О готовности приступить к размножению птицы обычно информируют друг друга своеобразным поведением — токованием. В большинстве случаев, по крайней мере у птиц, активных днем, токование включает в себя различные демонстративные

движения: птицы принимают причудливые позы и совершают необычные, резкие, бросающиеся в глаза движения. Для усиления зрительного эффекта самцы к весне переодеваются в яркие брачные наряды. Для сов подобные метаморфозы нехарактерны. Действия, рассчитанные на восприятие органами зрения, у них имеют подчиненное значение. В темноте ведь все равно не рассмотреть детали движений и окраску оперения. Слух — вот что помогает совам не только найти пищу, но и встретить партнера.

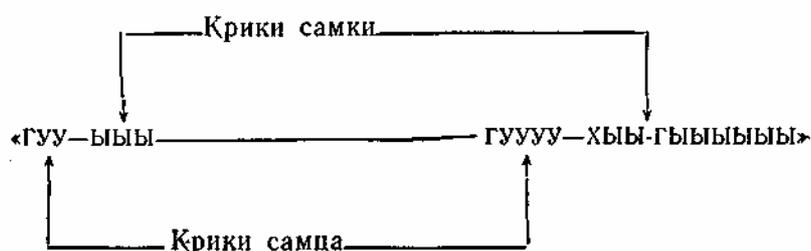
В указанной связи примечательно, что демонстративное поведение, в частности своеобразные токовые полеты, отмечается лишь у тех видов сов, которые не являются строго ночными птицами. Так, брачные полеты, во время которых птицы кругами летают над гнездовым участком — парят, учащенно машут крыльями, иногда издают ими громкие хлопки, — характерны лишь для болотной, полярной, отчасти ястребиной сов и очень немногих других представителей. Брачный полет может сопровождаться криком. Это нередко наблюдается у неясытей.

Из эффектов, рассчитанных на зрительное восприятие, некоторым совам присуще мерцание горлового пятна, которое возникает в момент крика. При этом перья на шее приподнимаются, как бы оттопыриваются, отчего становятся видны их светлые основания. Такое белесое пятно на горле совы заметно даже в густые сумерки. Оно колеблется в такт крику. Когда смотришь на ухающего филина или какую-либо другую кричащую сову, взгляд невольно приковывается к мерцающему горлу.

Чаще же всего ток сов — это монотонное повторение однообразных глухих звуков спокойно сидящей на дереве птицей. Причем основу брачной песни обычно составляет видовой призывный крик.

Вероятно, для многих видов сов в период брачного возбуждения характерно так называемое антифональное пение, когда на голос одной птицы отвечает другая. При этом возникает сравнительно продолжительная, достаточно постоянная по ритму переключка. Как правило, в ней принимают участие два самца. Примечательно, что склонность к антифональному пению проявляется уже у птенцов сов. Так, сигнал оповещения о своем местопребывании совыта подают весьма слаженно: прокричит один слеток, и тут же, словно в ответ на его голос, с другого места раздастся призыв второго птенца.

Из склонности сов к антифональному пению у некоторых видов развилась характерная видовая брачная песня-дуэт, которая представляет собой закономерное чередование призывных криков самца и самки. Это уже не переключка двух птиц, а стабильное парное пение, которое воспринимается как единый сигнал. Песню-дуэт в брачную пору можно услышать, например, у филина, ушастой совы, некоторых совок, но особенно она интересна и сложна по построению у рыбного филина. Схематично песню-дуэт последнего можно представить следующим образом:

Каждый из звуков этой песни воспроизводится через строго определенные

интервалы и, как правило, только в приведенной выше последовательности. Начинает песню самец. Ему принадлежат первый и третий звуки песни. Второй и четвертый звуки воспроизводятся самкой. У самца это «гуу—гуууу», у самки звук более густой, раскатистый и низкий — «ыыы—хыы-гыыыыы». Практически одна птица вставляет свой призывный крик по частям между звуками, издаваемыми партнером. Продолжительность одной песни 7—8 секунд. Песня за песней при активном токовании чаще всего следует с интервалом в 5—10 секунд.

Иногда брачная песня сов представляет собой не дуэт, а серию звуков, как бы весьма своеобразную трель. Например, 17—18 криков объединяются в брачную песню самца болотной совы. Песня эта длится примерно 4—5 секунд. У бородатой неясыти брачная трель продолжается 8—9 секунд. Однако за это время раздается всего 12—13 криков. Сравнительно короткая энергичная трель (7—10 постепенно ослабевающих криков, воспроизводящихся в течение 2,5—3 секунд) характерна для мохноногого сыча.

Издает ли одна из сов в пору брачного возбуждения отдельные звуки, воспроизводит ли трель, или пара сов исполняет песню-дуэт, делается это многократно и повторяется подчас сотни раз подряд.

Поскольку у сов период образования пар и собственно спаривание часто оказываются значительно разделенными во времени, общая активизация брачного поведения бывает достаточно продолжительной. Биологический смысл весеннего пения сов заключается прежде всего в синхронизации полового процесса, реже оно служит для привлечения партнера на гнездовой участок. Для этого у большинства сов предназначено осеннее токование. Причем, если судить по интенсивности криков, осеннее токование протекает иногда не менее бурно, чем весеннее. Наиболее это заметно в местности, где численность сов низкая и где для отыскания партнера им приходится аукать особенно много.

Весеннее и осеннее пение сов часто расценивается как сигнал занятости участка. Мы все же не можем с этим согласиться, хотя и не отрицаем полифункционального значения голосовых реакций у птиц. Дело в том, что осенью наиболее активно кричат молодые одинокие птицы. Если же признать, что осенние крики сов функционально призваны охранять какую-то территорию, иначе говоря, изгонять других представителей вида с участка, то, несомненно, больше всего кричать пришлось бы старым птицам, уже имеющим свой участок. Голос у сов — это прежде всего средство внутривидовой положительной связи в общении, а отнюдь не отпугивания или угрозы.

Кстати, обнаружение и учеты сов в большинстве своем основаны именно на их криках в брачный период. Даже в том случае, если сова почему-либо в одну из ночей молчит, спровоцировать ее на крик очень легко. Стоит сымитировать или воспроизвести магнитофонную запись ее песни, как сова непременно откликнется. Пяти-шести экскурсий в разгар токования достаточно, чтобы выявить всех сов, обитающих на данном участке. Наиболее активно совы кричат в безветренные лунные ночи, с вечера до двух часов, а также перед наступлением рассвета.

Ориентируясь на голоса сов в ночном лесу, можно узнать не только о присутствии здесь этих птиц. Об этом писал еще М. А. Мензбир — выдающийся русский орнитолог. В его книге «Птицы России», вышедшей в 1895 году, есть такие строки (с. 303): «...конечно, ночью трудно подметить повадки совы, но крик ее так выразителен, что иногда уже по нему можно определить, что делает сова. Вот она только что вылетела из своего дневного убежища, о чем дает знать несколько робким

криком. Вот крик становится оживленным — сова как бы радуется наступившей темноте; но затем что-то встревожило птицу или произошла ссора с соседкой — и в криках выражается беспокойство и недовольство».

Голос совы — это поистине удивительное порождение ночного леса. Брачный крик ее не только интенсивен, но и достаточно надежно защищен от помех. Он хорошо выделяется среди любых лесных шумов. Как показали исследования В. Д. Ильичева, звуковой спектр голоса многих сов обычно находится в пределах 400 герц. Заметим, что звуки, издаваемые, например, заряжкой и рядом других воробьиных птиц, значительно выше — около 5000 герц. Интересно, что чем более ночной образ жизни ведет сова, тем голос ее ниже. И наоборот, у многих сумеречных и частично дневных сов вместо глухого «гуу» мы порой слышим весьма звонкий крик типа «ке-ке-ке...», — словно это кричит не сова, а дневная хищная птица. Более или менее высоким голосом обладают болотная, полярная, ястребиная и некоторые другие совы.

Неискушенному наблюдателю может показаться, что все совы кричат почти одинаково. В какой-то степени это так. Вокальные возможности сов ограничены. Однако многие из них наряду с низкими звуками способны издавать пронзительный свист. Такой высокий, чуть дребезжащий свист нам приходилось слышать, например, в Московском зоопарке от годовалых полярных сов. Высоко и задорно свистят рыбные филины.

Орган, ответственный за производство звука, — нижняя гортань — у сов имеет лишь одну пару голосовых мышц. Однако у этих птиц хорошо развита голосовая мембрана, от особенностей строения которой во многом зависит разнообразие издаваемых звуков. Представление о степени этого разнообразия можно получить лишь тогда, когда удается присутствовать на хоре сов.

Вообразите, что вы находитесь в дебрях Уссурийского края. Ночь. Где-то в кроне старого ильма монотонно твердит свое «уть-то-та» уссурийская совка. Поет размеренно, словно часы тикают. Но вот поблизости закричала точно так же вторая птица. И первая, чтобы как-то выделиться, тут же меняет тон песни. Получается на редкость красивая переключка. Возможностью смены тона основной песни обладают и другие совы, например иглоногая сова и сплюшка.

Совсем недавно с помощью магнитофона удалось выявить географическую изменчивость голоса сов. Так, на основании магнитофонной записи брачной песни белолицей совки (*Otus leucotis*) Воутером Виденом было установлено, что ее подвиды, обитающие в Кении и Танзании, хорошо различаются и по голосовому признаку.

Коммуникативное значение голоса сов весьма разнообразно. При помощи специального звукового сигнала, обычно резкого и высокого, слетки оповещают родителей о своем местонахождении, чтобы родители могли быстро найти их и накормить. Совята очень рано оставляют гнездо и иногда далеко разлетаются. Специальный сигнал подается и взрослыми птицами, например, во время опасности. Услышав его, птенцы замирают и перестают пищать. Ссорясь, совята верещат, выражая этим свое недовольство.

В ситуациях, вызывающих необходимость обороны, реже при агрессии (например, при семейных раздорах), все совы щелкают клювом. Этот звук возникает, как предполагает К. А. Юдин, в момент соскакивания упирающегося в подклювье надклювья. Движение это настолько быстрое, что практически не улавливается глазом. Скоростная киносъемка могла бы помочь уточнить, как же возникает щелчок. Некоторые из сов, например бородатая неясыть, помимо щелканья клювом, угрожая,

шипят.

Таким образом, в целом возможности воспроизведения звуков у сов достаточно велики, что в условиях ограниченной ночной видимости приобретает особое значение.

Строят ли совы гнезда? Тому, кто хоть немного сталкивался с жизнью сов, хорошо известно, что для откладки яиц и воспитания потомства они часто занимают чужие гнезда. Например, ушастая сова иногда активно отбирает их у сорок, ворон или грачей.

По наблюдениям Н. Робертса, на Британских островах чужими гнездами пользуются по крайней мере восемь видов сов, в Африке старые гнезда цапель охотно заселяет сипуха, в Индии гнезда других птиц захватывает даже рыбный филин, который у нас в Приморье предпочитает гнездиться в дуплах. Приспосабливая чужое гнездо, сова обычно почти не изменяет его конструкцию.

В тех случаях, когда совы гнездятся в укрытиях, например в дуплах деревьев, они откладывают яйца, как правило, прямо на дно, без какой-либо специальной подстилки. Так, типичный дуплогнездник — обыкновенная неясыть, найдя удобное сухое дупло, не предпринимает никаких попыток к его дополнительному благоустройству и яйца откладывает прямо на гнилушки в небольшую ямку, видимо, вытопанную непреднамеренно. Но если неясыть — обыкновенная или длиннохвостая — загнездится вдруг на земле, что, правда, бывает сравнительно редко, то она выстилает гнездовую ямку сухими листьями и травой. Фотографию такого гнезда обыкновенной неясыти можно найти в великолепно иллюстрированной книге Эрика Хоскинга и Цирила Ньюбери «Птицы ночи», изданной в Лондоне в 1945 году.

В какой-то степени проявляется инстинкт гнездостроения и у земляной совы, особенно у птиц, обитающих в безлесных районах Флориды. При отсутствии необходимых этой сове нор грызунов она, как свидетельствуют очень многие наблюдатели, роет норы сама. Земляным» работами в равной мере, по-видимому, занимаются и самец, и самка. Когда убежище готово, самец приносит туда выстилку — дерн, сухие травинки и т. п.

Путешествуя в прошлом веке по Туркменистану, Н. А. Зарудный обратил внимание, что сорочьи гнезда, занимаемые сплюшкой, весьма существенно модернизированы — внутри сорочьего сооружения сплюшка иногда строит свое примитивное гнездо. Подстилку из прутиков, перьев, кусочков арчевой коры находил Зарудный и в норах сизоворонок, используемых сплюшками. Выстилку из древесных лишайников в дупле желны, где загнездилась сплюшка, обнаружил в Красноярском крае К. А. Юдин.

В отдельных случаях, по-видимому, строит примитивное гнездо и домовый сыч: принесет несколько веточек, сверху положит немного шерсти и перьев, и гнездо готово! — так описывает гнездостроительную деятельность этой совы М. А. Мензбир.

Факт совершенно уникального поведения филина приводит известный советский натуралист Е. П. Спангенберг. В работе «Редкие и малоизученные птицы Дарвинского заповедника» он рассказывает, как эта сова на дереве в затопленном при образовании Рыбинского водохранилища лесу сама построила гнездо, хотя и примитивное.

Но есть все же совы, для которых гнездостроение почти правило. Это виды, систематически выводящие птенцов открыто на земле. Из наших сов к ним в первую

очередь относятся болотная и полярная. Однако у них гнездовая постройка не блещет совершенством. Обычно это только более или менее аккуратно уложенная растительная ветошь, которая служит теплоизолирующей прослойкой между кладкой и холодной или сырой землей. Такое гнездо настолько непрочное, что уже к моменту появления птенцов сильно деформируется. Вылупившиеся же птенцы своими движениями окончательно его разваливают.

Кладка и особенности ее обогрева. Наши совы откладывают яйца раз в году — весной. Осеннее гнездование — очень редкое явление, и наблюдается оно лишь у сипухи, обыкновенной неясыти и болотной совы. Чаще приходится сталкиваться со случаями повторной откладки яиц после гибели первой кладки. Однако даже в годы обилия корма к повторному размножению оказываются способными далеко не все особи.

Большинство сов приступает к размножению очень рано. Откладка яиц обычно приурочивается по времени так, чтобы период появления в гнезде птенцов совпал с порой изобилия и максимальной доступности корма. В конце марта—начале апреля откладывают яйца многие наши неясыти. В это время в лесах еще и не начинает таять снег и мышевидные грызуны — основной корм сов — еще скрываются в ходах под снегом и потому труднодоступны. Но к апрелю-маю, то есть как раз к моменту появления птенцов неясытей, снег сходит, земля оголяется и не успевшая еще отрасти молодая трава не мешает охоте сов на зверьков.

Поздними сроками размножения отличаются насекомоядные совы, например уссурийская совка. И это опять-таки объяснимо. Наивысшей численности насекомые достигают лишь в середине лета. Особенно поздно, чуть ли не посреди лета, насекомоядные совы приступают к размножению в годы с холодной затяжной весной.

Наличие корма в предшествующий размножению период также может повлиять на время откладки яиц. Как показали наблюдения А. Н. Сухина в Бадхызе, филин в годы с зимой, благоприятной по кормовому режиму, приступает к размножению на месяц-полтора раньше обычного. В крайне суровые и бедные пищей годы совы часто вообще не откладывают яиц. Особенно это характерно для сравнительно узкоспециализированных мышеедов, не склонных совершать кочевки. Приостановление размножения в годы с низкой численностью грызунов отмечалось в Финляндии для обыкновенной и длиннохвостой неясытей. О полном прекращении размножения обыкновенной неясыти в подобных же условиях сообщает Х. Н. Саутерн, наблюдавший за этими птицами в Уитльском лесу в Великобритании. Аналогичные примеры можно привести из жизни и других видов сов.

Однако даже в голодные годы не все совы полностью прекращают размножение. У них существуют и другие механизмы, регулирующие размеры приплода в соответствии с конкретными кормовыми условиями. К таким механизмам в первую очередь относится сокращение величины кладки. Например, у болотной совы в зависимости от обилия корма количество откладываемых яиц может быть от трех до десяти. В средние же по обилию корма годы в гнездах этой совы чаще всего мы находили четыре-пять яиц.

Уменьшение величины кладки может происходить и иначе. Так, в Уитльском лесу с 1947 по 1959 год, в период, неблагоприятный в кормовом отношении, отмечался значительный отход уже снесенных неясытями яиц. Из 279 яиц, найденных в гнездах, погибло 148. Это случилось потому, что голодные самки были вынуждены охотиться сами, часто оставляли гнезда и кладки переохлаждались. В обычные же годы, когда

грызунов много, самок кормят самцы.

При благоприятных кормовых условиях совы достаточно плодовиты и могут восстанавливать свою численность. Однако падает она много быстрее, нежели потом возрастает.

Наиболее ограничены репродуктивные возможности у крупных узкоспециализированных сов. Так, кладка рыбного филина редко содержит более двух яиц. В этом случае малочисленность потомства определяется не только дефицитом корма. Наблюдения показали, что птенцы рыбного филина, достигнув даже годовалого возраста, не всегда в состоянии добыть себе корм в необходимом количестве и родители их подкармливают. Особенно трудно приходится рыбным филинам зимой, когда незамерзающими остаются лишь пороги да немногие ключи, в которых поймать рыбу далеко не просто.

Похожий на рыбного филина по размерам обыкновенный филин более плодовит. Кладка его обычно содержит три-четыре яйца, а потенциальные возможности еще выше. Это объясняется присущей данному виду способностью легко переключаться с одного корма на другой. По существу обыкновенный филин питается всеми животными, которых может осилить. В природе же очень редко бывает, чтобы одновременно перевелись и мелкие грызуны, и зайцы, и птицы. Иначе говоря, для филина всегда найдется пища. Таким образом, наблюдаемое сейчас резкое сокращение его численности вряд ли связано с неблагоприятием в кормовых условиях.

Мелкие виды сов откладывают, как правило, больше яиц. Так, пять-семь яиц в гнезде — обычное явление для многих сычей.

Интересно, что в разных местностях совы одного и того же вида несут неодинаковое число яиц. Например, в результате обработки обширного фактического материала было установлено, что если кладка обыкновенной неясыти в Голландии в среднем равна 2,9, то в Англии только 2,5 яйца, и что в Скандинавии кладка в среднем больше, чем в центральной части Европы. Это, вероятно, связано с повышенной смертностью птенцов на севере ареала.

Несколько слов о скорости созревания яиц. Сплюшка, уссурийская совка и другие мелкие совы в период кладки несутся, как правило, каждую ночь. Некрупные совы, добывающие пищу в стремительном полете, например иглоногая сова, откладывают яйца через ночь. Судя по времени вылупления птенцов, интервалы между откладкой каждого последующего яйца у ушастой совы от суток до полутора. За двое суток созревает яйцо у полярной совы и, как показали наблюдения Клауса Кенига, у мохноногого сыча.

Окраска скорлупы яиц белая, реже, например у полярной совы, слегка охристая. По мере насиживания скорлупа приобретает дополнительный блеск и чуть желтеет. Даже у открыто гнездящихся сов яйца не имеют покровительственной окраски. Возможно, что эти виды еще недавно обитали в дуплах, то есть в условиях, при которых окраска яиц не контролировалась естественным отбором. По строению скорлупы и ее окраске яйца сов удивительно напоминают яйца ракшеобразных, особенно тех, которые выводят птенцов в норах.

По форме яйца сов эллипсоидные, почти шарообразные. Несколько вытянуты лишь яйца сипух, что, возможно, определяется более узким строением таза этих сов. По размерам яйца сравнительно крупные. Так, у воробьиного сычика при весе птицы около 75 граммов вес яйца равен примерно 9 граммам. Яйцо филина весит

приблизительно 75 граммов (напомним, что самка филина достаточно тяжела — она обычно весит не менее 3 килограммов). По мере насиживания вес яиц падает. Яйцо того же филина перед вылуплением птенца будет весить лишь около 60—63 граммов.

Насиживание у сов подчиняется правилу, которое неукоснительно соблюдает подавляющее большинство как ночных, так и дневных хищных птиц: уже с самого начала кладки самки приступают к обогреву яиц. Поэтому птенцы появляются на свет не одновременно. В этом легко убедиться, понаблюдав за процессом вылупления совят. Лишь у мелких сов два первых птенца нередко выклевываются почти разом. Обычно же интервалы, с которыми вылупляются птенцы, четко соответствуют ритму откладки яиц. У видов, которые несут в ночь по яйцу, птенцы появляются друг за другом через сутки. В том же случае, когда яйца откладываются реже, вылупление птенцов еще более растягивается. И хотя явление неодновременности вылупления совят достаточно хорошо известно, всякий раз невольно поражаешься, когда видишь в гнезде, например болотной совы, и проклюнутое яйцо, и птенцов — от пуховичка, только что появившегося на свет, до уже солидного, с пробивающимся сквозь пух пером, совенка.

Роль самки и самца в насиживании кладок у сов, по-видимому, далеко не равнозначна. Наблюдения говорят о том, что у многих крупных и средних по размерам сов, особенно у видов, у которых самцы гораздо мельче самок, первые участия в насиживании не принимают. Самки их просто не допускают к гнезду. Самец в этот период должен лишь регулярно кормить насиживающую самку. Так заведено у филинов, неясытей и других сов.

У более мелких сов, например у сплюшек, нередко удается выпугнуть из гнездового дупла сразу и самца, и самку. Иногда самка вылетает, а самец остается. Однако не совсем еще ясно, принимает ли он непосредственное участие в насиживании яиц. Известен и факт одновременного присутствия на гнезде с яйцами самки и самца ястребиной совы. Правда, в поведении самцов этих сов есть обстоятельство, заставляющее усомниться в том, что им приходится насиживать кладку: в период ухода за яйцами и насиживания самцы исключительно регулярно кормят самок. Обратного же явления — чтобы самка приносила корм сидящему на гнезде самцу — нам наблюдать никогда не приходилось. А так поступают только те из птиц, самцы которых отстранены от насиживания.

Сидят совы на яйцах очень плотно. Насиживающую сплюшку без труда можно взять в руки. Даже когда из-под нее достают яйца, она только плотнее прижимается к дну дупла, но не улетает. Почти так же смиренно ведут себя и более крупные, в другое время достаточно осторожные совы. Можно влезть на соседнее дерево, открыто расположиться всего лишь в нескольких метрах от сидящей на гнезде длиннохвостой неясыти — она не прервет насиживания. Буквально из-под самых ног слетает с кладки болотная сова, когда случайно подойдешь к ее гнезду.

Говоря о насиживании яиц, нельзя не упомянуть и еще об одном источнике тепла, который способствует инкубации. Этот источник — ранее вылупившиеся птенцы! Стоит им лишь немного подрасти, как самка прерывает насиживание и начинает вылетать на охоту наравне с самцом. В ее отсутствие, сидя плотной кучкой, совята не только греют друг друга, но и не дают остывать находящимся под ними яйцам. Особенно значительна роль птенцов в обогреве яиц у дуплогнездников.

В целом инкубация яиц у сов по сравнению с другими, равными им по размерам, птицами протекает долго. Возможно, это связано и с исконным дуплогнездничеством сов. Известно, что в отличие от открыто гнездящихся птиц виды, которые издавна

гнезятся закрыто, например в дуплах, насиживают кладку более длительное время.

В среднем продолжительность насиживания сов составляет около месяца. Самка филина в естественных условиях сидит на кладке 34—35 суток. В инкубаторе, когда яйца непрерывно содержатся при температуре 37,5 градуса и влажности около 70 процентов, филинята появляются через 33 дня после начала обогривания. 29—30 суток насиживает кладку иглоногая сова. 25—27 суток уходит на выведение потомства у мохноногого сыча. Правда, как показали наблюдения Клауса Кенига, продолжительность периода инкубации у этой совы далеко не постоянна — в теплую погоду она чаще оставляет дупло и покидает кладку на более длительное время, что в конечном итоге затягивает инкубацию на 48—72 часа. Быстрее всего вылупляются совята у мелких видов. Например, уссурийская совка насиживает яйцо около 20 суток.

Рост и развитие птенцов. Птенцы сов на редкость симпатичны. В их облике соединяются как бы детская непосредственность, с которой они взирают на мир необыкновенно широко раскрытыми глазами, и кажущаяся из-за большой головы необычная мудрость. Если же учесть, что соенок, по крайней мере ночью, редко остается неподвижным — он то приседает, то кланяется, то как бы от изумления принимается покачивать головой,— можно прямо сказать: самый занятный ребенок леса — это соенок! Образ соенка легко ассоциируется с удивительно хорошей плюшевой игрушкой, к тому же еще и живой. Но такими совята становятся не сразу.

Совы относятся к птицам, развивающимся по так называемому птенцовому типу. Из яйца соенок вылупляется хотя и покрытым густым пухом, но совсем еще слабым. В ответ на прикосновение он может лишь с трудом приподнять голову. При этом в глаза бросаются большие размеры его тела и несоизмеримо тонкая шея. В отличие от птенцов дневных хищных птиц совята выклеваются слепыми и с закрытыми ушными отверстиями. В общем только что появившийся на свет соенок — создание весьма беспомощное.

Как уже отмечалось, разница в возрасте совят одного выводка порой весьма значительна. Когда вылупляется последний из них, то старшему может быть уже десять дней. Естественно, что шансы на жизненный успех у таких собратьев по выводку неодинаковы, особенно в годы, бедные кормом.

В период массового размножения грызунов взрослым птицам не составляет труда приносить к гнезду жертву за жертвой. Первую добычу, разумеется, выхватывает из клюва родителя старший птенец — самый сильный. Он же получает корм иногда и во второй прилет родителей. Лишь когда он насытится и успокоится, наступает очередь следующего по старшинству соенка. А родители носят и носят пищу, пока не окажутся накормленными все птенцы. Если же корма мало, поесть досыта успевают лишь старшие птенцы, а до младших очередь так и не доходит... В результате в годы, бедные кормом, случается, что погибает больше половины выводка. Если бы, однако, корм распределялся между птенцами поровну, то вместо пары сильных и здоровых совят вырастали бы несколько замухрышек. Вид в целом от этого только бы проиграл.

Подчас ослабевших младших птенцов попросту съедают их старшие собратья или голодные родители. Мы неоднократно находили в погадках самок длиннохвостой неясыти и некоторых других сов остатки их собственных птенцов. Кстати, в период особенно суровой бескормицы самки нет-нет да и поедают даже самцов, как более слабых. С подобным случаем мы встретились, в частности, в семье воробьиного сычи́ка. Вероятно, в целом для вида сохранить воспроизводящих потомство самок целесообразнее, чем оставить жизнь всем самцам. Возможно, именно в этом и

заключается биологический смысл того, что у сов самки обычно крупнее и сильнее. Необходимо, однако, отметить, что факты каннибализма наблюдаются лишь при остром недостатке пищи.

Период пребывания совят в гнезде зависит от размеров сов и продолжается от трех до шести-семи недель. Птенцы, развивающиеся в дуплах, обычно засиживаются дольше, чем в открытых гнездах. В наших краях раньше других разбредаются птенцы болотной совы. Уже на четырнадцатую ночь они могут выйти из гнезда и устроиться где-нибудь в траве. Птенцы ушастой совы норовят выпорхнуть из гнезда на двадцатую ночь и рассаживаются порознь на ветках. Однако до того, как покинут дупло, например, птенцы иглоногой совы, пройдет по крайней мере 30—35 суток. А ведь иглоногая сова по размеру заметно мельче и ушастой, и болотной.

О темпах роста и развития филинят можно судить по наблюдениям над ними в неволе. Как известно, филин успешно размножался в Ленинградском, Московском, Алма-Атинском и других зоопарках. По данным В. П. Когаевой из Москвы, из яиц, отложенных ночью, птенцы выводятся на тридцать третьи сутки. Впервые их просящий пищу писк можно услышать на шестую ночь. На двадцать седьмую ночь отпадает необходимость в обогреве совят матерью. На сорок вторую ночь совята в первый раз покидают гнездо. К этому времени их вес значительно возрастает — с шестидесяти граммов до полутора килограммов. Но в дальнейшем вес прибавляется много медленнее: за последующий месяц птенцы едва ли набирают по двести граммов. К двухмесячному возрасту птенцы уже хорошо летают. А к третьему месяцу на голове молодых птиц отрастают перьевые ушки. Примерно в возрасте двух с половиной месяцев филинята впервые начинают самостоятельно питаться. Однако в природе молодые филины еще долго следуют всем выводком за родителями, требуя от них корма.

Покинувшие гнездо птенцы разных видов ведут себя по-разному. Так, у обыкновенной неясыти они сравнительно молчаливы. Птенцовый призывный крик, означающий, что совенек находится вот тут и проголодался, ими подается через большие интервалы времени. Стоит самке огласить окрестности тревожным криком, как птенцы совсем затихают и затаиваются. Если подойти к затаившемуся совенку вплотную, он, как и козодой, закрывает глаза, чтобы не выдавал их блеск. При этом птенец прижимает оперение и сохраняет полную неподвижность. Когда его берешь в руки, он, все еще находясь в трансе, валится на бок и лежит, вытянув ноги. Лишь очнувшись, совенек начинает угрожающе щелкать клювом и защищаться.

Иначе ведет себя птенец ушастой совы. Даже при тревожном крике родителей он обычно не умолкает, а затаивается только тогда, когда увидит человека своими глазами. При этом он, как и другие совы, прижимает оперение к телу, отчего кажется тонким и длинным, словно обломанный сук. К объекту, внушающему ему страх, он поворачивается вполоборота, сдвинув одно из плотно прижатых крыльев несколько на грудь. Но продолжительное время находиться в позе затаивания у молодых ушастых сов не хватает терпения. Внезапно заморгав, они принимают весьма впечатляющую позу угрозы и раздраженно начинают щелкать клювом. Примерно так же ведут себя птенцы рыбных сов и филинов.

Совсем неуравновешенный нрав у птенцов домового сыча, особенно у тех, которые вывелись в поселках. При первой же опасности они скрываются в спасительной норе или щели. Если попытаться вытащить птенцов наружу, то неожиданно столкнешься с их дьявольским сопротивлением: они щелкают клювами, опрокидываются на спину, отчаянно защищаются. Однако если принести одного из них

домой, то он очень быстро привыкает и начинает охотно брать пищу из рук.

Родительская забота. Отношение сов к своему потомству ярко проявляется уже в том, как они кормят птенцов, и в бесстрашии, с которым их охраняют.

Обязательно стоит посмотреть на то, как совы кормят маленьких птенцов. Это весьма трогательная и не лишённая интереса картина. Сев с добычей на край гнезда, самка не сует ее прямо в рот птенцу, так как тот обычно еще не в состоянии проглотить крупную полевку или мышь. Поэтому переложив жертву из клюва в лапы и осмотревшись по сторонам, самка сама принимается выщипывать из обмякшей тушки кусочки мышц. Набрав таким образом мяса и изогнувшись, сова нащупывает приоткрытым клювом голову птенца, и тот, как бы случайно наткнувшись на клюв матери, начинает сбоку вытаскивать из него пищу. Вся процедура удивительно напоминает сцену кормления птенцов ракуш и даже дятлов. Совсем не так поступают дневные хищные птицы, которые подают корм, удерживая его кончиком клюва, как пинцетом.

Когда соята подрастут, они сами будут вырывать корм у прилетевшей с добычей взрослой птицы. Однако попытки заглянуть в рот мамы, привычка терзать ее за перья шеи, чтобы получить самый вкусный кусочек мяса, сохраняются у птенцов, даже покинувших гнездо. С оставлением птенцом гнезда родительская забота о нем не прекращается: птенцов еще долго надо не только кормить, но и оберегать.

Совы ревностно охраняют свое гнездо с кладкой, а когда в нем появляются птенцы, то смелость птиц не знает предела. Сотрудник Лапландского заповедника М. И. Владимирская описывает случай, когда самец ястребиной совы у выводка не только отважно атаковал воронов, но в порыве отчаянной ярости напал на случайно приближавшихся глухаря и бобра. Не пугает сов в гнездовое время даже человек, которому уступают дорогу почти все птицы и звери. Скорее тигр, увидев человека, оставит свой выводок, нежели сова.

На страницах журнала «Природа» в 1962 году Д. В. Терновским и В. С. Залетаевым была опубликована любопытная подборка случаев нападения сов на человека. И всякий раз это не было дерзостью птиц, а обуславливалось необходимостью защитить потомство.

Часто основная функция защиты выводка выполняется не самцом, а самкой, которая крупнее и сильнее. Правда, С. М. Успенский считает, что самка полярной совы при приближении человека обычно заранее улетает, тогда как самец смело бросается в атаку. Иногда он опускается перед человеком на землю и, распутив перья, переваливаясь с ноги на ногу, идет навстречу. При этом самец не только щелкает клювом, но и угрожающе шипит, вытаращив глаза.

Из всех сов, пожалуй, самые смелые — неясыти. У этих птиц обычно нападает на противника не более мелкий самец, а сильная самка. Она не принимает устрашающей позы, не взъерошивает перья, а внезапно и смело атакует. Крупные виды неясытей могут быть даже опасными. Известный фотограф-анималист Эрик Хоскинг в свое время поплатился глазом за то, что попытался влезть на дерево, где в старом гнезде хищной птицы сидели птенцы длиннохвостой неясыти. В Приморье мы были свидетелями случая, как на затаившегося на лабазе охотника напала длиннохвостая неясыть только за то, что на это дерево перепорхнул ее несмышленный птенец. Охотник отделался проткнутым веком и двумя глубокими царапинами на лице. От ударов мощных лап самок длиннохвостых и бородатых неясытей сквозь брезентовую куртку, меховую безрукавку и плотную рубашку и у нас неоднократно оставались на шее и

спине глубокие кровотокающие ссадины. Для обследования или взвешивания птенцов приходилось специально облачаться.

Иногда совы, обеспокоенные у гнезд, принимают совершенно особую позу, смысл которой не совсем ясен. Эта поза чем-то напоминает известную у других птиц позу подранка. Потрясенная сова садится обычно на виду на ветку дерева и как бы в бессилии опускает крылья. В этот момент перья на ее горле быстро-быстро колеблются от учащенного, но неглубокого дыхания. Как правило, после такой позы-передышки сова вновь атакует противника. Подобное поведение наиболее характерно для неясытей.

ОХРАНА И ПРИВЛЕЧЕНИЕ СОВ

В настоящее время вопрос, полезны или вредны совы на земле, вообще не уместен. Численность очень многих видов их находится на критически низком уровне. Единственное, о чем в наши дни имеет смысл говорить,— это о том, как сохранить сов!

Анализируя склонность сов к синантропизации и урбанизации, вполне правомерно было бы предположить, что интенсивное развитие техники, освоение и преобразование человеком все новых и новых территорий не должны губительно отражаться на этих птицах. И даже более того: найдя возможность добывать пищу возле человеческого жилья в наиболее трудный для себя зимний период, совы могли бы оказаться в особо благоприятных условиях по сравнению с другими птицами. К такому выводу нас привела логика. Но при этом мы пока учитывали лишь одну сторону вопроса: как совы реагируют на деятельность человека,— и совсем упустили из виду, насколько справедливо и бережно относится к ним человек. Самым объективным показателем благополучия животных служит их численность. Но как раз с этим в отношении сов дело обстоит крайне неблагоприятно.

По всей вероятности, наиболее малочисленной совой на земном шаре является сейшельская совка (*Otus insularis*). Специально организованная в 1964—1965 годах Бристольским университетом экспедиция на Сейшельские острова для описания статуса вымирающих видов птиц смогла найти всего три особи данного вида! Возможно, как указывает Малколм Пенни, исчезновение этой совы связано со сведением на нет местной древесной растительности в целях расширения плантаций. Сходная участь постигла и других островных птиц. Правда, о преднамеренном уничтожении совы в данном случае говорить не приходится.

Следующим кандидатом в Черный список вымерших видов, пожалуй, является хохочущая сова (*Sceloglaux albifacies*). Будучи некогда обычной в горных лесах Южного острова Новой Зеландии, в настоящее время она — один из самых редких эндемиков новозеландской фауны. К почти полному исчезновению этой совы привели завезенные человеком на остров кошки и крысы.

Численность многих видов сов, особенно в Западной Европе и Соединенных Штатах, оказалась подорванной вследствие непродуманного применения ядохимикатов в сельском хозяйстве. Так, интереснейшая по своей биологии земляная сова, гнездившаяся на юго-западе США, была почти полностью уничтожена в период кампании по борьбе с луговыми собачками — близкими к нашим суркам грызунами из рода *Synomys*. На островах же Карибского моря эту сову уничтожили завезенные сюда серые крысы и, возможно, акклиматизированные здесь с целью борьбы с крысами мангусты. Наметилась тенденция к снижению численности также сипухи в Англии. И в этом случае, по твердому убеждению И. Х. Лаутона, специально изучавшего данный вопрос, основная причина сокращения численности совы — интенсивное применение

пестицидов в сельском хозяйстве. Эти яды в больших дозах вызывают у сипух смерть, в малых — бесплодие.

Именно использование ядохимикатов, по всей видимости, обусловило в последнее двадцатилетие резкое сокращение численности многих сов и у нас. Например, самая обычная из наших сов — болотная, по свидетельству А. И. Остермана, в прошлом веке встречалась в Бессарабии весьма часто, но в шестидесятых годах нынешнего столетия молдавским орнитологам Ю. В. Аверину, Н. М. Ганя и Г. А. Успенскому удалось найти ее здесь всего пять раз. Такова же судьба ушастой и многих других сов в ряде центральных районов. Как сообщают Е. С. Птушенко и А. А. Иноземцев, филин еще в восьмидесятых годах XIX века был обычной птицей Подмосковья. Так, известно, что до 1936 года его гнезда встречались в урочище Воронцы, до 1954 — в Глубоко-Истренских лесах, а до 1956 года — по оврагам в Наро-Фоминском районе. Сейчас же в этих местах филина не увидишь... Филин здесь попросту уничтожен.

Примерно такова же судьба филина под Ленинградом. Долгие годы он неразумно уничтожался всеми доступными человеку средствами. Правления обществ охотников видели в филинах конкурентов охотнику и выплачивали премии за их уничтожение. В результате столь утилитарного подхода численность филина в области к шестидесятым годам оказалась на таком критически низком уровне, что к 1970 году эта сова попала в Красный список вымирающих в области животных. В настоящее время достоверное гнездование филина в Ленинградской области известно лишь для самых удаленных и самых малонаселенных районов. Численность его здесь к 1970 году определялась нами всего в десять-пятнадцать пар. А ведь всего каких-то тридцать лет назад зычный крик этой птицы можно было услышать даже в ближайших пригородах Ленинграда — в районе Осиновой рощи и Кавголова.

Сейчас филина практически нет также в западной части южноукраинской степи, а по всей Молдавии в конце шестидесятых годов было выявлено не более сорока пар. Считанные пары остались и в Западной Европе. Теперь филинов там уже не только не истребляют, но даже запрещают фотографировать у гнезд, чтобы не беспокоить! И уже раздаются призывы к реакклиматизации филина и искусственному разведению! Но не поздно ли человек заметил свою оплошность?

Ошибочно направленная на истребление филина пропаганда, влияние которой ощущается до сих пор, отрицательно отразилась на численности не только этой птицы. В свое время нам неоднократно приходилось сталкиваться со случаями, когда люди по незнанию вместо филина уничтожали других сов: безжалостно отстреливались сычи, болотные и ушастые совы. По этой же причине, видимо, исчезла из Белоруссии бородастая неясыть.

В сравнении с дневными хищными птицами совы оказались значительно менее стойкими. И хотя их в какой-то степени охраняет ночь, зато они слишком доверчивы. Бывают случаи, что к человеку с ружьем совы подлетают сами. Есть у сов и еще одно «слабое место» — по сравнению с хищными птицами они чаще гибнут от ядохимикатов, применяемых в сельском хозяйстве. Это объясняется тем, что совы заглатывают добычу целиком, и если сова поймает грызуна, успевшего отведать отравленной приманки, весь яд, набранный зверьком, попадает в ее желудок.

Причиной сокращения численности некоторых сов могут быть и хищные звери. Например, за последние десять лет, по наблюдениям Клауса Кенига, воробьиный сычик почти исчез из горных лесов Баденортемберга (ФРГ), да и во всем Баварском лесу он

встречается теперь редко. В Шварцвальде популяция этого вида уже в 1964 году, по данным Михаэля Ленца, насчитывала лишь пять-семь пар. Причину этого орнитологи склонны видеть в увеличении численности лесной куницы, которая часто разоряет расположенные в дуплах гнезда сычиков.

Совершенно очевидно, что пришло время серьезно подумать об охране сов. Нельзя допускать дальнейшего падения их численности. Многие виды и так находятся на грани вымирания и по существу уже стали памятниками природы. Возможно ли, однако, приостановить исчезновение сов, и что делается человеком для этого?

В большинстве стран Европы и Азии, в том числе и у нас, приняты специальные законы об охране природы, статьи которых полностью запрещают отстрел и вообще всякое уничтожение сов. Во многих странах строго ограничено применение ядохимикатов в сельском и лесном хозяйствах. Параллельно ведутся разнообразные научно-исследовательские работы по созданию ядохимикатов с избирательным действием — губительных для вредителей, но безвредных для птиц.

Несомненно положительный эффект в деле охраны сов имеет и широкая пропаганда идей охраны природы в целом, развернувшаяся в последнее десятилетие. О полезности сов и необходимости их охранять напоминают даже этикетки спичечных коробков и почтовые марки.

Печальная история вымирания многих видов животных, свидетелем и участником которой неоднократно оказывался человек, не позволяет довольствоваться пассивной формой охраны птиц. Чаще всего вид, доведенный до критически низкого уровня численности, бывает не в состоянии самостоятельно восстановиться. Для каждого вида в природе существует своя оптимальная плотность населения, и теперь необходимы специальные меры, чтобы оставшиеся в живых особи имели максимально благоприятные условия и смогли вновь размножиться.

Мы уже говорили о том, что подавляющее большинство сов — это птицы, гнездящиеся в укрытиях, чаще всего в дуплах деревьев. Однако в связи с интенсивными рубками в целом на планете леса не только поредели, но и омолодились. Старые дуплистые деревья, например в Европе, теперь уже редкость. Регулярные санитарные мероприятия, проводимые в ухоженных лесах с целью оздоровления древостоя, также ведут к тому, что деревья, призванные дать приют совам, вырубаются начисто. Из этого следует, что развешивание искусственных гнездовий для сов — дело первостепенной важности, и во многих странах этому уделяется серьезное внимание. Так, на юге Швеции с успехом используются специальные гнездовые ящики размером 100X40X40 сантиметров с летком 17X15 сантиметров в верхнем углу боковой стенки. Такие гнездовья, размещенные в парках на деревьях, занимают сипухи. В Бельгии дуплянками привлекают в парки обыкновенную неясыть. В Китае в дуплянках типа наших скворечников гнездятся ошейниковая и уссурийская совки. В Ленинградской области в дуплянках, развешиваемых в сосновых лесах на побережье Ладоги для гоголя и большого крохалея, гнездятся мохноногие сычи. Чтобы совы охотнее занимали ввешенные дуплянки, надо на дно гнездовья насыпать мелкой древесной стружки или опилок. Прямо на доски совы редко откладывают яйца.

В Федеративной Республике Германии, в лесах Северного Рейна, искусственные гнездовья — дуплянки с летком 10X10 сантиметров, — предназначенные для привлечения, в частности, мохноногих сычей, иногда снабжают специальными приспособлениями, препятствующими проникновению в гнездовую камеру куниц. Например, крышу дуплянки покрывают жестью так, чтобы выступающие в стороны

края крыши не позволяли четвероногому хищнику сверху дотянуться до летка. Иногда ствол отдельно стоящего дерева, на котором висит гнездовье, в нижней части оборачивают особой жестяной манжетой.

В какое время года целесообразнее всего развешивать дуплянки для сов? В большинстве случаев весной это делать уже поздно, поскольку в такие гнездовья могут быть привлечены лишь перелетные или регулярно кочующие виды. Оседлые же виды сов расселяются и разбиваются на пары уже в конце лета или осенью. Следовательно, и искусственные гнездовья должны быть вывешены к этому времени. Середина зимы — последний срок.

Для восстановления численности особо редких сов иногда прибегают к искусственной инкубации яиц, полученных от птиц, живущих в неволе. Интересно, что если у филина отобрать первую кладку, то птица, как правило, несется вновь. Впоследствии выкармливающая свой выводок пара принимает и инкубированных птенцов. Используя этот прием, шведские орнитологи Бьерн Броу и Петер Линдберг в 1969 году от двух пар вырастили девять молодых птиц, а в 1972 — 39.

Пока еще не совсем ясно, могут ли совы, воспитанные человеком и получавшие какое-то время от него корм, в дальнейшем самостоятельно добывать себе пищу в необходимом количестве. Не ясно также, не превратятся ли эти птицы в «захребетников» человека... Но ведь как-то надо спасать сов! Должен же в конце концов обедневший по вине людей ночной лес вновь зазвучать совиными голосами.

СОВЫ Советского Союза

О МНОГООБРАЗИИ СОВ

Когда человек попадает в погруженный во мрак лес, все чувства его обостряются. Особенно напрягается слух, и любой шорох привлекает внимание. То, что из-за темноты не удастся рассмотреть, с готовностью дорисовывает возбужденное воображение. А к утру, когда в предрассветных сумерках обозначаются очертания стоящих вокруг деревьев и лес наполняется птичьим гамом, нелегко поверить в то, что виделось ночью. Но еще сложнее решить, что из всего запечатленного памятью было в действительности. Такова сила ночи.

Но совы — объективная реальность. А стремление понять эволюцию этой интереснейшей группы птиц естественно для натуралистов. И их усилия уже дали результат. Теперь нам известно, что ночной образ жизни не одинаково отразился на облике разных видов сов.

Даже внешний вид совы может рассказать о многом. Так, выше мы уже говорили, что по степени выраженности лицевого диска можно судить о способах охоты совы — отыскивает ли она жертву, летая низко над землей, или терпеливо выжидает ее появления. Чем четче обозначен лицевой диск, тем вероятнее, что сова при охоте более всего полагается на свой слух. По внешнему виду взрослой птицы опытный наблюдатель может представить себе и поведение ее птенцов — чем явственней лицевой диск у родителей, тем характернее игры совят, во время которых они то кланяются, то приседают.

Величина же глаз совы подскажет, в какое время суток она наиболее деятельна: разумеется, чем меньше глаза, тем менее строгий ночной образ жизни ведет птица. Сочетание некрупных глаз с длинными узкими крыльями и сравнительно жестким

оперением свидетельствует о том, что охотится эта птица, как правило, не в полной темноте, а жертву настигает в стремительном броске. При этом весь ее расчет не столько на внезапность нападения, сколько на скорость полета. Кстати, у сов, активных в сумерки, и голос не столь низкий, а токуя, они совершают ритуальные полеты, совсем не характерные для ночных птиц.

Оборотнопалость — верный показатель того, что данная птица обитает в лесу и гнездится преимущественно в дуплах. Если же сова при хождении по земле направляет три пальца вперед, а один назад (такие следы оставляют, например, болотная и полярная совы), то это значит, что большую часть времени она проводит на земле и здесь же, возможно, устраивает гнездо. По характеру оперения лап особи подчас можно судить, как далеко на север проникает вид, к которому она принадлежит, — наиболее сильно оперены пальцы у северных форм.

Величина совы тоже может рассказать кое о чем: мелкие совы в основном питаются насекомыми, более крупные — мышевидными грызунами. И чем крупнее сова, тем дольше она насиживает кладку и т. д.

Естественно, что знакомство с совами предполагает в первую очередь умение распознавать их виды. Любое наблюдение в природе только тогда приобретает смысл и научную ценность, когда оно ведется не за птицами вообще и даже не за совами в частности, а относится к конкретному их виду. Поэтому каждый, кто надеется подсмотреть в жизни сов что-то новое, должен уметь отличать их друг от друга.

Однако вскрытые выше закономерности не позволяют характеризовать отдельные виды этой весьма своеобразной группы птиц. Видовые различия в поведении сов еще плохо изучены. Пока трудно ответить даже на такой вопрос: сколько видов сов обитает на земном шаре? Сложность заключается не в том, что где-то в джунглях, возможно, живут еще не известные орнитологам совы — вряд ли неизвестные птицы теперь вообще имеются, — сложность возникает из-за малой изученности сов и разной трактовки объема понятия «вид» в самой науке.

Долгое время считалось, что совы на Земле представлены примерно 200 видами. Однако позже эта цифра была пересмотрена. В вышедшем в 1951 году первом томе сводного издания «Птицы Советского Союза» сообщалось, что мировая фауна сов объединяет всего 133 вида. Б. М. Гросман и И. Хамлет, авторы появившейся в 1964 году весьма обстоятельной сводки, посвященной хищным птицам мира, определили многообразие сов в 140 видов. Согласно же последнему руководству по «Систематике птиц», составленному Н. Н. Карташевым и увидевшему свет в 1974 году, отряд сов включает три семейства, одно из которых представлено ископаемыми формами, а два других объединяют двадцать пять — тридцать родов и 144 ныне живущих вида.

Совы обитают по всему земному шару, за исключением Антарктиды и безлесных, преимущественно равнинных океанических островов. Заселяют они самые разнообразные ландшафтные зоны — тундру, лес, степь, пустыню, встречаются в горах. Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский в горах Тибета видел филина даже на высоте пять тысяч метров.

Наибольшей численности и разнообразия в Советском Союзе совы достигают в смешанных лесах южного типа. Так, например, в кедрово-широколиственной тайге Приморского края можно встретить по крайней мере тринадцать видов. В темнохвойных лесах Якутии это число сокращается почти вдвое. В зоне тундр постоянно обитают два-три вида, а в Арктике живет только один — полярная сова. Почти ту же картину, что и в зоне тундр, мы наблюдаем в пустынных районах юга, где

регулярно выводят потомство лишь филин, буланая совка да домовый сыч. Другие виды здесь отмечаются только во время кочевок или на пролете.

Всего в Советском Союзе гнездятся и выводят птенцов представители восемнадцати видов сов, принадлежащих к двенадцати родам. Примечательно, что на просторах нашей страны можно встретить виды сов почти из всех наиболее крупных родов — филинов и совок, неясытей и сычиков, рыбных и иглоногих сов,— и виды из монотипичных родов, какими являются полярная и ястребиная совы.

Все виды наших сов, кроме одного, относятся к семейству Strigidae — Настоящие совы и лишь один вид принадлежит к семейству Tytonidae — Сипухи.

СИПУХИ — TYTONIDAE

Сипухи — весьма своеобразные совы. Лицевой диск у них резко сужен книзу и имеет сердцевидную форму. Он подвижен, а края его могут несколько приподниматься (сближаться), укрывая глаза. Это не свойственно всем другим видам сов. Примечательно и то, что движение лицевого диска сипух изменяет выражение «лица» птицы.

Необычны также лапы сипух. Бросается в глаза их значительная длина. Отличает их от других сов и устройство когтя среднего пальца, на внутреннем крае которого расположены зазубрины (признак семейства). Кстати, сходное строение имеет коготь козодоев. Некоторые натуралисты считают, что эти зазубрины выполняют роль гребешка при уходе за пером, а особенно за щетинками, растущими возле клюва. Однако следует заметить, что все представители другого семейства сов, для которых этот признак нетипичен, содержат свои перья и щетинки тоже в полной чистоте.

Яйца сипух не круглые, как обычно у сов, а несколько вытянутые, имеют овальную форму, относительно малые размеры и белый цвет. Птенцы появляются одетыми в белый пух. Второй наряд птенцов также белый и пуховой. Позднее он сменяется окончательным, для окраски которого характерны темные пятна, как бы разбрызганные по сравнительно светлому, рыжевато-бурому тону.

Семейство сипух объединяет одиннадцать видов, относящихся к двум родам: *Tyto* (девять видов) и *Rhodilus* (два вида).

СИПУХИ-ТУТО

Большинство сипух обитает в жарком и умеренном поясах обоих полушарий. Некоторые из них распространены очень широко, ареал других определяется размерами островов, на которых они живут. Так, одна из сипух (*T. soumagnei*) гнездится в основном лишь на Мадагаскаре. Имеются виды сипух (*T. tenebricosa*, *T. novaehollandiae*, *T. capensis*), обитающие в Австралии и на прилегающих к ней островах. Кстати, последний вид встречается также и на юге Африки.

Среди сов этой группы наиболее широко распространена сипуха, заселившая южную часть Северной Америки, Южную Америку, Африку, исключая самые жаркие и пустынные районы этого материка, большую часть Европы, Малую Азию, Индию, Индокитай, Австралию и множество океанических островов. Этот же вид встречается и в нашей стране.

Сипуха — *Tyto alba*. В Советском Союзе сипуха — относительно редкая, преимущественно оседлая сова. Довольно регулярно она попадает лишь на западных

окраинах страны: на западе Калининградской области, в Литве, Западной Латвии, Белоруссии, а также в западных районах Украины и в Молдавии. Здесь сипуху удастся встретить чаще всего вблизи населенных пунктов, где птицы гнездятся в укромных нишах заброшенных строений, под крышами хозяйственных построек и на колокольнях, реже — в дуплах старых дубов или лип.

Насколько сипуха неравномерно распространена внутри ареала, можно судить по такому, например, факту. В Молдавии при специальном обследовании в конце 1960-х годов Ю. В. Авериним, Н. М. Ганя и Г. А. Успенским было выявлено только три точки регулярного гнездования сипухи: Тирасполь, Бендерский лесхоз (здесь совы сравнительно часто обосновываются в дуплах) и Кишинев. В Кишиневе — на проспекте Ленина и бульваре Негруцэ — криками и полетами в свете уличных фонарей выдают свое присутствие тридцать-пятьдесят птиц. Сипуха — сова легкого сложения, весом примерно 300—350 граммов, с длинными, заметно выступающими за хвост крыльями. Полет ее хотя и не кажется быстрым из-за размеренных взмахов крыльев, тем не менее достаточно стремителен и верток. Птица то реет на значительной высоте над крышами домов или вершинами деревьев, го опускается почти к самой земле.

По сравнению с другими совами сипуха, пожалуй, наиболее ночная птица. Весь день она проводит в какой-нибудь нише или в дупле, а признаки активности проявляет лишь поздним вечером. Птенцы сипухи, извлеченные на свет, тут же норовят забиться в любую щель. У птенцов других сов эта повадка выражена не столь ярко.

Окраска сипухи удивительно соответствует скальному ландшафту. Если птица сидит неподвижно, прижавшись к каменной стене, она почти незаметна. В то же время она хорошо выделяется на фоне зелени и темных стволов деревьев. Низ тела сипухи чаще всего окрашен в бледно-охристые тона. Спина и крылья более темные, рыжеватые или буроватые. Если рассматривать птицу с близкого расстояния, то можно разглядеть на верхней стороне тела золотисто-струйчатый рисунок, на нижней — мельчайший темный крап. Но в окраске птиц могут быть весьма значительные географические различия: на западе Европы обитают наиболее интенсивно окрашенные особи, доминирующий цвет оперения которых бурый; на юге в окраске пера преобладает рыжий тон; на востоке ареала птицы обычно бледные. Радужина глаз всегда темно-бурая. Клюв сероватый, реже желтоватый. Когти черные.

Голос взрослой сипухи — грубое, сиплое, надсадное дребезжание: «хеее». Этот звук в общем низкий, но отдельные выкрики могут быть и высокими. Голос молодых птиц, который они начинают подавать уже через несколько дней после вылупления, в основном такой же, как и крик взрослых птиц, хотя, конечно, много слабее. Он постепенно крепнет, становится громче. Сипение молодой сипухи, по которому, очевидно, и дано название сове, чаще всего означает, что она проголодалась. Тихий ее стрекот говорит о том, что она озябла. При испуге, начиная с двухнедельного возраста, птенцы издают угрожающее шипение. Этот звук совсем не похож на их обычные сиплые возгласы.

В ситуациях, вызывающих оборонительные действия, сипуха, как и другие совы, резко щелкает клювом. При этом нижняя часть ее лицевого диска забавно двигается вместе с подклювьем. Здесь же заметим, что столь эффектная и характерная для многих представителей семейства настоящих сов поза угрозы у сипухи отсутствует. Вместо этого она распускает крылья в горизонтальной плоскости и ложится, приникая к земле, причем оперение на теле оказывается плотно прижатым.

1. На западе Советского Союза, в поселках и даже в городах, можно встретить сипуху (*Tyto alba*) — одну из редких наших сов. Снимок сделан в Московском зоопарке, октябрь 1973 г.

2. Весь день сипуха отсиживается где-нибудь в затененном месте и только в глубоких сумерках вылетает на охоту. Для этой совы характерен сугубо ночной образ жизни. То же.

3. От других сов сипуху отличает треугольной формы лицевой диск и легкое телосложение. Обладая длинной подвижной шеей, она может, почти не нагибаясь, терзать жертву, прижатую лапой к земле, то же.

Когда птица ходит по земле или карнизам домов, то три пальца ноги обращает вперед и один назад. Передвигаясь по веткам, она ставит лапу иначе: первый и второй пальцы располагает с одной стороны сука, третий и четвертый — с другой. Если же сова просто отдыхает на ветке, то чаще всего вперед обращены второй и третий пальцы, в то время как первый и четвертый направлены назад.

Нам никогда не приходилось видеть, чтобы сипуха брала корм в лапу и подносила его ко рту, как это делают остальные совы. Свою жертву она умерщвляет когтями и, наступив на нее, раздирает клювом. У мышей обычно отрывает и проглатывает сперва переднюю часть тела, затем в желудок отправляет все остальное. Создается впечатление, что во время еды сипуха без устали гримасничает. Это получается оттого, что при открывании и закрывании рта вместе с клювом автоматически приводятся в движение перья лицевого диска. Они то отклоняются назад, отчего птица приобретает диковинный всклокоченный облик, а клюв как бы выдвигается вперед, то возвращаются в прежнее положение. При «выдвижении» клюва вперед нижние веки подтягиваются вверх и глаза прикрываются. Проглотит сова кусочек мяса — и выражение ее «лица» вновь становится обычным.

Пища сипухи достаточно разнообразна. Однако чаще всего жертвами этой совы оказываются мышевидные грызуны и землеройки. Совы, живущие в городах, например в Кишиневе, интенсивно охотятся за воробьями, ночующими на деревьях. В погадках сипухи обнаруживают также земноводных, в частности остатки чесночниц. Самый крупный вид добычи, с которой сипуха справляется у нас, — это пасюк. В пограничном с Советским Союзом районе Польши в погадках этих сов, помимо мелких грызунов, которые составили две трети жертв, были обнаружены остатки ласки, белки, кролика и ондатры.

Как и все совы, сипуха периодически отрыгивает погадки. Их длина 3,5—8,0 сантиметра, диаметр приблизительно 3 сантиметра. В погадках сипух иногда оказывается множество хитиновых остатков мелких насекомых. Это, вероятно, оттого, что совы, питаясь, например, воробьями, заглатывают их вместе с желудком, наполненным насекомыми. Сама же сипуха если и ловит насекомых, то преимущественно самых крупных — майских хрущей, бражников и других.

Весеннее возбуждение сипухи, сопровождающееся регулярными криками, отмечается в большинстве районов ее распространения уже в марте. С конца апреля самка приступает к кладке. Яйца ее относительно мелкие — 41x30 миллиметров при весе около 18 граммов, матово-белые, продолговатые. Полная кладка содержит 6—8 яиц. Развитие эмбрионов продолжается приблизительно тридцать суток. Растут птенцы не очень быстро, окончательный вес набирая лишь к трехмесячному возрасту.

Имеются данные, что самка сипухи активно способствует наискорейшему вылуплению птенцов. Иногда она принимается обламывать края скорлупы вокруг образовавшегося при проклевывании птенца отверстия. Увеличение дыры и писк совенка в яйце стимулируют ее деятельность. Когда птенец освободится наполовину, мать обламывает уже значительные кусочки скорлупы, пока, наконец, не снимет ее полностью. Такое поведение для птиц вообще мало характерно. Птенцы обычно вылупляются сами, без помощи родителей.

С двухнедельного возраста птенцы сипухи уже с интересом следят за обстановкой. Примерно тогда же они начинают раскачивать головами, приобретая навыки в лоцировании жертвы. В этом возрасте соенок съедает за один прием целую мышь и может делать это пять-шесть раз за ночь. Покидают гнездо молодые совы через 35—45 суток, далеко еще не достигнув размеров взрослой птицы.

НАСТОЯЩИЕ СОВЫ — STRIGIDAE

Характерными признаками сов этого семейства являются: плотное телосложение, короткая цевка, заметно более длинный, чем внутренний, средний палец с когтем, не имеющим зазубрин; первый пуховой наряд в процессе постэмбрионального развития сменяется промежуточным (мезоптилем); яйца белого цвета, округлые.

В фауне Советского Союза настоящие совы представлены одиннадцатью родами.

СОВКИ — OTUS

Большинство представителей этого рода ростом со скворца или чуть крупнее. На голове совок хорошо заметны перьевые ушки, чем эти птицы напоминают миниатюрных филинов. Пальцы ног у них голые или частично оперены. Лицевой диск неполный. Крылья длинные, а будучи сложенными, почти доходят до конца хвоста. Активны совки преимущественно ночью.

Совки — многочисленная и широко распространенная группа сов. Они населяют разные ландшафты, но почти во всех случаях связаны с древесной растительностью. Основная пища совок — насекомые и пауки. Реже они охотятся за мышевидными грызунами и другими мелкими позвоночными. В умеренных широтах они, как правило, совершают регулярные сезонные перелеты.

В группу совок объединяется около тридцати видов. Из них наиболее обширные ареалы имеют американская совка (*O. asio*), обитающая в лесах центральной и южной части Северной Америки; южноамериканская сплюшка (*O. choliba*), заселившая большую часть Южной Америки; белолицая совка (*O. leucotis*) из Центральной и Южной Африки и наша сплюшка (*O. scops*), гнездящаяся на юге Европы, в Центральной и Западной Азии и в северо-западной части Африки. В Советском Союзе обитают четыре вида совок.

Ошейниковая совка — *Otus bakkae*. Эта совка в нашей стране может быть встречена лишь на Дальнем Востоке. Она поселяется в многоярусных лесах Южного Приморья, на юге Сахалина, на островах Кунашир и Шикотан Курильского архипелага и других.

Ошейниковая совка (ее вес до 200 граммов) наиболее крупная из наших сов. Помимо размера, этот вид отличается от других сов светлым пятном — ошейником, который в форме полулуния располагается на затылке, а также частично оперенными, примерно на треть, основаниями пальцев. Со спины эта совка окрашена в охристо-буроватые тона, по которым проходит мелкий крестообразный рисунок. На нижней, более светлой стороне тела заметны продольные и поперечные пестрины. Радужина желтая или оранжево-желтая, у молодых птиц — буроватая. Клюв и когти темно-стального цвета.

Об образе жизни ошейниковой совки орнитологи получили сведения совсем недавно. Первооткрывателем ее гнезда в Советском Союзе оказался Н. Коточилин, который в начале мая 1966 года под Владивостоком в дупле старой липы на высоте около двадцати метров обнаружил кладку совки, состоящую из пяти яиц. В последующем благодаря усилиям целой группы натуралистов — В. И. Лабзюка, В. А. Нечаева, В. М. Поливанова и Ю. Б. Шибнева — удалось выявить некоторые детали биологии этой птицы. Выяснилось, что ошейниковая совка чаще всего встречается в кедрово-широколиственных лесах на склонах сопок. Обычна она также в пойменных лесах, особенно граничащих со старыми вырубками, и не представляет редкости в елово-пихтовых древостоях с примесью тиса и березы. В материковых лесах совка, по крайней мере в мягкие зимы, живет оседло. То же можно наблюдать и на островах.

В отличие от других наших сов, которые кормятся преимущественно беспозвоночными, основная пища ошейниковой совки — мелкие млекопитающие, в частности мышевидные грызуны и землеройки. Реже ее добычей становятся небольшие воробьиные птицы и их слетки. Летом рацион этой совы в какой-то степени разнообразится за счет крупных насекомых, активных в ночные часы, — бражников, жуков и т. п. Зимой, особенно в годы с обильными снегопадами, ошейниковая совка то и дело появляется в населенных пунктах, где днем прячется на чердаках, а по ночам, летая вокруг домов, охотится на мышей и крыс. Нередко в ее лапы попадают здесь и воробьи. Примечательно, что в населенных пунктах, как подметил В. А. Нечаев, чаще всего встречаются самки. Возможно, что более мелкие самцы в это время не покидают лесов, где добывают полевков, землероек и мелких лесных птиц. Крысы, шныряющие возле домов, — скорее всего добыча для них непосильная.

В суровые зимы нередко случаи гибели сов от холода и голода. Часть птиц, особенно живущих на севере ареала, по-видимому, откочевывает на юг. Такие перемещения приходилось наблюдать К. А. Воробьеву даже на юге Приморья. В них принимают участие прежде всего молодые птицы, ранее не гнездившиеся.

На гнездовых участках ошейниковая совка становится наиболее заметной с конца марта — в апреле. В это время самцы даже днем подают голос. Их призывный двусложный крик, монотонно повторяемое «кух-кух» или «кхук-кхук», доносится издали. Видовой призывный крик у этих сов выполняет и роль брачной песни. К концу июня голоса смолкают.

К настоящему времени найдено уже более десятка гнезд ошейниковой совки. И теперь с уверенностью можно сказать, что эта сова — дуплогнездник. Ее кладки обнаруживали на высоте от трех до двадцати метров. Например, она охотно поселяется

в дуплах, выдолбленных желной. Но избегает занимать ниши глубиной более сорока пяти сантиметров.

В лесах Приморья численность ошейниковой совки ограничивается прежде всего недостатком удобных для гнездования мест. Только этим можно объяснить высокую заселяемость ею искусственных гнездовий, что наблюдалось, в частности, на реке Судзухэ. Здесь в пойменных лесах для мандаринок было вывешено несколько десятков дуплянок (с летком до пятнадцати сантиметров в диаметре), семь из которых оказались занятыми ошейниковой совкой. Дуплянки были развешены в смешанном лесу, в почти непролазной чаще ив, ольхи, черемухи, ясеня, молодого маньчжурского ореха и бузины. Во многих местах деревья и кустарники опутывали лианы дикого винограда. Прямо к пойме примыкали сопки, поросшие дубняком. Примечательно, что совки в шести из семи упомянутых случаев поселились в дуплянках, на дне которых сохранились остатки старых гнезд серых скворцов, и лишь однажды облюбовали гнездовье с выстилкой из сухих листьев, сделанной людьми. Как и все типичные мышееды, ошейниковая совка приступает к размножению ранней весной. Вылупление ее птенцов приходится на период, когда освободившаяся от снега земля еще не скрыта новым травяным покровом, затрудняющим ловлю мышей. Известен факт, когда 14 мая на юге Приморья было найдено гнездо совки, в котором находилось семь разновозрастных птенцов. Так как четыре из них покинули дупло уже к 26 мая, то можно думать, что в этом гнезде кладка началась в первых числах апреля, а возможно и в конце марта. Однако случалось обнаруживать еще ненасиженные яйца и в середине июня.

4. В разреженных лесах Приморья, на юге Сахалина, Кунашире, Шикотане и других островах юга Охотского и Японского морей обитает ошейниковая совка (*Otus bakkatopena*). Приморье, пойма р. Бикин, июнь 1971 г.

5. Свое название ошейниковая совка получила за светлоокрашенные перья, обрамляющие шею. Это наиболее крупный вид совок, встречающихся в Советском Союзе. Окрестности Владивостока, ноябрь 1971 г. Фото М. А. Омелько.

6. Днем ошейниковая совка обычно усаживается поближе к стволу и прикрывает глаза. Такая привычка в сочетании с общей покровительственной окраской и малоподвижностью надежно скрывает ее. То же. Фото М. А. Омелько.

7. В холодную пору ошейниковую совку можно увидеть около населенных пунктов или в редколесье на склонах сопок. Здесь птицы проводят день, прячась либо на чердаках строений, либо на земле среди корней и усохшей травы. То же. Фото М. А. Омелько.

По цвету и размеру яйца ошейниковой совки почти такие же, как и у других совок, разве что чуть-чуть крупнее: они обычно 37—39X30—31 миллиметр. Обращает на себя внимание величина кладок, в которых 5—7 яиц — нормальное явление. Известны кладки и в 9 яиц. Правда, в последних по разным причинам гибнет почти четвертая часть яиц.

Птенцы ошейниковой совки вылупляются покрытыми белым, со слабым блеском пухом. В отличие от наряда сочат других видов пух птенцов этой совки выглядит значительно более густым. Его длина на голове 4—5 миллиметров, на плечах и лопатках порой 8—9 миллиметров. Кожа на спине кажется розоватой, на брюхе — серой. Плюсна у птенцов, исключая пяточную мозоль, оперена полностью, а пальцы опушены до самых когтей; лишь задний палец частично голый. Складки в углах рта белесые, заметно светлее чуть сизоватого клюва. Ротовая полость и язык розовые. Ноги со слабым желтоватым оттенком. Вес новорожденного совенка около 20 граммов.

До недельного возраста совы почти постоянно лежат на брюхе. К концу этого времени у них появляются пеньки будущих маховых и рулевых перьев. В эту пору чуть ли не все время, свободное от сна, птенцы издают тихий стрекот. Звуки воспроизводятся сериями, как бы трелькой. Будучи напуганными, они широко раскрывают глаза и, пятясь, пытаются щелкать клювами. К двухнедельному возрасту у них уже хорошо заметны «ушки». На шестнадцатую ночь птенцы становятся «поперечнополосатыми» и теряют яйцевой зуб. Теперь уже, если заглянуть к ним в дупло, они все дружно и громко щелкают клювами. К концу третьей недели начинает формироваться лицевой диск. На тридцать пятую ночь весьма напоминающая обликом взрослую птицу молодая ошейниковая сова покидает дупло. К этому времени она весит около 150 граммов, то есть немного не достигает окончательного веса.

Первое время семья кочует по гнездовому участку, но в течение месяца выводок постепенно распадается и молодые приступают к самостоятельной жизни. Еще в период совместных кочевок по ближайшей округе молодые птицы не только получают основные навыки по нахождению корма, но и учатся избегать возможных встреч с врагами.

Странное впечатление производит затаившаяся ошейниковая сова. Как и другие совы, в момент опасности, чтобы быть менее заметной, она прикрывает глаза и замирает столбиком. За счет темного рисунка на лицевом диске и веках разрез ее глаз кажется не горизонтальным, а вертикальным. Сочетание узора на лицевом диске с продольной пестристостью на груди и животе, с поднятыми вверх «ушками» и прижатым к телу оперением делает ошейниковую сову в этот момент похожей на сук с частично опавшей корой.

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать об ошейниковой совке — птице, о жизни которой люди знают пока еще совсем мало.

Уссурийская сова — *Otus sunia*. Весной, уже с последних чисел апреля, в пойменных лесах по Амуру, в бассейне Усури, на юго-восточных склонах Сихотэ-Алиня и в ряде других мест на Дальнем Востоке по ночам часто слышатся удивительно приятные, немного меланхоличные звуки. Это поет уссурийская сова, как будто хронометр отсчитывает время. Тридцать раз прокричит — минута пройдет.

Брачная песня уссурийской совки — ее обычный призывный сигнал, регулярно повторяющееся «уть — то-та, уть — то-та, уть — то-та...». Издали эти звуки воспринимаются, как двусложные: «уть—та, уть— та...» В тихую ночь голос уссурийской совки хорошо слышен за триста-четырееста метров. С одной точки нередко удается засечь трех-четыре поющих птиц. Если поблизости от токующего самца в тон ему закричит второй, то первый сразу же меняет тональность своей песни. Самка в период тока, особенно при приближении к ней самца, издает своеобразное верещание. Обычно совы кричат, сидя в кронах деревьев, по ночам, но в разгар тока, в мае, призывные крики их слышатся и днем.

В пределах Советского Союза уссурийская сова — перелетная птица. Питаясь преимущественно насекомыми и пауками, она, естественно, не может оставаться у нас на зиму.

Несмотря на сравнительно ранние сроки появления уссурийской совки весной на местах гнездовий (например, в пойменные леса среднего течения реки Бикин совы прилетают уже в конце апреля), к размножению она приступает довольно поздно. Особенно это бросается в глаза при холодной, затяжной весне. Как отмечает Е. П. Спангенберг, многие из них в такие годы кочуют вплоть до второй половины июня. В

обычные же годы большинство птиц приступает к откладке яиц уже в конце мая — начале июня.

Гнездится уссурийская совка в дуплах. При этом чаще всего птицы занимают естественные ниши диаметром и глубиной до тридцати сантиметров, избегая более просторных помещений. Высота дупла над землей может быть самой различной — от трех и до двадцати метров. Выстилка в гнезде, как правило, отсутствует. Яйца откладываются прямо на древесную труху. Кладка содержит обычно 4—6 яиц, но птенцов в выводке редко бывает больше трех или четырех. Яйца имеют заметно укороченную эллипсоидную форму (29—33X26—27 миллиметров). Скорлупа их белая, с незначительным блеском. Вес свежеснесенного яйца около 14 граммов.

Обогревает кладку, по-видимому, лишь самка. Как показали наблюдения В. А. Нечаева, насиживание начинается с откладки первого яйца и продолжается сравнительно недолго: на 19—20-ю ночь вылупляется уже первый птенец. Правда, нам известен случай, когда на инкубирование одного яйца совке потребовалось двадцать три дня. На яйцах совка сидит очень плотно. Выгнать ее из дупла, постукивая по стволу, как правило, не удается.

Надо отметить, что в период насиживания самка проводит в дупле почти все время. С утра до вечера скрывается совка в гнездовой нише и при птенцах. Когда же с подросшими совятами ей в дупле уже никак не уместиться, она часто и подолгу сидит у входа. Самец днюет поблизости, нередко где-нибудь в тени густого куста на валежине у самой земли. В жаркие дни он предпочитает отдыхать прямо на земле, выкопав в лесной подстилке небольшую лунку. Одно и то же место дневки уссурийской совкой иногда используется многократно, о чем свидетельствуют скапливающиеся здесь помет и погадки.

Птенцов в гнезде кормят оба родителя. Добывая пищу, они снуют среди ветвей, на лету выхватывая пауков из паутины, проносятся в погоне за ночными насекомыми над полянами, иногда бродят по толстым горизонтальным веткам, собирая на них насекомых. В холодные ночи, когда насекомых мало, совки нападают и на грызунов, однако это наблюдается чаще всего ранней весной. Во всех случаях совки охотятся поблизости от дерева, в котором находится их гнездо, и редко удаляются от него более чем на полтора метра. Корм всегда приносят в лапах, но, подлетая к дуплу, перекладывают его в клюв.

Пища птенцов состоит главным образом из взрослых чешуекрылых — бражников, медведиц, ленточниц, пядениц и других, и примерно на треть из гусениц бабочек, прямокрылых и из пауков. Примечательно, что ползающие формы животных добываются совками преимущественно во вторую половину ночи. При этом переключению с одного способа охоты на другой, то есть с преследования летающих насекомых на сбор ползающих форм, обычно предшествует общий спад активности птиц. Он хорошо прослеживается при хронометраже частоты прилетов взрослых птиц с жертвами к гнезду.

Даже при непродолжительном наблюдении за кормлением птенцов нетрудно заметить, что оно неодинаково интенсивно в разное время ночи. Обычно после трех-семи прилетов, следующих один за другим с интервалами около минуты, наступает перерыв на десять-двадцать минут. Но иногда с вечера, особенно перед вылетом птенцов, родители кормят их и много чаще. Так, у одного из гнезд в пойменном лесу низовой реки Бикин в эти сроки нами зарегистрировано рекордное число прилетов взрослых птиц с кормом к гнезду — 52 за час! Во всех случаях пики активности

приходились на первые два часа после захода солнца и последние два часа перед рассветом. В полночь совки почти переставали охотиться.

Несмотря на то, что уссурийская совка в большинстве районов Приморья не только обычна, но и многочисленна, увидеть ее птенцов удалось совсем недавно. Честь описания двух-трехдневных пуховичков принадлежит орнитологу В. А. Нечаеву.

Пуховички уссурийской совки покрыты чисто-белым, блестящим, густым пухом. На голове он достигает 6—7 миллиметров, на плечах и локтях — 11—12 миллиметров, на боках тела — чуть длиннее. Цевка одета пухом до пальцев. Восковица розовато-серая. Клюв стального цвета. Когти немного светлее клюва, с более темными вершинами. У птенцов радужина глаз буроватая, но с возрастом желтеет.

На шестую-седьмую ночь птенцы уссурийской совки уже уверенно сидят, опираясь на цевку, и даже способны передвигаться. К двухнедельному возрасту они покрываются сероватыми поперечнополосатыми пуховыми перьями. В этом возрасте большую часть дня совы дремлют на дне дупла. Через три недели птенцы впервые начинают высовываться из летка. Чуть стемнеет, в гнезде поднимается возня. То один, то другой из птенцов появляется в летке и, пристально всматриваясь куда-то вдаль, раскачивает головой. От дня к ночи меняется не только поведение птенцов, но и их голоса: ночью они издают своеобразное ритмичное сопение, которое слышится почти постоянно; днем же — тихий писк, чем-то напоминающий «разговор» цыплят.

Примерно на двадцать пятую ночь жизни птенцы покидают дупло. Это бывает в первых числах августа, чаще всего вечером. Обычно дупло оставляется совятами не всеми сразу. Сперва вылетают самые крупные. Всегда находится и соенок послабее, который просидит в гнезде еще одну-две ночи. Птенцы, вылетевшие из гнезда, обратно в него не возвращаются. Покинувшие гнездо уже в состоянии перепархивать на расстояние до двадцати метров. На такой дистанции друг от друга они рассаживаются в кронах близстоящих деревьев и временами перекликаются. К этому моменту их голос претерпевает странную метаморфозу. Вместо сопения они принимают воспроизводить необычный гортанный звук, что-то вроде «уэк», несколько похожий на крик пролетающей выпи, хотя, конечно, менее мощный.

8. С конца апреля и почти все лето в сумерках и по ночам леса Приморья оглашаются призывными криками уссурийской совки (*Otus sunia*). Особенно многочисленна эта маленькая сова в пойменных лесах. Среднее течение р. Бикин, июль 1970 г.

9. Уже с вечера из гнездовых дупел, где сидят птенцы уссурийской совки, слышится ритмичное сопение — это подают голос проголодавшиеся совята. На снимке птенцам около 20 суток. Там же, 28 июля 1969 г.

10. Пища уссурийской совки — различные беспозвоночные, чаще всего насекомые и пауки. На сей раз добычей оказалась гусеница бражника. Там же, 18 июля 1974 г.

11. Наиболее активна уссурийская совка вечером и перед рассветом, когда взрослые птицы приносят корм птенцам почти поминутно. То же.

12. На двадцатую ночь совятам уже не сидится в дупле, а на двадцать пятую они окончательно покидают гнездо. То же.

13. Этой уссурийской совке ровно два месяца от роду. Она уже сравнительно хорошо летает. И тем не менее большую часть ночи совка не охотится, а ждет, пока ее накормят родители. Там же, 10 сентября 1969 г.

14. Самостоятельность приходит к молодой уссурийской совке лишь в октябре — начале ноября, когда выводок распадается. Снимок сделан в неволе, 5 октября 1969 г.

15. В три с половиной месяца молодая уссурийская совка, жившая у нас дома, почти полностью сменила промежуточное пуховое одеяние на окончательный наряд. Теперь ее трудно отличить от взрослой птицы. Там же, 15 октября 1969 г,

Период вылета птенцов из гнезда — самое беспокойное время для родителей. Об этом можно судить хотя бы по тому, что именно в эту пору чаще всего приходится слышать их тревожные сигналы. Возмущенный самец дважды или трижды повторяет видовой призывный крик, но издает его в четверть силы — так, чтобы быть услышанным не далее чем за тридцать метров. Иногда возбуждение самца может выразиться и в исполнении брачной песни. Чем-либо встревоженная самка периодически громко произносит гнусавое «ау» либо испускает крик, напоминающий мяуканье кошки. Самец тоже может «мяукать», но делает это редко. В ответ на тревожные сигналы родители птенцы «а некоторое время замолкают.

О том, как живут оставившие дупло молодые совки, мы знаем очень мало. Промежуточный птенцовый наряд, по-видимому, почти полностью сменяется в сентябре. К этому времени заканчивают линьку и взрослые птицы. К концу сентября молодые уже нередко ведут одиночный образ жизни. По окраске и весу они теперь уже совсем похожи на взрослых. Те и другие весят 85—95 граммов.

Распознать уссурийскую совку среди других видов можно по неоперенной нижней части цевки. Однако в природе разглядеть этот признак бывает непросто. От ошейниковой, с которой уссурийская совка подчас обитает бок о бок, последняя с легкостью отличается малыми размерами. Длина ее редко превышает 18—19 сантиметров. Это одна из наиболее миниатюрных сов фауны Советского Союза.

Окраска взрослой уссурийской совки буро-серая, иногда рыжеватая. Брюшная сторона светлее, с мелким поперечным рисунком и многочисленными продольными пестринами. Глаза ярко-лимонно-желтые. Клюв и когти темно-бурые.

Сплюшка — *Otus scops*. По размеру и облику сплюшка очень похожа на уссурийскую совку, но окрашена она ярче и продольные пестрины на рыжевatom брюхе у нее четче, как бы рельефные. Радужина глаз ярко-желтая, почти оранжевая у взрослых птиц и несколько блеклая у молодых. Клюв и когти темно-бурые. Цевка оперена практически полностью, хотя растущие на ней перья и не заходят на основания пальцев. Этот признак отличает сплюшку от других наших совок. По сравнению же с ошейниковой совкой для сплюшки характерны отсутствие светлого зашейка и меньшие габариты.

Сплюшка — наиболее широко распространенный вид из всех наших совок." Ее можно встретить на юге страны от западных ее границ и до Байкала. Она обитает в смешанных, часто разреженных лесах южного типа, среди островов леса в степи, в старых садах и горных лесах на высоте до двух тысяч двухсот метров. Охотно селятся сплюшки и в городских парках. Так, по свидетельству И. Ф. Бородихина, в центральном парке имени Горького в Алма-Ате обитает семь-восемь пар этих сов. Но где бы ни поселялись сплюшки, сплошных однородных древостоев они избегают.

В южных лесных районах и на Кавказе — это не только обычный, но и многочисленный вид, а на широте Псковской области сплюшка становится редкой птицей. В период тока в лесах по левобережью нижнего течения Днепра, в западной части Предкавказья и на Тереке в сороковых годах А. Н. Формозову и В. И. Осмоловской удавалось регистрировать с одного места до десяти кричащих птиц. Там, где обитает сплюшка, ночи, озвученные ее криками, приобретают незабываемый своеобразный колорит. Однако, несмотря на доверчивость и обычность, эта сова нечасто попадает на глаза. Холодные дни она проводит в дупле. На охоту вылетает уже в густых сумерках.

В пределах Советского Союза сплюшка, как правило, перелетная птица. На юге ареала она появляется уже в последних числах марта, в центральных и северных районах — в середине апреля. В первую же теплую и тихую ночь после прилета птицы начинают подавать голос. Брачный крик сплюшки — монотонное, неторопливое (20—21 сигнал в минуту) повторение видового призывного крика. Эти звуки воспринимаются как слово «сплю». Отсюда и название птицы. Как и другие совки, самцы сплюшки весной подолгу перекликаются, воспроизводя призывные крики в разных тональностях. Парное, или антифональное, пение, когда слаженно кричат одновременно два самца, весьма характерно именно для сплюшки.

Помимо парного пения самцов, в разгар тока иногда удается услышать согласованное пение самца и самки — то, что мы называем песней-дуэтом. Голос самки сплюшки не такой звонкий, а крик как бы сдвоенный, вроде скороговорки: «сплю-плю». В целом же песня-дуэт выглядит следующим образом: «сплю — сплю-плю, сплю — сплю-плю...», где «сплю» выкрикивает самец, а самка вторит ему грустным «сплю-плю». Весной при пасмурной и теплой погоде их голоса доносятся не только ночью, но и днем.

Наблюдая жизнь этих совок в Красноярском крае, К. А. Юдин подметил, что примерно с двадцатых чисел мая, то есть в сроки, совпадающие со временем спаривания, самцы охотно подлетают на манок. В этот период ему удавалось, не сходя с места, подманивать до пяти особей.

16. В лесах южного типа, старых парках и садах европейской части СССР и Сибири обитает похожая на уссурийскую совку сплюшка (*Otus scops*). Она гнездится в дуплах, но нередко занимает и скворечники. Как и все совы, сплюшки живут парами. Однако в отличие от многих сов, самки у которых заметно крупнее самцов, у сплюшки обе птицы почти одинаковой величины. Снимок сделан в Ленинградском зоопарке, сентябрь 1973 г.

17. Несмотря на несомненную доверчивость и сравнительную многочисленность, сплюшку редко удается разглядеть днем в гуще ветвей. Воронежская область, июнь 1954 г. Фото Н. П. Кадочникова.

18. Интересно, что столь характерные перьевые ушки сплюшки, на которые мы невольно обращаем внимание днем, ночью плотно прижаты к голове и совсем не заметны. Снимок сделан в Ленинградской зоопарке, сентябрь 1973 г.

По природе сплюшка — дуплогнездник. Она занимает как естественные ниши, так и дупла дятлов. Однако при недостатке дупел она нередко селится в гнездах сорок и разных укромных местах. И. И. Барабаш-Никифоров и Л. Л. Семаго были свидетелями попытки захвата сплюшкой норы, занятой сизоворонкой. В Прикуринской низменности гнездование этой совки в норе, вырытой в глинистом обрыве, наблюдал Г. Т. Мустафаев. В Казахстане В. Н. Шнитникову попадались кладки в открытых гнездах ворон, мелких хищников и даже горлиц. Примитивные гнезда, возможно сделанные сплюшкой, находил М. Н. Корелов в развилках стволов ореха в Бостандыке. Об интересном случае гнездования сплюшки в Гырнецовском лесу Молдавии сообщают Ю. В. Аверин, Н. М. Ганя и Г. А. Успенский. Известное им гнездо помещалось вместе с гнездами скворцов и воробьев за обшивкой заброшенной постройки, и путь к нему лежал через отверстие, продолбленное дятлом в доске.

Еще А. Н. Васильчук в 1915 году, обсуждая проблему привлечения полезных птиц, указывал на возможность поселения сплюшек в искусственных гнездовьях. И они, действительно, охотно занимают дуплянки, что мы наблюдали в Савальском лесничестве Воронежской области. В парках Алма-Аты это было экспериментально доказано И. Ф. Бородихиным. Он рекомендует, кстати, вешивать дуплянки для этих совок либо в кронах деревьев, либо над кустами, чтобы покидающие гнездо совыта, еще не способные к уверенному полету, не оказались на земле.

Спустя примерно месяц после прилета сплюшка приступает к откладке яиц. В кладке чаще всего бывает 4—5, очень редко 6 яиц. Как и у других совок, они белые, слегка блестящие, укороченноэллипсоидные. По форме, цвету и размеру они практически не отличимы от яиц уссурийской совки, но вес их в среднем чуть больше — около 15—16 граммов.

Гнездовая жизнь сплюшки, пожалуй, наиболее детально была изучена Н. П. Кадочниковым. Заслуживает внимания история одного из гнезд, за которым он наблюдал в 1957 году в Воронежской области.

В тот год самец появился на гнездовом участке в первых числах мая. Пять дней он держался в поросли дубняка, откуда каждый вечер доносился его монотонный голос.

Регулярное утреннее и вечернее токование продолжалось до начала июня. Самка впервые была обнаружена здесь 30 мая. В этот день она осмотрела скворечник, висевший поблизости. 1 июня в нем уже оказалось первое яйцо. В течение последующих трех дней прибавилось еще три яйца. Уже тогда самец бдительно охранял занятую дуплянку. Стоило подойти человеку, как он смело пикировал, стремясь ударить когтями по голове. Эти отчаянные атаки повторялись до десятка раз подряд.

Спустя двадцать пять суток с начала насиживания (в ночь с 27 на 28 июня) вылупился первый птенец. Остальные появились в последующие три дня. Во время вылупления самка сидела на кладке настолько плотно, что можно было брать из-под нее и класть обратно яйца и птенцов. Иногда, поднявшись и отойдя чуть в сторону, она стояла «неподвижно и дуплянку не покидала. На третьи сутки младший птенец погиб. Его останки были найдены на дне дуплянки. В период насиживания, а также в первые две недели после вылупления птенцов их и самку кормил самец. Принося добычу в клюве — крупных ночных бабочек и пауков,— он передавал ее, не залетая внутрь. Кстати, как раз в день гибели младшего птенца заметно похолодало, насекомых стало мало и вечером самец принес в гнездо большую синицу. Пока совята не подросли и не могли глотать добычу целиком, самка скармливала ее им по частям. Синицу самка тут же ощипала в гнезде и в основном съела сама.

На четвертую ночь у птенцов приоткрылись глаза-щели. К этому времени совята уже были в состоянии принимать вертикальное положение и сидеть, опираясь на всю цевку. В эту же ночь они стали заглатывать целиком мелких насекомых. На пятую-шестую ночь сквозь поредевший белый пух начали просвечивать пеньки бурых перьев. На восьмую ночь у совят появилось перо па брюхе, голове, плечах и предплечьях. И хотя рулевые перья только показались, пеньки первостепенных маховых достигали 10 миллиметров. Глаза стали широко раскрываться, но в должной мере еще не округлились. Выпрашивая корм, птенцы энергично толкались и верещали. На четырнадцатые сутки почти все тело совят уже покрывали перья промежуточного наряда с едва заметным поперечным рисунком. Пеньки маховых лопнули и опахала достигли 14—16 миллиметров. Птенцы уверенно передвигались по дну дуплянки, при опасности угрожаяще шелкал» клювами, прятались.

На 21—22-ю ночь гнездовой период окончился и птенцы покинули гнездо. Внешне они уже были похожи на взрослых птиц. Их вес достиг 80—85 граммов, но в день вылета каждый из них стал легче на 1,5—2 грамма. Замечено, что конкуренция за корм между птенцами способствует их скорейшему вылету. Так, в другом гнезде был всего один соенок, и он покинул дупло только на двадцать пятую ночь.

Вылетали совята вечером, в сумерках. Перед тем как пуститься в первое странствие, они подолгу осматривались и, наконец, словно бы решившись на отчаянный шаг, слетали, но при этом редко преодолевали за раз более пяти метров. Через день после вылета птенцов можно было встретить уже па расстоянии пятнадцати — двадцати метров от родного дерева.

Именно около слетков чаще всего можно отметить странное тревожное «мяуканье» взрослых птиц. С. Г. Приклонский слышал этот сигнал самца в период, когда птенцы еще находились в дупле. Обычно же, как и другие совки, обеспокоенные сплюшки издают видовой призывный крик.

Сплюшка совсем некрупная птица. Вес ее редко бывает более 100 граммов. И естественно, что добычей ей в основном служат сравнительно мелкие животные,

преимущественно беспозвоночные. В Воронежской области весной на утренних и вечерних зорях мы неоднократно наблюдали, как, то проносясь над кронами деревьев, то внезапно зависая на одном месте, то закладывая крутые и стремительные виражи, сплюшки, словно шальные тени, гонялись за майскими хрущами. Об охоте сплюшки на этих жуков сообщает и П. А. Положенцев, изучавший животный мир Среднего Поволжья. Но эти совки отыскивают себе корм не только в лесу. Тот факт, что сплюшка нередко приносит к гнезду медведок и других насекомых, живущих в открытом ландшафте, позволяет предположить, что она вылетает за добычей на поля и луга.

В качестве примера, освещающего питание сплюшки в гнездовой период, приведем материалы, собранные в начале пятидесятых годов на северо-востоке Новосибирской области Д. В. и Ю. Г. Терновскими, которые двенадцать ночей подряд провели у гнезда этой птицы. В результате выяснилось, что пищей птенцам служили главным образом кузнечики и бабочки (55 и 33 процента соответственно), затем жесткокрылые (5,3), пауки (3,2) и стрекозы (2,1 процента). Каждую ночь кормление в среднем продолжалось шесть часов. За это время родители подлетали к гнезду 76—105 раз. Максимальная активность кормления (22 прилета в час) приходилась на первую половину ночи. Каждый соенок получал за ночь в среднем 30 порций пищи общим весом около 20 граммов, что составляет приблизительно треть веса его тела. Примерно в таком же темпе родители продолжают кормить птенцов и после вылета их из гнезда. И снабжают их пищей до тех пор, пока птенцы не окрепнут настолько, что будут в состоянии сами добывать себе корм в необходимом количестве. Это наступает примерно тогда, когда совытам исполнится полтора месяца.

Осенние кочевки сплюшки на севере ареала отмечаются уже в конце августа. В сентябре большинство птиц покидает центральные области. К концу октября эта совка становится редкой даже в южных районах.

Буланая совка — *Otus brucei*. К югу от Сырдарьи, в равнинной части Средней Азии, встречается буланая или, как ее еще называют, пустынная совка. Последнее название нельзя признать удачным, поскольку пустынь эта совка избегает. Она селится в приречных тугаях, а также в культурном ландшафте, включая поселки и даже города. Любимыми местами ее обитания являются старые сады с дуплистыми деревьями, лесные полосы вдоль арыков и дорог. Здесь птицы живут, не обращая внимания на людей.

От прочих мелких совок нашей фауны буланая совка отличается тусклой, «пустынной» окраской оперения, в которой преобладают бледно-серые, иногда слегка желтоватые тона. Кроме того, опознавательным признаком вида может служить почти полное отсутствие на брюхе поперечных пестрин, вместо которых хорошо заметны тончайшие продольные темные черточки. Цевка буланой совки оперена до пальцев, сверху прикрываемых перьями. Радужина глаз чаще всего бледно-желтая. Клюв и когти темные, несколько светлеющие к основаниям.

Однако больше всего буланую совку выделяет ее голос. Брачный крик этой птицы — необычное для других наших совок «куканье», вслед за которым идет серия однообразных звуков, продолжающихся иногда до получаса подряд. Такая песня может быть изображена, как «кууу, кух-кух-кух...». В теплую тихую ночь эти совки тархтят без умолку, словно козодои.

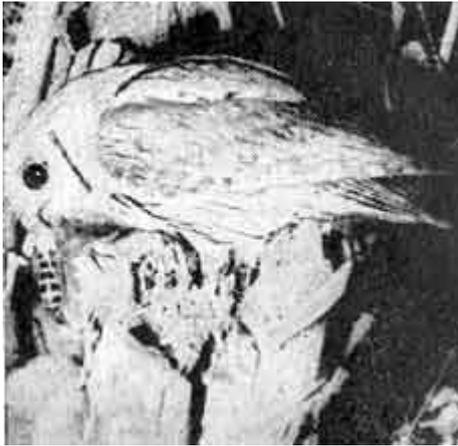
Известны для буланой совки и другие звуковые сигналы. Так, Р. Л. Потапов, наблюдавший совку на юге Таджикской ССР в заповеднике «Тигровая балка»,

описывает звук, напоминающий отрывистый лай собаки — что-то вроде «ау», который буланая совка издает в период выкармливания птенцов. По-видимому, эта голосовая реакция служит сигналом тревоги, адресованным птенцам в гнезде. Во время спаривания совка иногда выкрикивает громкое и резкое «цирр, ва, ва, вау», похожее на голос домового сыча. Этот же пронзительный возглас может предшествовать и брачной песне — монотонному «кух-кух-кух...». Но иногда оказывается и так, что своеобразное «цирр, ва, ва, вау» совка выкрикивает в ответ на совершенно посторонний звук, например на неожиданный возглас человека. Свидетелем такой реакции совки случилось быть Э. Н. Головановой в Каракалпакии. Проголодавшиеся птенцы тоже не сидят молча. Они настойчиво и ритмично верещат, чем и выдают свое местонахождение. Зная голос буланой совки, ее можно отыскать даже в самые темные южные ночи.

В общем, обликом и даже поведением буланая совка схожа со сплюшкой. Но наблюдавший этих птиц в Туркменистане Г. П. Дементьев указывает и на ряд существенных различий, связанных с их образом жизни. Во-первых, сплюшка совершает дальние перелеты, а буланая совка ограничивается лишь незначительным перемещением к югу — отсюда, очевидно, и разница в строении крыльев: у буланой совки они короче. Во-вторых, сплюшка — птица преимущественно горных лесов, а буланая совка явно тяготеет к равнинному ландшафту. Сплюшка, видимо, — выходец из смешанных лесов умеренного пояса, а буланая совка — из тугаев засушливой зоны Средней и Центральной Азии. В этом-то, вероятно, и кроется сущность различий столь похожих, возможно близких, видов. Размножение буланой совки начинается много, раньше, чем сплюшки.

19. В равнинной Средней Азии, к югу от долины Сырдарьи, обычна на гнездовье буланая совка (*Otus brucei*). Здесь она живет в тугайных лесах, но охотно обитает также в глухих кишлачных садах и нередко встречается в населенных пунктах. Каракалпакская АССР, июнь 1969 г. Фото Э. Н. Головановой.

20. Основная пища буланой совки в гнездовой период — жуки, сверчки, кузнечики, медведки и другие насекомые. То же. Фото Э. Н. Головановой.

21. У буланой совки ночью не видно «ушек», но с рассветом ее облик резко меняется. Смысл подобного превращения — сделаться как можно менее заметной. То же. Фото Э. Н. Головановой.

На местах гнездовой буланая совка появляется обычно в конце марта — начале апреля. Правда, в заповеднике «Тигровая балка» эти совки отмечаются и раньше, уже в конце февраля, а где-нибудь в районе Самарканда, как сообщает А. Н. Богданов,— много позже, по-видимому, лишь с 11—15 апреля.

О численности буланой совки на гнездовье можно судить по следующим данным. Учеты, проведенные Н. А. Рашкевичем в тугаях низовий Амударьи, показали, что на три километра маршрута встречается от 0,3 до 0,8 птицы; в «Тигровой балке», по свидетельству Р. Л. Потапова, на площади почти в сорок тысяч гектаров регулярно гнездится десять-двенадцать пар. А. Н. Сухинин, специально обследовавший Бадхызскую степь, расположенную в пограничных с Афганистаном районах, сумел выявить лишь два гнезда буланой совки, в то время как нашел здесь около пятидесяти гнезд домового сыча. Эти цифры еще раз доказывают, что буланая совка явно избегает пустынного ландшафта.

Значительный материал о жизни буланой совки удалось собрать А. М. Мамбетжумаеву. В пойме Амударьи в районе Бадайтугая за 1962—1963 годы им было осмотрено 31 жилое гнездо этой совы, причем 27 помещались в сорочьих постройках.

Охотно поселяется эта сова и в дуплах, скворечниках, норах береговых обрывов, во всевозможных щелях и нишах, которыми иногда изобилуют хозяйственные сооружения человека. Но оптимальные условия для гнездования совка находит все же в дуплах. Не случайно большинство ранних гнезд обнаруживается именно в них, и только недостаток последних заставляет птиц искать другие убежища, например сорочьи гнезда или норы.

Первые кладки буланой совки удается наблюдать уже в середине апреля, хотя обнаружение ненасиженных яиц этой совы в течение всего мая — обычное явление. Однако известны и более ранние сроки. Так, Н. А. Рашкевич 10 мая 1958 года в тугаях низовий Амударьи видел птенца буланой совки, выбравшегося на край сорочьего гнезда. Учитывая время, необходимое на насиживание яйца и рост совенка, можно предположить, что в данном случае кладка была закончена в первых числах апреля. А вот пример исключительно поздней кладки: в бассейне реки Зеравшан А. Н. Богданов наткнулся на совсем свежую ненасиженную кладку 15 июня! Но это, безусловно, не типичный случай.

Яйца буланой совки, как и у других сов, белые, округлые. Их размер колеблется в пределах 29—34X26—29 миллиметров, но обычно 31X27 миллиметров. Вес свеженесенного яйца около 12—13 граммов. За время насиживания он уменьшается более чем на грамм.

Полная кладка может содержать от 2 до 6 яиц, хотя чаще их бывает 4—5. Данные о ритме откладки яиц противоречивы. По сведениям Р. Л. Потапова, в «Тигровой балке» самки несут в ночь по яйцу. Однако, как показали последние наблюдения, проведенные в низовьях Зеравшана С. Бакаевым, совки откладывают яйца через 48 часов.

Насиживает кладку исключительно самка. Самец же регулярно кормит ее. Вообще буланные совки производят впечатление очень дружных птиц. Самец неизменно внимателен к самке и редко отлучается от гнезда. Даже охотящихся самца и самку удается видеть вместе.

Обычно самка приступает к насиживанию после откладки первого яйца. Но нередко систематическое обогревание начинается лишь тогда, когда в гнезде оказывается уже два-три яйца. Как и многие другие совы, буланая совка насиживает кладку очень плотно и порой позволяет брать из-под себя яйца. Продолжительность насиживания, по данным С. Бакаева, 21—22 суток, считая с момента откладки последнего яйца. В день вылупления пуховичок весит 8,5—10,5 грамма и внешне мало отличается от птенцов других совок. На третью ночь у него приоткрываются глаза. В семидневном возрасте пробиваются пеньки будущих первостепенных маховых перьев. Еще через двое суток появляются рулевые перья. А на 28—30-ю ночь молодая совка уже покидает гнездо. К этому времени первоначальный вес птенца удесятерится. Массовый вылет птенцов приходится обычно на конец июня — начало июля.

Кормят птенцов оба родителя. Пища буланой совки — это различные жуки, сверчки, медведки, кузнечики. Однако буланая совка, по-видимому, много чаще, чем сплюшка, охотится и на мелких млекопитающих и птиц. В низовьях Сырдарьи у гнезд этих совок, помимо насекомых, Е. П. Спангенберг и Г. А. Фейгин неоднократно находили перья небольших воробьиных птиц, остатки летучих мышей и грызунов — домовых мышей, молодых тамарисковых песчанок и т. п. Ловит буланая совка и мелких ящурок.

Все лето молодые птицы держатся поблизости от места рождения в глухих

кишлачных садах и тугаях. С сентября начинается постепенный отлет, а к середине октября большинство буланных совок уже покидает родину. Ведут себя птицы при этом тихо и незаметно, не так, как весной.

ФИЛИНЫ — BUBO

К этому роду относятся наиболее крупные совы, обликом напоминающие совок, только гигантских размеров. Как и для совок, для филинов характерен умеренно развитый лицевой диск, большие выразительные глаза с ярко окрашенной роговицей и приметные перьевые ушки на голове. Правда, в отличие от совок ушки филинов направлены скорее в стороны, чем вверх.

Крылья у филинов длинные и широкие, позволяющие им во время полета периодически переходить на скольжение и даже парение. Особенно мощны у филинов ноги. Они почти полностью оперены. Обращают на себя внимание также очень сильные пальцы, вооруженные загнутыми книзу острыми когтями. В большинстве своем филины ведут оседлый образ жизни, совершая лишь иногда вынужденные незначительные кочевки.

Группа эта объединяет 12 видов, подчас распространенных весьма широко. Так, американский филин (*B. virginianus*) практически заселяет всю Северную и Южную Америку, в Центральной и Южной Африке обитают другие два вида филинов (*B. africanus* и *B. lacteus*), в Индии и Индокитае живут *B. nipalensis* и *B. coromandus*. В Советском Союзе гнездится лишь один представитель этого рода — обыкновенный филин. Он встречается во всей Евразии, исключая крайний север материка, а также в Северной Африке.

Филин — *Bubo bubo*. Если считать сов красивыми, то самая прекрасная из них, безусловно,— филин. Вызывают уважение и размеры филина. Это сова с размахом крыльев почти в два метра и весом около трех килограммов. Яйцо филина весит 75—80 граммов — столько же, сколько взрослая уссурийская совка.

В каких только ландшафтах не встречается филин! Трудно даже представить такое место, в котором бы при наличии корма эта птица не могла существовать. С почти одинаковым успехом она выводит потомство в лесах, степях и пустынях, обитает в низинах и на высоте до пяти тысяч метров над уровнем моря. При этом филин обычно ведет себя так, как того требует обстановка. Подмечено, например, что в закрытом ландшафте он охотится, в основном подкарауливая жертву, и является сугубо ночной совой. В степи же часто вылетает на кормежку еще до захода солнца, совершая поисковые полеты. Иными словами, филин достаточно пластичен и легко приспосабливается к разным условиям. Лишь культурный ландшафт не удается пока освоить филину. К сожалению, до сих пор получается так, что там, где появляются люди, исчезает эта замечательная птица. И в том, что все меньше у нас остается мест, где по ночам можно услышать ее уханье, повинен сам человек.

Голос филина — одно из чудес ночи. По силе, глубине и производимому им в ночном лесу впечатлению нет равного ему звука. Соперничать с филином в этом отношении могут разве что рыбные совы. Однако их песни и крики более однообразны.

Чаще всего, особенно весной, приходится слышать призывный крик самца филина. Это мощный, низкий, постепенно затухающий звук, с ударением на второй его части — что-то вроде глухо произносимого «бу-у» или «гуу-уу»,— длящийся («висящий в воздухе») около 2 секунд. Призывный сигнал с интервалом в 5—7 секунд обычно повторяется несколько раз. В разгар тока, например в Ленинградской области,

в марте-апреле филины, не переставая, кричат по 30—50 и более минут, а после непродолжительной паузы вновь подают голос. Многократно воспроизводимый призывный крик — это по сути дела весенняя песня филина.

Призывный крик самки ниже тоном, более продолжителен и по структуре односложен. С большого расстояния ее «уууух» воспринимается, как монотонный гудок или глухое мычание. Самка кричит значительно реже самца. Кричат филины чаще сидя, однако могут подавать голос и во время полета.

В разгар брачного возбуждения переключка самца и самки перерастает в песню-дуэт. При этом призывные крики чередуются, а интервалы между отдельными возгласами партнеров все сокращаются и после семи-восьми повторений звуки сливаются в единый мощный гул, который переходит в необычный для других сов раскатистый хохот. Эта последняя часть песни очень похожа на весенний крик серебристой чайки или самца белой куропатки. Как и у чаек, хохот филина, возникнув, постепенно затухает. Превосходная запись песни-дуэта филина, переходящей в хохот, приводится на грамофонной пластинке «Совы Европы», выпущенной доктором Кенигом в ФРГ.

Немецкий орнитолог Роберт Мерц в своей книге «Филин», изданной в Лейпциге в 1953 году, отмечает у него по крайней мере восемь различных голосовых реакций. Из них понятен смысл пока лишь некоторых. Так, вылетая на охоту, филин часто оглашает окрестности зычным гудением. Этот звук по характеру очень похож на первую половину призывного крика. Можно предположить, что звуковой сигнал в данном случае передает информацию одного из членов пары другому о направлении полета за кормом. Этот же сигнал предупреждает птенцов об опасности, и, услышав его, птенцы на какое-то время замирают. Его же иногда издает взрослая птица в качестве вступительного аккорда перед началом пения. Смысл этого сигнала вопрошающе-предостерегающий. Таким образом, видовой призывный крик филина имеет полифункциональное значение.

Сильно обеспокоенный филин произносит хриплое «аи» или «аак», по звучанию напоминающее крик цапли или «лай» длиннохвостой неясыти, но тише и глуше. Предупреждая птенцов о грозящей опасности, родители не пытаются сами остаться незамеченными.

22. Филин (*Bubo bubo*), несомненно, одна из самых красивых сов мира. Особенно великолепные представители вида, большие и почти белые, обитают в Западной Сибири. Барабинская низменность, июль 1962 г.

23. Врагов у филина, кроме человека, практически нет. Этой крупной сове достаточно несколько раз предостерегающе щелкнуть клювом и, не мигая, посмотреть на противника, как тот обходит ее стороной. То же.

24. Стремясь напугать, филин принимает своеобразную позу угрозы, при которой размеры его увеличиваются почти вдвое. То же.

25. Гнездится филин, как правило, на земле. Наиболее охотно он занимает всевозможные ниши в береговых обрывах. Саратовская область, май 1965 г. Фото Э. Н. Головановой.

26. В гнезде птенцы филина находятся около месяца, а затем разбредаются. Однако способность к сколько-нибудь уверенному полету они приобретают не раньше, чем через 90—100 суток. То же. Фото Э. Н. Головановой.

27. Как и у птенцов совок, промежуточный наряд филинят несет следы поперечного рисунка, совершенно не характерного для взрослых особей. Но тем не менее птенца филина сразу же узнаешь — столь мощных лап нет ни у одной совы. То же, Фото Э. Н. Головановой.

Своеобразное куриное кудактанье слышится при передаче корма самке самцом. Похожий, но более грубый звук «гре-гре-гре» иногда издает самка во время кормления птенцов.

Проголодавшиеся филинята выкрикивают что-то вроде «чииб». А в момент подлета родителей с добычей к гнезду из глоток птенцов вырывается скороговорка: «ука-ука-ука...». Смысл первого звука — указание родителям местонахождения птенца, второго — реакция выпрашивания корма и выражение пищевого возбуждения. Кстати, голоса у филинят из одного выводка часто оказываются разными по силе и тону, что, возможно, связано с полом совят.

Издает филин и другие звуки. Но о них писать так же сложно, как об оттенках цвета или запахах. Их надо демонстрировать. Крики филина иногда воздействуют не только на птиц, но и на зверей. Так, С. И. Огнев и К. А. Воробьев, изучая в 1924 году фауну Воронежской области, подметили, что когда им в Хреновском бору приходилось слышать по вечерам крик филина, то часто в ответ на него где-нибудь в лесной чащобе раздавался и заунывный волчий вой. В Ленинградском зоопарке нас также неоднократно поражало, что стоит закричать филину, как ему тут же вторят волки, шакалы и другие звери, и внезапно Возникает хор из весьма колоритных голосов.

Наиболее регулярно брачные крики птиц, уже объединившихся в семьи, раздаются весной. Кричат взрослые птицы и летом, в июне, когда происходит подъем молодых на крыло. Осенью же, начиная с сентября и до ноября включительно, в период формирования пар, почти постоянно слышатся призывные крики молодых. Ток этих

птиц не приостанавливается даже при сорокаградусном морозе, который нередок в это время, например, на севере Якутии. Осеннее токование в отличие от весеннего, хотя и захватывает продолжительный период, проходит заметно менее интенсивно.

Гнездо филин устраивает, как правило, на земле в каком-нибудь укрытии. В лесу им могут оказаться ветви развесистой ели, касающиеся земли, в тени которых и выводятся птенцы. На Памиро-Алае, по наблюдениям А. И. Иванова, филин предпочитает селиться на лессовых или конгломератовых обрывах, изобилующих промоинами, нишами, карнизами. В дельте Волги Г. А. Кривоносов отмечал поселение филина в вертикальных норах-ямах, вырытых на буграх. Под Ашхабадом, в равнинной и полупустынной местности, он нередко гнездится в развалинах старинных крепостей. Основные места обитания филина в Гурьевской области Казахстана, как свидетельствует Г. К. Солецкий,— надгробные постройки старых кладбищ на равнине и пещеры в горных ущельях. В пустынях Туркмении А. Я. Тугаринов чаще всего обнаруживал гнезда этой птицы под прикрытием выходов скал, реже — в саксауловом лесу.

Однако, если возможно, филин все же выбирает ниши и полупещеры, расположенные на крутых склонах оврагов и балок, отвесных берегах рек и т. п. Именно этим во многом объясняется приуроченность филина к рекам и озерам, что особенно заметно на севере тайги, например в бассейне Вилюя в Якутии и в ряде других районов.

Поселяясь на берегах или сопках, филины, на что указывает В. П. Теплов, предпочитают склоны южной экспозиции, которые первыми освобождаются от снега. Это четко прослеживается в Печоро-Ильчском заповеднике. Для птиц, размножающихся в ранние сроки, наличие таких мест имеет большое значение. Однако могут быть и исключения из правила. Почему-то далеко не всегда на южных склонах селятся филины, например, в Якутии.

В дуплах филин гнездится очень редко скорее всего потому, что удобных и достаточно вместительных для него дупел не так-то много. Иногда филин устраивает гнездо и совсем открыто. Такие гнезда находил В. Н. Шнитников в песках Прибалхашья, где яйца были отложены в небольшую ямку возле одинокого хилого деревца.

Сравнительно редко кладка филина помещается в гнезде какой-нибудь хищной птицы на дереве. Это наблюдалось, например, А. В. Федюшиным и М. С. Долбиком в заболоченных пинских лесах Белоруссии. Здесь филин использовал старое гнездо подорлика. О случае поселения филина на огромном кедре в брошенном гнезде орлана-белохвоста на берегу Волосницкой старицы в Печоро-Ильчском заповеднике сообщает В. П. Теплов. А однажды С. В. Кириковым яйцо филина было найдено на дощатом настиле для ульев, сооруженном на дереве.

К кладке самка приступает довольно рано, и в большинстве районов Советского Союза, как правило, уже в первой декаде апреля идет интенсивное насиживание. В благоприятные по кормовому режиму годы птицы начинают размножение раньше, в голодные — позже. Обычно кладка содержит 2—3, реже 3—4, а иногда и 5 яиц. Яйца округлые, белые, с характерной грубозернистой, шероховатой скорлупой, которая по мере насиживания становится более гладкой. Размеры яиц у разных подвидов и даже в одной кладке заметно варьируют. Так, у сибирских птиц яйца нередко достигают 59X50 миллиметров. Средний же размер яиц филинов в Европе 57X45 миллиметров.

Насиживает кладку самка. На это у нее уходит 33—35 суток. Яйца филин несет

со значительными перерывами, судя по тому, что птенцы порой вылупляются с интервалами в трое-четверо и даже более суток. Вес однодневных птенцов обычно не превышает 60—63 граммов.

Из-за разницы в сроках вылупления очень заметны и различия в росте и развитии птенцов, особенно в течение первого месяца. Старший птенец может быть почти в пять раз тяжелее младшего. Так, О. В. Егоров и Ю. В. Лабутин в Якутии нашли в одном гнезде птенцов, весящих 130 и 640 граммов. К моменту же вылета из гнезда эти филинята оказались примерно одинаковыми (1830 и 1850 граммов), а позднее, в неволе, младший птенец обогнал по весу старшего.

В гнезде филинята пребывают около месяца, после чего, не умея еще летать, разбредаются поодиночке и при возможности перебираются с земли на ветки деревьев. К этому времени из белых пуховых комочков они превращаются в лохматых и длинноногих недорослей, одетых в неопределенного цвета, на вид грязноватый промежуточный наряд из пуховидных перьев, сквозь который во многих местах уже начинает пробиваться юношеское перо. Интересно, что у филинят, как и у птенцов совок, промежуточный наряд часто тоже поперечнополосатый. В двухмесячном возрасте птенцы уже в состоянии перепархивать, а в трехмесячном они хорошо летают.

Имеются данные, что с подъемом на крыло птенцов выводок филина якобы распадается и молодые птицы приступают к самостоятельной жизни. Однако нам это кажется маловероятным. Трехмесячные филинята выглядят еще довольно беспомощными и невозможно предположить, что они уже могут прокормить себя.

Питание филина привлекало внимание с давних пор, ибо человек привык рассматривать филина как конкурента в использовании ресурсов природы. Вопрос: «Вредная ли птица филин?» — ставился стократно. Предвзятое отношение к этой сове особенно было заметно в старое время. Так, Э. А. Эверсман, характеризуя трофические связи филина, указывал в 1866 году, что питается он зайцами, разными грызунами, молодыми северными оленями и дикими козами. А. А. Силантьев и Н. А. Холодковский в монументальной книге «Птицы России», вышедшей в 1901 году, отмечали, что жертвами филина являются зайцы, кролики, глухари, тетерева, рябчики, куропатки, утки, гуси, дневные хищные птицы, вороны, совы; мыши и крысы — любимая пища; поедает филин даже ежей. Примечательно, что перечень начат не с наиболее обычной для филина добычи — мышей и крыс, а с видов, представляющих определенный интерес для людей. С узкоутилитарных позиций оценивалось значение филина и позже. Даже в руководстве «Полезные в сельском хозяйстве птицы и защита их», выпущенном в 1932 году, право филина на существование ставилось под сомнение. А спустя два года П. Б. Юргенсон в книге «Биологические основы дичеразведения» отнес филина к «безусловно вредным» птицам.

Сейчас это может показаться странным, но долгое время почему-то игнорировалось, что животное, столь широко распространенное, как филин, если даже и приносит вред в какой-то местности, то в другом районе может быть не только безвредным или терпимым, но даже весьма полезным. На необходимость помнить об этом указывал еще А. Н. Формозов. Поэтому, чтобы выносить окончательный приговор любому животному, надо знать численное соотношение жертвы и хищника, а также изучить роль хищника как фактора естественного отбора. Последствия легкомысленной оценки роли филина сегодня достаточно очевидны. Там, где это оказалось возможным, филина уничтожили. Выжил он по существу лишь в местах, особенно мало посещаемых людьми.

Что же мы знаем сегодня о питании филина там, где он еще сохранился? Филин, действительно, в состоянии добывать млекопитающих и птиц размером с зайца и глухаря. Он промышляет также различных пресмыкающихся, земноводных и даже рыбу. Правда, последняя в его когти попадает нечасто и, по данным В. П. Теплова, например, в Печоро-Илычском заповеднике рыба составляет в его пище всего 0,4 процента. О том, что филин изредка кормится рыбой в степной зоне, сообщает Л. А. Портенко. И известно лишь, что в верховьях Лены, на перекатах Пеледуя, филины выхватывают ленков из воды более или менее систематически.

Анализируя питание филина в целом, можно констатировать, что чаще всего ему достаются мелкие млекопитающие, затем птицы. Однако рацион этой совы может сильно изменяться в зависимости от ситуации и условий местности, сезона и особенностей года. Так, по данным Н. П. Миронова, который проанализировал 329 остатков добычи филина, оказалось, что в полупустынях Прикаспия в гнездовой сезон пищу этой совы составляют в первую очередь слепушонки и песчанки, затем полевки и тушканчики и, наконец, суслики, зайцы, домовая мышь и хомяки. Кроме того, им были найдены остатки шестнадцати экземпляров ушастого ежа и пятнадцати птиц, среди которых были утки, кулики и др. Сходные результаты для этого же района были получены и другими исследователями. Но, как указывает В. С. Залетаев, филины, живущие по соседству, а именно на восточном побережье Каспия, в отличие от своих «пустынных» сородичей в течение почти круглого года питаются в основном не мелкими зверьками, а птицами и ежами. Они нередко добывают хохлатую чернеть, чирка-свистунка, гоголя, крякву, камышницу и других птиц, места обитания которых связаны с водой. Из воробьиных птиц филин чаще всего поедает жаворонков. На юго-восточном Каспии и в дельте Волги среди пищевых остатков филина нередко встречаются лысуха. В горных районах Закаспия эта сова на протяжении всего года усиленно преследует сеноставок, кекликов, клушиц, голубей и, как сообщил Н. А. Зарудный еще в конце прошлого века, якобы нападает даже на молодых горных козлов.

Совсем иной набор кормов филина в степях Саратовской области. По наблюдениям Э. Н. Головановой, в добыче, доставляемой птенцам, здесь явно преобладал хомяк. Иногда эти совы приносили малых сусликов, причем часто вместе с капканами, если охотники почему-либо с вечера не проверили свои ловушки. А если перенесемся мысленно на север, то увидим, что у филинов с реки Пеледуй пища одной семьи состоит главным образом из лесных полевок (38 процентов) и водяных крыс (33,8), а затем рыбы (около 10), зайцев-беляков (6,1) и белок (1,5 процента). Однако замечено, что даже незначительное увеличение площади лугов на охотничьих участках филина приводит к преобладанию в трофеях луговых животных. По мнению О. В. Егорова, это говорит о том, что оптимальные условия для охоты филин находит в открытом ландшафте.

Судя по материалам, собранным Г. Н. Севастьяновым в Карпогорском лесхозе Архангельской области, обитающие там филины — явные мышееды. Среди остатков их трапез чаще всего встречались полевка-экономка, пашенная и водяная полевки, редко белка, тетеревиные птицы. При этом в одной из погадок вместе с остатками рябчика была найдена петля, то есть рябчик, очевидно, достался филину не без помощи человека.

В Печоро-Илычском заповеднике В. П. Тепловым было проанализировано 225 данных по питанию филина. В двух третях случаев эта сова добывала млекопитающих — зайца-беляка, белку и водяную полевку. В одной трети случаев жертвами становились птицы — куриные и утки. В этом же заповеднике С. С. Донауров осенью наблюдал, как два филина сидели днем на камнях у реки, подстерегая семгу. Тут же за

рыбой охотились и орланы-белохвосты.

На южной оконечности Урала, как отмечает С. В. Кириков, основу пищи филина в большинстве случаев составляют хомячки и степные пищухи, но в желудках филинов находили также полевок и кузнециков. Интересные сведения по питанию филина на восточном Памире сообщают И. М. Громов и О. В. Егоров. Здесь, на высоте около четырех тысяч метров, в нишах-пещерах недалеко от озера Рангкуль обитало несколько пар филина. Их охотничьими угодами были, во-первых, берег озера, где они промышляли уток и куликов, и, во-вторых, пологие склоны, покрытые редкой растительностью, где филины добывали зайца-толая, тибетскую саджу, монгольского зуйка, жаворонков и разных мышевидных грызунов. В скалах и осыпях по соседству вылавливали пищуху и серого хомячка. Анализ погадок из пещер показал, что филины охотились поблизости от своих гнезд. В целом здесь на долю млекопитающих пришлось 98,7 процента, из которых 96,2 процента составляли мышевидные грызуны! Невольно поражает чрезвычайно низкий процент птиц — 1,2. Хотя в долине птиц было немало, они в сравнительно значительном количестве добывались лишь у озера Рангкуль.

В горах Тянь-Шаня филин часто гнездится рядом с колониями галок и голубей, где обычной, если не основной, пищей филинят оказываются птенцы этих птиц. Сходную картину, как сообщает Е. Л. Шестоперов, можно наблюдать и на обрывах вдоль реки Или. Зимой же в этих местах филин нередко переключается на песчанок и зайцев. На Александровском хребте, по свидетельству Е. П. Спангенберга и Г. П. Дементьева, филины якобы обитают в основном там, где особенно много зайца-толая. В годы массового размножения толая численность филина здесь заметно увеличивается. Аналогичная связь между филином и зайцем-беляком прослежена А. Н. Формозовым в Горьковской области.

О питании филина в наиболее освоенных человеком районах можно судить, например, по материалам из Молдавии, где орнитологам удалось проанализировать несколько тысяч остатков его жертв, собранных в период с 1960 по 1966 год. Среди них на первом месте оказалась серая крыса, второе место занял крапчатый суслик. На долю двух этих, действительно вредных, животных пришлось около шестидесяти процентов. Молодые лисицы, куница, зайцы и птицы (перепел, три вида врановых, голуби, утки) попадались в лапы филина очень редко.

Наконец, последний пример. Он относится к южной и средней полосе Армянской ССР. Здесь, по наблюдениям Т. М. Соснихиной, пищу филина составляют 54 вида животных. Всех их перечислить нет возможности. Укажем лишь, что филины добывают полезных животных в 5,5 процента случаев; индифферентных или тех, роль которых неясна, — в 11, и вредных для сельского хозяйства — в 83,5 процента случаев! Приведенные материалы показывают, насколько надо быть осторожным при оценке значения хищников и в данном случае филина.

Способность использовать широкий ассортимент кормов позволяет филину не только заселять самые разнообразные станции, но и вести оседлый образ жизни. Так, по сообщению А. А. Золотарева, на реке Хопер филины выводили птенцов сорок один год подряд в одном и том же гнезде. Интересно, что около этого гнезда старых филинов можно было встретить в любое время года. Даже севернее Верхоянска эта сова, по-видимому, живет оседло.

Однако натуралистам хорошо известны и такие факты, когда филины, особенно осенью или в начале зимы, вдруг появляются там, где до этого их наверняка не было.

Так, Е. П. Спангенберг упоминает, что на Дальнем Востоке, в бассейне реки Иман, с выпадением снега филина нередко можно встретить у селения сидящим на стоге или телеграфном столбе. С. С. Фолитарек и Г. П. Дементьев на Алтае наблюдали откочевку филинов с гор к берегам Телецкого озера. А на Памире А. И. Иванов наряду с фактами оседлого пребывания этих птиц в течение всего года в очень суровых условиях высокогорья отмечал и перемещение некоторых особей в долины. В сентябре-октябре филины почти ежегодно появляются в Тиманской тундре, где нередко остаются на зиму. При этом им приходится лететь из тайги не на юг, а на север. Количество подобных примеров можно было бы увеличить.

Мы убеждены, что в большинстве случаев склонность к перемещениям присуща молодым, ранее не размножавшимся филинам, находящимся в стадии расселения. Как это характерно для многих так называемых оседлых птиц, и у филина наименее подвержены кочевкам старые птицы. Именно на их охрану в первую очередь и должны быть направлены усилия людей, которым дорога эта птица.

Сейчас уничтожение филина запрещено почти повсеместно. Ушли в прошлое и ловля его сетями с подманиванием на белую курицу, и отстрел, и многие другие способы охоты, повлекшие за собой угрожающее сокращение численности этой птицы. Как принятые меры отразятся на благополучии филинов, покажет время.

РЫБНЫЕ СОВЫ — КЕТУРА

Внешним обликом и размером рыбные совы напоминают настоящих филинов. Отличают их несколько слабее развитый лицевой диск и сравнительно жесткое и более однотонное оперение. Перьевые ушки рыбных сов кажутся лохматыми и направлены в стороны. Маховые перья заострены и без рассученных наружных опахал, отчего полет этих птиц далеко не бесшумный. Но лучше всего рыбных сов от филинов отличает строение лапы. Она приспособлена для схватывания и удержания рыбы. Цевка частично или полностью лишена перьев, пальцы снизу и боков покрыты острыми мелкими шипиками, а сильно изогнутые когти имеют один режущий край, в то время как у филинов их два. Таким образом, лапа рыбной совы в некоторой степени сходна с лапой скопы. И это понятно. Если филину для удержания и закалывания жертвы необходимо нанести ей серьезные раны, то основная задача при охоте за рыбой — как можно глубже вонзить когти, чтобы скользкая добыча не вывернулась из лап.

Род рыбных сов объединяет 4 вида: *K. ketupa*, *K. zeylonensis*, *K. flavipes* и *K. blakistoni*. Все это — птицы южных широт. Большинство из них обитает в Южной и Восточной Азии, включая примыкающие океанические острова. В Советском Союзе может быть встречен только последний вид.

Рыбный филин — *Ketupa blakistoni*. Это — редчайшая сова в нашей стране. Ее жизнь начали изучать всего лишь несколько лет назад.

Поэтому и сейчас у обитающей у нас формы еще не описаны кладка, птенцовые наряды, не выяснены сроки насиживания и многое другое.

В пределах нашей родины рыбный филин гнездится лишь на наиболее богатых рыбой реках Дальнего Востока. Он встречается от побережья Охотского моря до Магадана, в бассейне Амура и Усури, на юге Приморского края, а также на реках островов Сахалин и Кунашир. За рубежами СССР обитает в Японии и северо-восточном Китае.

Рыбный филин — крупная, склонная к ожирению сова. Препарировавший этих

птиц на острове Кунашир В. А. Нечаев осенью сталкивался с экземплярами, на брюхе которых слой жира достигал полутора сантиметров. Кроме того, жировые отложения располагались по бокам тела, на груди и шее, поясице и крестце. Осенью жиром заплывают почти все внутренние органы. В это время года взрослый самец может весить до 3400 граммов, а самка — до 4100 граммов. Размах крыльев этих птиц 184—188 сантиметров. Окраска оперения в целом напоминает таковую у обыкновенного филина. Клюв и голые части ног отливают синевой. Радужина глаз у птиц, которых нам приходилось видеть, неярко-желтая. У годовалых особей она может быть даже ярче, нежели у старых. На затылке многих рыбных филинов часто светится несколько белых перьев, особенно хорошо заметных у особей, попавших под дождь и промокших. Эти белые отметины имеются как у молодых, так и у старых птиц. Они могут быть и у самцов, и у самок. Примечательно, что у обитающих в Западной Африке некоторых особей филина *Bubo shelleyi* на затылке также имеется по нескольку белых перьев.

С рыбным филином мы многократно сталкивались в 1968—1976 годах в период работы в Приморье. Поэтому, рассказывая о жизни этой птицы, приведем в основном собственные материалы, которые были собраны во время обследования бассейна реки Бикин (приток Уссури) — от низовий до устья Зевы. Здесь, на участке протяженностью около трехсот пятидесяти километров, обитало примерно тридцать пар рыбного филина. Таким образом, одна пара в среднем встречалась через каждые десять-двенадцать километров. Далее трехсот метров от берега реки рыбных филинов мы не видели.

Охотнее всего рыбный филин селится на участках реки поблизости от впадения в нее притоков. К этим же местам обычно приурочено большинство «заливов» — ключевых проток с тихой, прозрачной водой. Так, например, уже долгие годы эти совы живут в устьях Чантофу, Олонки, Дунгузы, Метохезы, где русло Бикина разбито на несколько рукавов, а многочисленные протоки делят пойменные кедрово-широколиственные леса на бесчисленные острова.

Рыбный филин на Бикине — оседлая птица. Раз избранный участок он занимает, вероятно, пожизненно и держится на нем и летом, и зимой. Сколько-нибудь заметных кочевков птиц мы не наблюдали. Лишь в исключительно суровые зимы, когда почти полностью замерзает река, они слетаются к ближайшим порогам и ключам, где у отдельных полыней можно встретить одновременно до шести особей. Именно в такие годы отмечается и повышенная смертность птиц, они замерзают прямо на льду. В особенно трудные зимы, в частности зимой 1968/69 года, местные жители кордона Ганцанза видели рыбных филинов у построек, где птицы пытались найти корм на помойках.

Об оседлости рыбного филина говорят и другие факты. Известно несколько случаев, когда после отстрела или нелепой гибели в капкане, установленном охотником на норку или выдру, одной птицы вторая из пары не покидала гнездового участка. Эти привязанные к месту одинокие птицы, как правило, все же находили себе пару и размножались в последующем тут же. Прилетевшая со стороны особь, скорее всего, оказывалась молодой, подыскивающей себе место постоянного жительства.

Что представляет собой гнездовой участок рыбного филина? В качестве примера опишем участок, расположенный на Бикине в шести километрах от села Олон. В этом месте река, огибая Олонскую сопку, сливается в одно русло и вскоре вновь расходится на три рукава, ширина которых от 75 до 200 метров и скорость течения два-три метра в секунду. Рукава в свою очередь, зайдя в пойменный лес, выше и ниже Олонской сопки делятся на множество мелких проток. Таким образом, пойма разбивается на сотни

небольших островов. Последние покрыты многоярусным кедрово-широколиственным лесом. На расстоянии одного-двух километров в стороны от реки он постепенно переходит в сырой темнохвойный древостой, который, заболачиваясь все сильнее и сильнее, сменяется листовенничной марью — верховым багульниковым болотом. Обычно мелкие протоки ранней весной, когда гнездится рыбный филин, имеют слабое течение или же вообще стоячую воду. Те, что питаются ключами, зимой, как правило, не замерзают.

В районе гнездового участка под Олонской сопкой в Бикин впадает речка Олонка протяженностью около восьми километров. Берега в устье Олонки также разбиты на заливаемые при летних паводках острова. Часть их сильно заболочена, другая покрыта девственным широколиственным лесом из вековых ильмов, тополей, ясеней, амурского бархата. Нижний ярус древостоя представлен преимущественно черемухами, амурской сиренью и другими низкорослыми деревьями и кустарниками, под которыми расстилается богатое пойменное разнотравье, местами вытесняемое сплошными зарослями папоротников. Большинство протоков, особенно их устья, забиты упавшими деревьями и плавником, практически непроходимы для лодок и по этой причине редко посещаются человеком, исключая зимний период промысла. Для всех водных артерий характерны галечные косы и мелкие перекаты. Найденное в этом районе гнездо рыбного филина находилось в ста метрах от основного русла Бикина и в восьмидесяти метрах от одной из его протоков. Описываемый гнездовой участок в целом оказался весьма сходен с местом обитания рыбного филина на реке Иман, где этих птиц наблюдал Е. П. Спангенберг.

Нам удалось собрать сведения еще о пяти случаях гнездования рыбного филина на реке Бикин. Интересно, что все гнезда, включая и то, которое встречено нами возле Олонской сопки, располагались на деревьях (три — на ильмах, три — на тополях) на высоте от шести до восемнадцати метров. Птицы, как правило, занимали естественные дупла и лишь один раз расположились открыто в разросшейся развилке старого тополя. Диаметр гнездовых дупел обычно около полуметра, высота от 65 до 200 сантиметров, максимальная глубина лотка по отношению к краю дупла 45 сантиметров. За пределами Советского Союза, помимо гнездования в дуплах, известны факты обитания рыбного филина в нишах скал и на карнизах над бурными потоками, в старых гнездах орланов и грифов.

Рыбный филин — моногам. Пары образуются, видимо, к концу второго года жизни и сохраняются на последующие сезоны. Однако к размножению молодые птицы, вероятно, приступают лишь на третий год. Наиболее активное токование птиц, готовых к выведению потомства, как показали опросные данные, приходится на вторую половину февраля. В гнездах, которые мы осмотрели на реке Бикин, в начале мая уже находились птенцы в возрасте около месяца. Это говорит о том, что здесь рыбный филин приступает к откладке яиц в первых числах марта. Кладка в два яйца, по-видимому, должна считаться полной, хотя не исключается возможность и большего числа яиц. Их насиживает самка и, судя по наблюдениям японского орнитолога Яхейна Нагаты, на это у нее уходит около 35 суток.

О размере выводков известно следующее. В гнезде, найденном нами под Олонской сопкой, по крайней мере в течение трех лет подряд рыбные филины выводили по два птенца в год. В 1971 году на Бикине, в устье Чантофу, Ю. Б. Шибнев отыскал гнездо, в котором был один птенец. По свидетельству же охотников-удэгейцев, в двух известных им гнездах было по два птенца, и в двух — по одному. Кроме того, встреченные нами четыре выводка содержали по два птенца одного возраста. Правда, наблюдавший рыбных филинов в этих же местах десятью годами раньше Б. К. Шибнев

определил среднюю величину выводка в две-три особи. Можно думать, что уменьшение числа птенцов связано с сокращением рыбных запасов Бикина, на которое указывают почти все местные жители.

Гнездовой период у рыбного филина продолжается до конца мая. Птенцы, за которыми мы вели наблюдения, покидали дупло примерно в двухмесячном возрасте. Однако еще полтора месяца они летали неуверенно и продолжали держаться в непосредственной близости от гнездового дерева. Лишь по истечении этого срока птенцы начали заметно перемещаться в поисках более кормных мест, но радиус их действия все же не превышал одного километра.

28. Вот в таких местах в Приморье, а в пойме реки Бикин, обитает редчайшая сова Советского Союза — рыбный филин (*Ketupa blakistoni*). Река Бикин на участке Красный Яр — Верхний Перевал, апрель 1971 г.

29. Размером и обликом рыбный филин напоминает обыкновенного. Однако в природе спутать этих сов трудно — голос и повадки у них разные. То же.

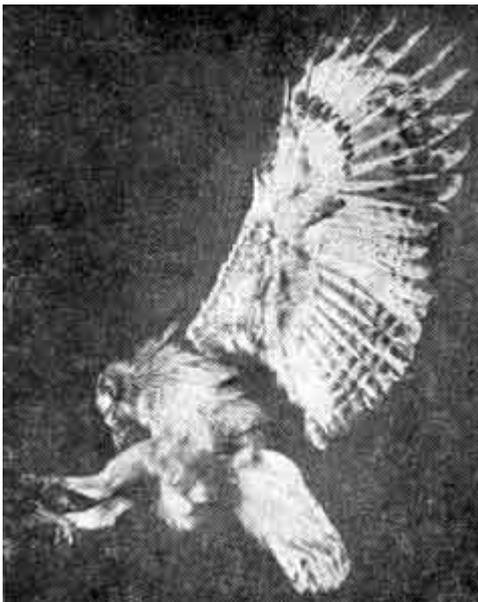
30. В пойменном лесу, в дупле полуусохшего ильма, в 1971 году нам посчастливилось обнаружить птенцов рыбного филина. То была первая официальная находка его гнезда на территории Советского Союза. Там же, 8 мая 1971 г.

31. Поблизости от гнезда рыбного филина в местах отдыха взрослых птиц, на галечных отмелях или поваленных деревьях, нередко можно найти погадки — кучки непереваренных рыбьих и лягушачьих костей. То же.

32. Это выводок рыбного филина.. Птенцам уже около месяца. Старший из них уверенно удерживает когтистой лапой почти килограммовую амурскую щуку, пойманную родителями а тихой заводи Бикина. То же.

33. Рыбного филина можно отличить от обыкновенного даже в полете: если обыкновенный, как и большинство сов, летает бесшумно, то мощные взмахи крыльев рыбного филина слышны за десятки, метров. То же.

34. Отличается рыбный филин от обыкновенного и строением лап: его пальцы лишены оперения, а с нижней стороны покрыты шероховатыми бугорками, способствующими удержанию скользкой рыбы. То же.

35. Почти весь день птенцы рыбного филина дремлют, но стоит солнцу коснуться сопок, как совята оживляются. И тут же с первой добычей у гнезда появляется взрослая птица. То же.

36. В конце мая, в возрасте около двух месяцев, птенцы рыбного филина покидают гнездо. Там же, 28 мая 1971 г.

37. Этому птенцу рыбного филина исполнилось два с половиной месяца. Он не в состоянии еще «рыбачить» и, проголодавшись, громко свистит. Ориентируясь на его голос, родители находят и кормят совенка. Там же, середина июня 1971 г.

38. В случае опасности рыбный филин принимает позу угрозы, которая хотя и производит должное впечатление, все же не столь эффектна, как у обыкновенного филина. Там же, конец июня 1971 г.

39. Если враг невелик, рыбный филин слегка ссутуливается, щелкает клювом, шипит и «гипнотизирует» его немигающим взглядом. Там же, начало июля 1971 г.

Способность самостоятельно добывать необходимое количество пищи приходит к молодым нескоро. Все лето, осень и, видимо, зиму их подкармливают взрослые птицы. Именно зимой, как сообщают охотники, особенно часто можно слышать требовательный свист — призывный крик молодых птиц. Даже в мае, в период, когда у

взрослых птиц подрастает уже следующий выводок, прошлогодние молодые нередко наведываются к гнезду своих родителей, активно выпрашивая пищу. Нам доводилось наблюдать одновременное кормление взрослыми птицами двух гнездовых птенцов и двух однолетних из прошлогоднего выводка.

Изучая питание птенцов, мы провели у гнезда двадцать ночей. Из укрытия, расположенного на расстоянии не более десяти метров, на фото пленку нами зафиксировано 242 прилета взрослых птиц с кормом. Эти фотоснимки, а также наблюдения позволили установить, что 154 раза птенцам доставлялись земноводные, чаще лягушки, реже жабы или углозубы (хвостатые земноводные, внешне сходные с тритонами), 36 раз — рыба (щука, чебак, ленок, налим, голянь), 7 раз — лесные полевки. В остальных случаях корм определить не удалось. Мелкую добычу обычно приносил самец. В лапах же самки оказывалась преимущественно рыба весом 600—900 граммов. Такой корм доступен птенцам примерно с месячного возраста, когда они сами принимаются расчленять жертву на части.

Кроме того, ежегодно в период с 1 мая по 25 июля мы исследовали погадки и пищевые остатки в районе, где охотились и отдыхали взрослые рыбные филины и годовалая молодежь. В 19 случаях из 58 исследованных обнаружено содержание костей рыб и земноводных, в 24 — костей только земноводных, в 9 — костей исключительно рыб, преимущественно чебака, голяня, ленка, в 6 — остатков раков. Интересно, что рыбные филины, обитающие в Индии и Пакистане, более разнообразят свой рацион. Помимо рыб и раков, они часто поедают крупных насекомых, грызунов и птиц размером до фазана.

Параллельно с изучением характера пищи гнездовых птенцов мы произвели хронометраж прилетов взрослых птиц с кормом. Суточная активность мало изменялась, то есть почти не зависела от погоды на протяжении всех дней наблюдения. Птицы переставали летать лишь в самые сильные ливни.

Период активной охоты рыбных филинов начинается вечером. Около 18 часов проголодавшиеся за день птенцы просыпаются, встают, разминаются и пронзительным свистом требуют есть. Однако родители не спешат лететь за кормом. Напротив, усевшись на один из ближайших ильмов, они принимаются токовать. И только прокричав минут пятнадцать и сменив песню на свист, они отправляются за добычей. Первый корм птенцы обычно получали около 20 часов 30 минут, затем в 20—35, 20—45, 21—00, 21—35, 22—10, 23—00 и в 0 часов 15 минут. После небольшого перерыва кормление возобновлялось примерно в 2 часа. Еще один перерыв — и еще кормление: в 3 часа 55 минут, 4—15, 4—55 и 5 часов. Последний раз пища совытам обычно доставлялась в 6 часов утра. Примечательно, что в сумеречную пору рыбные филины приносят птенцам, как правило, земноводных, ночью — рыбу.

Следует остановиться на манере охоты рыбного филина. Нам не довелось увидеть птиц бродящими по воде или стоящими подолгу на перекатах, как об этом пишут Е. П. Спангенберг и Г. П. Дементьев. У наших филинов охота протекала иначе. Выбрав мелкий перекат или протоку, птица усаживалась на берегу, располагаясь зачастую на нависшем над водой стволе дерева или на выступающем кряже, камне, кочке. Такой наблюдательный пост филин может занимать неопределенно долго. Лишь заметив на перекате или у поверхности воды добычу, он бросается и, словно скопа, мгновенно выхватывает ее, поднимая каскад брызг. У крупной рыбы сова, как правило, тут же на берегу съедает голову и переднюю часть тела и только затем отправляется с остатком добычи к гнезду, неся ее в лапах. Если жертва поймана недалеко от гнезда и она некрупная, например лягушка, птица несет ее в клюве. По способу охоты рыбный

филин, по-видимому, близок к цейлонской рыбной сове, с которой он и находится в несомненном родстве.

Продолжительное время наблюдавший этих сов на реке Иман Е. П. Спангенберг отмечает, что они много бродят по земле. На грязевых отмелях он нередко находил целые тропы их следов. Ширина шага, если измерять от центра одного следа до центра другого, 29—30 сантиметров. Обычно следы ведут от одного места, удобного для подкарауливания рыбы, например торчащего на краю переката камня или коряги, к другому, аналогичному.

Особенно интересны звуки, которыми рыбный филин будоражит дебри Уссурийского края. Голосовые реакции этой совы в целом однообразны. Тем не менее они достаточно определены и без труда позволяют ночью в тайге отличить рыбного филина от обыкновенного.

Следуя классификации, предложенной А. С. Мальчевским, среди криков, издаваемых рыбным филином, можно выделить несколько типов звуков, из которых преобладают сигналы расширенного ситуативного значения.

Важное место занимает призывный крик, различающийся у самки и самца. Призывный крик самца можно передать, как глухое, но хорошо слышимое в тихую погоду на расстоянии до полутора километров, постепенно затухающее «гуу — гуууу». Издали этот звук воспринимается, как глухое и протяжное «ыы — ыыы», причем ударение в каждой половине крика падает на первую ее часть. По тону второй слог ниже первого. Общая продолжительность крика самца около трех секунд. Тонем ниже, более протяжно и в общем громче кричит самка. Ее крик с близкого расстояния звучит, как «ыыы—хыы-гыыыыы», а в отдалении — как «ыыы — гыыыыы». Продолжительность этого крика около четырех секунд.

Чрезвычайно своеобразна брачная песня рыбного филина. Она представляет собой песню-дуэт, воспроизводимую птицами со строго установленными интервалами и последовательностью отдельных звуков. Описание ее мы приводили ранее. Здесь же заметим, что если брачная песня-дуэт обыкновенного филина издается во все ускоряющемся темпе и заканчивается неожиданным хохотом, то песня-дуэт рыбного филина исполняется неопределенно долгое время в одном и том же темпе и не имеет сколько-нибудь отличной концовки.

В разгар тока крики рыбного филина можно услышать как ночью, так и днем. Однако наиболее активно птицы подают голос в вечерние и утренние сумеречные часы. Даже в мае, в период спада тока размножающихся в данном сезоне пар, по вечерам пение рыбных филинов иногда не прерывается до полудня и более.

Обычно взрослые птицы токуют непосредственно на гнездовом участке, усевшись порой на одном суку. Эти излюбленные места они занимают изо дня в день и даже из года в год. Молодые рыбные филины, появившиеся на свет в прошлом сезоне, также способны исполнять песню-дуэт. Их голоса в летние месяцы можно услышать не только в ночные и сумеречные часы, но и утром, после восхода солнца. Однако строгой привязанности в период токования к определенным участкам у молодых птиц не отмечено.

Кричит рыбный филин, едва приоткрыв клюв. Во время воспроизведения первого звука брачного крика птица несколько приседает и сутулится, склоняя голову книзу. При исполнении второй части крика шея совы сильно раздувается, отчего перья на ней начинают топорщиться и основания их раскрываются, обнажая светлое, почти

белое горло, невольно привлекающее к себе внимание. Аналогичное явление можно наблюдать и у обыкновенного филина во время его крика.

Средством связи в семье рыбного филина служит своеобразный свист. Он типичен для птенцов, но сохраняется на протяжении всей жизни птиц. При помощи этого сигнала родители, приближаясь к гнезду, уведомляют птенцов о своем появлении и вообще информируют выводок о месте своего нахождения. Этим же звуком птенцы в дупле призывают родителей вернуться к ним, а слетки оповещают, где они расположились; годовалые птенцы, летая за родителями, свистом требуют от них пищи.

По характеру этот звук — нечто среднее между криками скопы и черного коршуна, но много громче их. Похожий сигнал подают и молодые особи полярной совы. Человек легко может его имитировать, Наиболее громко и чисто кричит самка. Свист самца несколько дребезжащий, а в сумерках вечером он часто оканчивается чем-то вроде всхлипывания. Эту голосовую реакцию можно передать, как «тсссссссссуэ». Продолжительность звука от двух до четырех секунд. У птенцов такой звуковой сигнал полностью формируется уже в месячном возрасте: в основе его лежит писк, постепенно превращающийся в свист. Все птицы свистят, широко раскрыв клюв. В период выкармливания птенцов на гнездовом участке свист слышится почти постоянно. В другие сезоны он чаще всего издается на местах кормежки.

Особыми звуками пользуется рыбный филин во время тревоги. При легком беспокойстве, например при появлении в районе гнезда барсука или собаки, он произносит звук «кхе», напоминающий кашель простуженного человека. Этот ориентировочный сигнал заставляет других филинов, слышащих его, настораживаться.

При тревоге, переходящей в раздражение, например при приближении к гнезду человека, птицы обычно издают глухое, но громкое «гуу» или «ыыы», чередующееся с пощелкиванием клювом. Заметим, что «гуу» самца или «ыыы» самки практически неотличимы от первых слогов их призывных криков. В отдельных случаях обеспокоенные у слетков взрослые птицы воспроизводят призывный крик полностью. Однако слаженного дуэта в описываемой ситуации нам слышать не приходилось.

Птенцы, сами обнаружив опасность, либо в ответ на тревожные крики родителей обычно ложатся на дно дупла или замирают с плотно прижатым оперением. При усилении опасности, например при подходе человека на два метра и ближе, они, как и большинство других сов, принимают характерную угрожающую позу, шипят и щелкают клювом. Щелканье клювом у птенцов рыбного филина бывает не только при тревоге и обороне, но и при агрессии, например во время ссор. Мелкие раздоры птенцы сопровождают тихим «чив-чив-чив-чив», произносимым, как скороговорка.

БЕЛЫЕ СОВЫ — NYCTEA

Единственным представителем этого рода является полярная сова.

Полярная сова — *Nyctea scandiaca*. Эту большую, размером с филина, сову узнаешь еще издали по хорошо отличимой от всех сов мира белой окраске. Старые самцы почти белоснежные. Окраска самок также в основном белая, но на спине, крыльях и боках у них всегда можно заметить темно-бурый рисунок, образующий нестройные ряды поперечных линий. Наиболее пестро окрашены молодые особи. С возрастом птицы постепенно белеют. Для этой совы характерно густое оперение ног до самых когтей. Черный клюв прикрыт жесткими перышками настолько, что едва выдается его вершина. Голова кажется небольшой. Лицевой диск развит слабо, а

перьевые ушки практически отсутствуют. Золотисто-желтые глаза полярной совы, как бы привыкшей щуриться от яркого света, редко округляются полностью. Лишь подрастающие птенцы смотрят на мир широко раскрытыми очами.

Гнездится полярная сова в тундре на севере Евразии и Северной Америки, а также на крупных островах, омываемых Северным Ледовитым океаном.

Обитание в суровых условиях определило облик, образ жизни и поведение полярной совы. Снег и мороз «сделали» ее не только белой. Оперение полярной совы плотнее и менее продуваемо, чем у других сов. Это особенно заметно, если рассматривать птицу снизу: не говоря уже об исключительно густом оперении брюха и лап, у нее отлично развиты даже перья подхвостья. И так как длина подхвостья нередко почти равна длине хвоста, то кажется, что сидящая на снегу сова опирается на мощную перьевую подушку. Даже хорошо представляя теплоизолирующие свойства оперения, удивляешься тому, как эта коренастая белая птица может часами сидеть где-нибудь на возвышении на самом ледящем ветру, и только сильнейший буран способен заставить ее искать убежища с подветренной стороны холма или в торосах. В Арктике каждая особь проходит особенно жесткое испытание естественным отбором, полярная же сова — вид, возникший в результате этого многовекового воздействия.

Способ охоты полярной совы также весьма необычен. М. А. Мензбир в упоминавшейся выше книге «Птицы России» писал, что летает полярная сова очень быстро и по манере нападать на добычу напоминает сокола — ведь во время полярного дня, при свете солнца, незаметно подлететь к добыче трудно. Плотное оперение, несомненно, обеспечивает стремительность в движениях, когда сова преследует свою жертву.

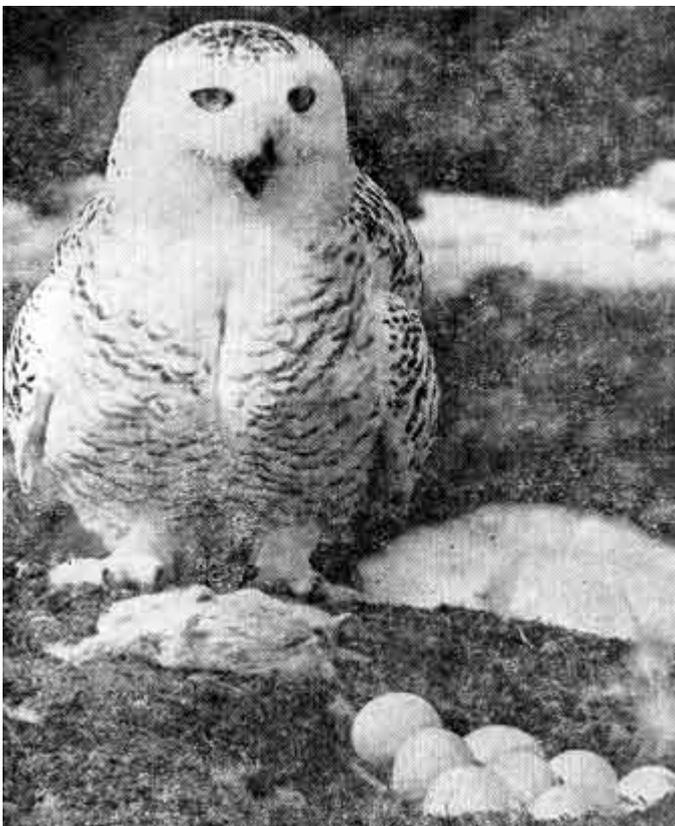
При розыске корма полярная сова чередует подкарауливание с поисковым полетом и высматриванием добычи сверху: она то зависает в воздухе, трепеща крыльями на одном месте, как пустельга, то летит прямо, размеренно взмахивая крыльями и порой переходя на парение, то по наклонной линии скользит к земле. Время от времени сова усаживается на каком-нибудь возвышении, чтобы обнаружить добычу, а заметив, стремительно срывается с места и бросается на нее. И. А. Кривицкий в Кургальджинском заповеднике зимой наблюдал в степях, как полярная сова сидела возле норы грызуна, терпеливо ожидая выхода зверька наружу. Активной эта сова бывает почти в любую пору суток. Даже летом при бесконечном северном дне она предпочитает охотиться в часы, соответствующие ночному времени.

40. На просторах материковых тундр и крупных островах, омываемых Северным Ледовитым океаном, обитает полярная сова (*Nyctea scandiaca*). Здесь на буграх, едва освободившихся от снега, уже в конце апреля или в мае она приступает к насиживанию яиц. О-в Врангеля, май 1970 г. Фото А. В. Кречмара.

41 Переваливаясь с ноги на ногу, к гнезду подходит старая самка. О ее возрасте можно судить по цвету оперения: чем оно белоснежнее, тем старше птица. То же. Фото А. В. Кречмара.

42. Самка, стоящая у этого гнезда, сравнительно молодая — грудь и брюхо ее испещрены белыми отметинами. В середине мая при обилии корма полярная сова уже может закончить кладку. Часто она откладывает яйца не прямо на землю, а на примитивную выстилку из растительной ветоши, перьев, шкурок леммингов. То же, Фото А. В. Кречмара.

43. Как и большинство сов, полярная сова начинает насиживание с первого яйца. Поэтому в ее гнезде одновременно можно обнаружить и яйца, и разновозрастных птенцов. Там же, конец июня 1970 г. Фото А. В. Кречмара.

44. Полярное лето не балует теплом, и пока птенцы не оперились, самке приходится почти непрерывно обогревать их. Корм для всей семьи в это время добывает самец. То же. Фото А. В. Кречмара.

45. На снимке птенцу полярной совы около двух месяцев. Он уже летает, но еще находится на полном иждивении родителей. Там же, август 1970 г. Фото А. В. Кречмара.

В принципе полярная сова — типичный мышеед. Об этом свидетельствуют хорошо известные факты возрастания плотности ее поселения в годы массового размножения в тундре мышевидных грызунов, в частности леммингов. Обычно число сов увеличивается после «мышьиного» года. Почти исчерпывающий обзор сведений такого рода привел Л. А. Портенко в монографии, посвященной полярной сове и увидевшей свет в 1972 году. Здесь же заметим, что положительно реагирует на вспышки численности грызунов большинство хищников Севера. Так, на севере Анабарской тундры С. М. Успенский установил отчетливую связь между гнездованием полярных сов, норением песцов и размножением грызунов. Показательно и другое: даже при минимальной численности грызунов последние почти всегда обнаруживаются в погадках полярной совы. Кстати, погадки ее весьма внушительных размеров. Они иногда достигают в длину 15 сантиметров (в среднем 9) при диаметре до 4 сантиметров (в среднем 3,3).

В гнездовой период мышевидные грызуны, например в горной тундре низовий Лены, составляют более девяноста процентов пищи этой совы. Как видно из данных, собранных В. Н. Большаковым, главной жертвой здесь оказывается копытный лемминг. Интересно, что другой фоновый грызун этих мест — лемминговая полевка, обитающая в каменистых россыпях горных склонов, — почти не вылавливается полярной совой. На зайца-беляка, преимущественно на молодых особей, падает, как правило, пять-шесть процентов добычи совы.

В годы депрессии грызунов или при глубоком снеге, когда ловля зверьков становится малоэффективной, полярная сова вынуждена искать иное пропитание. Именно при таких условиях А. В. Кречмар на Таймыре был свидетелем, как добычей полярной совы оказывались белая куропатка, гуменник, а однажды даже мохноногий канюк. В это время в ее когти сравнительно часто попадают заяц-беляк, горностаи и другие животные. Известный полярник Л. И. Леонов наблюдал, как эта сова охотилась даже на бельков гренландского тюленя, что, правда, становилось возможным лишь в том случае, если детеныш лежал открыто, а не был спрятан в «чуме». Иногда у побережья полярная сова добывает чистиков и кайр. Здесь же заметим, что эта сова может без видимой причины вылетать в море на полтора два километра от берега.

Однако следует отметить, что охота не на грызунов, а на более крупную добычу — непростое занятие для полярной совы. Как-то раз зимой на одной из пустошей Карельского перешейка мы обратили внимание на необычный аллюр зайца-беляка. Заяц несся напрямик через густой кустарник. По следу можно было догадаться, что зверь оседлан какой-то хищной птицей, но лишь через двести метров хищнику удалось справиться с добычей. Судя по свежести следа, это произошло до нас примерно за два часа. Когда же мы подошли к месту развязки, с земли поднялась полярная сова и явно с трудом отлетела в сторону. Она еще не приступала к трапезе, она отдыхала!

Во Всеволожском районе Ленинградской области мы оказались свидетелями, как полярная сова собирала покалеченных и разбившихся о телеграфные провода птиц. Пролетавших рядом здоровых птиц сова как будто бы и не замечала. На этом участке полярная сова кормилась по крайней мере две недели.

Именно отсутствие возможности регулярно охотиться на мышевидных грызунов

определяет характер пребывания полярной совы в районах гнездовых. Эта сова лишь отчасти ведет оседлый образ жизни. Во многие же годы она — преимущественно кочующая птица. Кочевки совершаются в разные сроки, во всевозможных направлениях (не обязательно к югу) и на разные расстояния. С Крайнего Севера птицы нередко залетают в лесотундру и иногда, преодолев по руслам замерзших рек тайгу, оказываются в степи. Отдельных особей зимой можно встретить в Крыму, Предкавказье и даже на Кавказе. Известны случаи появления полярной совы и в Киргизии: например, зимой 1925/26 года Г. П. и Д. П. Дементьевы наблюдали ее в окрестностях города Фрунзе. Птицы из Якутии, как полагает К. А. Воробьев, в период осенне-зимних кочевок иногда долетают до Южного Приморья и Северного Китая.

Исчезновение грызунов, однако, не во всех случаях приводит к откочевке сов из данного района. Так, Е. П. Спангенберг и В. В. Леонович, наблюдавшие жизнь птиц на полуострове Канин, пришли к выводу, что эту местность полярные совы покидают лишь тогда, когда одновременно с грызунами пропадает и белая куропатка. В зимы же, когда куропаток много, большинство сов Канинской тундры подается ближе к рекам — Кии, Чиже, Черне и другим, где в зарослях ивняка находят изобилие этих птиц, питается ими и переживает неблагоприятное время. Незначительные откочевки полярных сов в полосу лесотундры и северной тайги вслед за переместившимися туда белыми куропатками известны и на Таймыре.

Говоря о кочевках полярной совы за сотни и даже тысячи километров, необходимо отметить, что в какую бы зону ни попала эта сова, она всюду изыскивает для охоты участки, напоминающие тундру. В лесной зоне она выбирает открытые просторы болот и полей, реже приречные долины и пустоши возле человеческого жилья; на юге же предпочитает держаться в степи. Так, в степях Казахстана В. Ф. Гаврин с одной точки замечал сразу по три-пять птиц, сидящих на буграх в ста пятидесяти—двухстах метрах друг от друга. На острове Беринга С. В. Маракову приходилось одновременно видеть и того больше — до тридцати сов. Таким образом, в период кочевок наиболее кормные места собирают этих птиц в значительном количестве. Однако держатся они независимо и сколько-нибудь постоянных групп, по-видимому, не образуют.

Куда бы ни откочевывали эти совы, в конце марта они ложатся на обратный курс и к апрелю достигают прибрежной материковой тундры. Примечательно, что часто птицы появляются на будущих гнездовых участках уже парами. И сразу же над тундрой повисает разноголосый совиный «лай».

Как подметил Л. А. Портенко, при всем многообразии звуков, издаваемых полярной совой, основу их обычно составляет глухой звук «у» — призывный крик, которым птицы пользуются в различных ситуациях. Чаще всего удается слышать восклицание самца — короткое глухое «у» — или оригинальную модификацию крика — протяжное и глухое «гуууу». Звук длится одну-две секунды и исполняется по крайней мере в два тона. Окончание его бывает наиболее громким. Этот крик иногда удается расслышать на расстоянии до десяти километров. Надо сказать, что вообще весной и летом полярная сова, особенно самец, весьма криклива. Кроме моментов действительного возбуждения, самец, например, непременно крикнет, когда подлетает или улетает от самки, когда покидает место отдыха и во многих других ситуациях.

Во время тока часто приходится слышать монотонно повторяемое глухое взлаивание типа «оу-оу-оу...». Это — брачная песня самца. Обычно она воспроизводится ежесекундно. Однако при появлении самки, когда возбуждение нарастает, крики учащаются. Самка отвечает самцу глухим «гуу». При спаривании

доносится невнятная скороговорка «гау-гау-гау...» и странное карканье. Иногда самка, рассерженная на самца, издает резкое гнусавое «кла».

Когда ток еще в разгаре, самки приступают к откладке яиц. При этом температура воздуха бывает много ниже нуля — до минус пятнадцати градусов. Внезапно разбушевавшаяся пурга порой совершенно заносит сидящую на гнезде сову. В такую погоду уже начатые кладки могут быть брошены. Это наблюдал С. М. Успенский весной 1960 года в Хромоской губе на севере Якутии.

Гнезда полярные совы, как правило, располагают на вершинах байджарахов, по склонам увалов и распадков, то есть на участках, где раньше всего сдувается снег. Нередко оказывается, что около совиного гнезда позже поселяются гуси, гаги и другие птицы. Полярная сова, размножаясь лишь в годы обилия леммингов, обычно не трогает соседей. В то же время к этому участку уже не посмеют приблизиться ни песец, ни олень, ни даже собака. Возможно, что именно под защиту совы и устремляются гуси. Кстати, это в равной степени относится и к гнездовым группировкам, во главе которых оказываются сокол-сапсан, мохноногий канюк или крупные чайки. Но происхождение подобных сообществ можно объяснить и иначе. В Арктике все птицы спешат поселиться на первом же оттаявшем клочке земли, а ими как раз и оказываются бугры. Однако такое объяснение не принижает пользы, которую извлекают беззащитные птицы от соседства сильной и смелой полярной совы.

Гнездо полярной совы — это небольшая ямка, расчищенная от снега до самой земли. Вопрос о том, характерна ли для жилища совы специальная выстилка, остается спорным. Часто она отсутствует или почти отсутствует, но иногда достаточно выражена, то есть каким-то гнездостроительным инстинктом эти совы все же обладают. Известны случаи, когда яйца полярной совы оказывались отложенными на сравнительно массивную подушку из растительной ветоши, перьев самой птицы и шкурок грызунов.

Яйца полярной совы белые или охристые, что, вероятно, связано с их окрашиванием от торфяного грунта. Их размеры 53—70Х42—49 миллиметров. Обычно яйца откладываются через день, но возможны и более длительные перерывы. В кладке бывает от 3—4 до 11—12 яиц. К. А. Воробьев, ссылаясь на сведения, полученные от якутских охотников, упоминает о гнезде с 14 яйцами. Однако чаще всего в гнезде полярной совы встречается 6—7 яиц.

Как правило, яйца насиживает самка, но в случае ее гибели может вывести птенцов и самец. Насиживание в зависимости от его интенсивности длится от 30 до 34 суток. Птенцы вылупляются в густом белом пуху. По сравнению с другими совятами они прозревают относительно нескоро — на девятый день. На десятый-двенадцатый день они одеваются в сероватый с поперечным рисунком наряд. Крупные перья крыльев появляются на шестнадцатый день. Двадцать суток совята сидят в гнезде плотной кучкой, грея друг друга и «насиживая» оставшиеся яйца. В месячном возрасте птенцы могут подлетывать и разбредаются по округе. Примерно в возрасте двух месяцев совята уже хорошо летают. Однако на взрослых полярных сов они похожи еще мало, оперение их в основе бурое, рябое, и только «лицо» почти белое. Пока это еще не прекрасные полярные совы, а «гадки совята»,

В гнезде, проголодавшись, птенцы начинают сипло ныть: «хе-хе-хе...» Этот звук, повторяясь все чаще и чаще, перерастает в трель, сходную с трескотней дятлат, которую можно услышать у дупла перед их вылетом. Подросшие птенцы и молодые птицы, до глубокой осени требуя от родителей корм, надсадно свистят, примерно так

же, как рыбные филины. Самка при беспокойстве издает, словно кричит, серию резких звуков типа «хек-хек-хек...» или «эк-эк-эк-эк...», иногда заменяемых картавым карканьем.

Полярным совам, как жителям открытого ландшафта, не свойственно затаивание. При опасности они либо улетают, либо угрожающе щелкают клювом, либо, приоткрыв его, издают змеиное шипение. Если противник близко, а отступление нежелательно или невозможно, полярная сова прибегает к позе угрозы: поднимает перья, расставляет распушенные крылья и пугает врага ложными выпадами. Застигнутая врасплох, она опрокидывается на спину и отчаянно отбивается лапами.

Но даже такая крупная сова, как полярная, перед человеком беззащитна. Много сов гибнет в капканах, которые промысловые охотники Севера часто специально на них устанавливают. Случается, что эту великолепную сову отстреливают просто так, чтобы посмотреть... К тому же полярная сова обладает совсем не полезным для нее свойством: в малонаселенной местности она проявляет по отношению к человеку значительно большую осторожность, нежели в обжитых людьми областях, куда она попадает в период зимних кочевков.

Численность полярной совы во многих районах Севера нашей страны еще сравнительно высока. В Якутии, например, по данным О. В. Егорова, каждые тридцать тысяч квадратных километров заселяют около трех тысяч особей. Тем не менее о сохранении этой уникальной совы нужно думать уже сейчас.

ЯСТРЕБИНЫЕ СОВЫ — SURNIA

Ястребиные совы представлены в мировой фауне всего одним видом, населяющим северные леса Старого и Нового Света. На Американском континенте от Аляски до Ньюфаундленда гнездится особая форма этого вида, отличающаяся от птиц, обитающих у нас, более четкими белыми пестринами и полосами на верхней стороне тела и шоколадно-бурыми, а не серо-бурыми, как у нашей совы, пятнами на груди и брюхе.

Ястребиная сова — *Surnia ulula*. В Советском Союзе эта сова гнездится от Кольского полуострова и Прибалтики до Чукотки и Сахалина. К северу она распространена до границы лесов. Южный предел ее обитания проходит примерно по широте Москвы, спускается к Алтаю и далее следует к Южному Приморью. Кроме того, в горных лесах Тянь-Шаня имеется изолированная колония, представленная особым подвидом.

Ястребиная сова окраской оперения и своим обликом действительно очень напоминает ястреба. Она плотного телосложения, средней величины и весит не более 380 граммов. Голова ее сравнительно невелика. Лицевой диск выражен слабо, перьевые ушки отсутствуют. Крылья в общем короткие, слегка заостренные. Хвост длинный, ступенчатый. Дополняет сходство с ястребом окраска оперения: оно серо-бурое сверху и поперечнополосатое, ястребиное, снизу. Ноги сильные, но короткие, оперенные до когтей. Глаза небольшие, с ярко-желтой, опять же как у ястреба, радужиной.

Не только внешним видом, но и повадками ястребиная сова похожа на дневную хищную птицу. Она часто охотится днем, хотя и предпочитает сумерки. Отдыхая утром и вечером, сова подолгу сидит на вершине какого-нибудь дерева, повернувшись к солнцу.

Примечателен и ее полет: птица то, часто махая крыльями, набирает скорость, то

продвигается вперед на неподвижно раскинутых крыльях, как это делают многие хищники, особенно живущие в лесах. Парение для ястребиной совы не характерно, но зато скольльзящим полетом она пользуется нередко. Сорвавшись с вершины дерева, сова несется по наклонной к земле и, преодолев за мгновение пятьдесят-сто метров, круто взмывает вверх у следующей присады. Зачастую, пролетая с большой скоростью в нескольких метрах от земли, ястребиная сова, моментально перевернувшись через крыло, вдруг камнем падает на землю. Все это совершается настолько стремительно, что по-настоящему удастся рассмотреть сову только в тот миг, когда она уже сидит на земле и, умерщвляя жертву, на минуту замирает, странно выгнувшись, как бы отстранив назад голову.

Иногда в поиске корма ястребиная сова, как и некоторые другие хищные птицы, охотящиеся преимущественно в открытом ландшафте, повисает в воздухе, трепеща крыльями. Однако чаще она высматривает добычу с дерева. Для этого охотно используются отдельно стоящие деревья, обычно усохшие или суховершинные. На таком наблюдательном пункте сова, все время глядя по сторонам и вниз, остается около получаса, затем перелетает на другое дерево и т. д.

Основной корм ястребиной совы — мышевидные грызуны. Г. А. Новиков летом на Кольском полуострове в погадках этой птицы обнаруживал рыжих полевок, затем (в порядке убывания) — норвежского лемминга, лесного лемминга и красную полевку. Так же и в Архангельской области, по крайней мере в бесснежный период, ястребиная сова вылавливает в первую очередь мышевидных грызунов. По данным, собранным сотрудниками Кандалакшского заповедника В. В. Бианки и Т. В. Кошкиной, которые у гнезда этой птицы осмотрели около ста погадок (их размер 4,0—7,5x2,0—2,5 сантиметра), пища птенцов и взрослых особей почти на 98 процентов представлена мышевидными грызунами и совсем редко птицами. Среди последних был один рябчик и две небольшие воробьиные птички. Кроме того, в погадках были обнаружены остатки лягушки. Интересно, что из грызунов рыжие полевки, обитающие в лесах, составили примерно половину, а полевка-экономка, живущая на лугах, — четверть. Кстати, в близких к этим районам лесах Финляндии и Норвегии, по материалам Миколы Хеймо, мышевидные грызуны также занимают ведущее место — 96 процентов. На долю птиц приходится чуть больше процента. Однако зимой птицы здесь попадают уже в одной трети случаев, из которых белая куропатка составляет почти четверть. Млекопитающие представлены преимущественно полевыми и землеройками.

46. На огромной территории от Кольского полуострова и Прибалтики до Чукотки и Сахалина встречается в Советском Союзе ястребиная сова (*Surnia ulula*), обликом и повадками напоминающая дневную хищную птицу. Западный Таймыр, сентябрь 1964 г. Фото А. В. Кречмара.

47. Оптимальные условия ястребиная сова находит в разреженных участках тайги северного типа. Сибирь, август 1950 г.

48. Ястребиная сова нередко охотится при свете солнца и подолгу сидит, не прячась в тени, на вершинах усохших деревьев. Если она чем-то обеспокоена, хвост ее начинает ритмично раскачиваться сверху вниз. Так выражают тревогу очень немногие совы. Карельская АССР, октябрь 1966 г. Фото О. С. Русакова.

Сезонная смена кормов, вероятно, характерна для вида в целом. Так, в Якутии, по наблюдениям К. А. Воробьева, зимой ястребиная сова нередко добывает рябчика, белую куропатку и даже тетерева, которого вообще-то в качестве жертвы ястребиной совы даже трудно представить. Известен случай нападения в этих же местах ястребиной совы на желну, когда в результате борьбы обе птицы погибли. Как сообщает Б. Н. Андреев, зимой ястребиная сова охотится на белок.

Обитает ястребиная сова в различных, но преимущественно разреженных древостоях. Так, в Хибинах она обычна в горной тайге, но в горную тундру залетает

редко. У северной границы таежных лесов в бассейне Печоры отмечается тяготение этих птиц к опушкам пойменных лесов, окружающих реки и озера. Специальное исследование, имеющее целью выявить биотопическое распределение ястребиной совы, в свое время предприняли В. Я. Паровщиков и Г. Н. Севастьянов в Архангельской области. Оказалось, что здесь совы охотнее всего держатся в не слишком густых сосняках и ельниках высотой не более пятнадцати метров. Из открытых стадий отдается предпочтение зарастающим деревьями болотам. Совсем открытые территории ястребиные совы посещают редко. В Якутии они заселяют светлые лиственничные массивы. На Сахалине этот вид чаще всего встречается в березовых с примесью лиственницы насаждениях, проникая в горы по распадкам на высоту до тысячи метров. По мере продвижения на юг ястребиная сова начинает гнездиться все в более и более темных лесах. Так, на юго-востоке Казахстана она характерна лишь для ельников, которые приурочены здесь к горам.

В пригодных к обитанию местах ястребиная сова не является редкостью. Например, в Якутии — это, несомненно, наиболее широко распространенная и многочисленная из сов. Таково же положение на Кольском полуострове и в ряде других районов. Правда, численность этой совы, как и остальных мышеедов, в значительной степени колеблется в зависимости от «урожая» мышевидных грызунов.

Иногда в голодные годы ястребиные совы совершают довольно крупные кочевки, которые подчас равносильны перелетам. Мы уже упоминали об исключительном пролете их над Москвой, наблюдавшемся в начале зимы 1933 года. Об интенсивном перемещении сов в сентябре того же года на Кольском полуострове у озера Малый Вудъявр сообщил Г. А. Новиков. В конце октября—ноябре ястребиная сова регулярно появляется в Ленинградской области, где в другие сезоны, несомненно, редка. Однако, несмотря на явную склонность большинства сов этого вида к кочевкам, немало особей даже на Крайнем Севере, по-видимому, живет оседло.

Весеннее оживление среди этих сов наблюдается рано, когда снег в лесах еще и не начинает таять. Обычно уже с середины марта в сумерках можно услышать призывное улюлюканье самцов. Это довольно протяжная, до двух—двух с половиной секунд трель, нечто вроде «улю-лю-лю-лю-лю-лю». Знаток ястребиной совы В. И. Капитонов сравнивает эту песню с криком зеленого дятла. Те и другие звуки действительно очень похожи. Издает свою трель самец относительно редко и, как правило, в полете. В ответ на его призывный крик самка надсадно хрипит. Однако чаще всего в сумерках и темноте разносится иная трель: «ука-ка-ка-ка-ка-ки-ки-кикики». Сначала возникают низкие звуки, которые становятся все выше, убыстряются, сливаясь в конце в единый высокий звук. Заключительную часть этой трели можно сравнить со щебетом серого сорокопуга. Кстати, последнюю часть крика — «щебет» — совы иногда издают и отдельно, например днем, греясь на солнце. В целом этот звуковой сигнал, по-видимому, выражает общее эмоциональное возбуждение.

На гнездовом участке ястребиная сова держится весьма заметно. Здесь постоянно можно либо слышать голоса членов супружеской пары либо видеть одну из птиц, открыто сидящую на дереве. Примечательно что в отличие от других некрупных сов, обитающих в лесной местности эта сова почти не нуждается в дуплах. Для отдыха она их вообще видимо, не использует, да и очень редко в них гнездится. Значительно чаще сова откладывает яйца в небольшую ямку выгнившей сердцевины на вершине сломанных ветром стволов. Иногда гнездом служат старые постройки сороки, ворона или какой-нибудь хищной птицы.

К кладке самка приступает в первой декаде апреля. Обычно кладка содержит

3—5, а в «мышинные» годы 7—9 и очень редко до 13 яиц. Они белые, блестящие, в среднем 40X39 миллиметров, то есть почти шарообразные. Сведения о насиживании практически отсутствуют. Правда, имеются старые, требующие проверки данные о якобы совместном обогреве кладки самкой и самцом. Судя по тому, что в гнездах оказываются разновозрастные птенцы, можно предположить, что насиживание начинается сразу после откладки первого яйца. Смертность птенцов в гнезде весьма значительна. Очевидно, этим объясняется тот факт, что, несмотря на большую кладку, птенцов в гнезде обычно не свыше трех-четырех, а выводки в июле состоят не более чем из трех молодых птиц.

Совята в гнезде, ожидая прилета взрослых птиц с кормом, издают хриплый писк. Слетки сравнительно часто свистят. В трехнедельном возрасте еще плохо летающих, но почти полностью оперившихся совят можно видеть сидящими на ветвях гнездового дерева. В месячном возрасте они уже способны перелетать поляну в двадцать-тридцать метров.

Родители продолжают держаться при выводке по крайней мере полтора месяца после подъема птенцов на крыло. Они самоотверженно охраняют совят, бесстрашно атакуя даже человека. В это время особенно часто слышится беспокойный крик — соколиное «кик—кик—кик...» или сходный вариант «кия—кия—кияк». Звуковой сигнал опасности заставляет молодых птиц замирать столбиком, а каждому из родителей, как боевой клич, придает смелости, когда они атакуют врага. Любопытно, что, тревожась, ястребиная сова совсем не по-совиному нервно поводит хвостом, приподнимая и опуская его.

К сентябрю выводки распадаются и молодые птицы начинают кочевать самостоятельно.

СЫЧИКИ — GLAUCIDIUM

Род сычилов объединяет 13 видов. Это самые мелкие представители отряда сов. Большинство их вряд ли весит свыше 60—80 граммов. Однако сычилов сильные, плотные по сложению птицы. Лапы их оперены до когтей, причем пальцы обычно покрыты щетинкообразными перышками. Крылья короткие, закругленные. Хвост составляет примерно две трети длины крыла. От других мелких сов сычилов отличает сравнительно жесткое оперение, небольшая, без «ушек» голова и маленькие глаза на слабо выраженном лицевом диске. Уже по этим признакам видно, что сычилов должны быть активными не только в ночное время, но и в сумерках. Действительно, некоторые из них охотятся даже днем.

Как правило, сычилов ведут оседлый образ жизни, обитая преимущественно в жарком, реже — в умеренном поясе. Многие из них распространены на огромных территориях. Так, один из американских сычилов (*G. brasilianum*) гнездится на юге Северной Америки и чуть ли не по всей Южной Америке. Африканский сычилов (*G. perlatum*) населяет почти всю Центральную и Южную Африку. В Индии и Шри Ланке водится свой вид — *G. radiatum*. Наиболее мелкие сычилов живут в западном полушарии. Это малый сычилов (*G. minutissimum*), встречающийся на юге Северной Америки и в северной половине Южной Америки, и миниатюрный сычилов (*G. jardinii*), характерный для запада Южной Америки. Длина этого сычилов не превышает 12,5 сантиметра.

В Советском Союзе можно увидеть лишь воробьиного сычилов, населяющего полосу хвойных и смешанных лесов Евразии. Из всех представителей рода он наиболее северный.

Воробьиный сычик — *Glaucidium passerinum*. Это очень маленькая сова. Максимальный вес самца 60 граммов (в среднем 55). Самка более грузная и весит около 75 граммов. Оперение у обоих полов одинаковое: сверху буроватое со светлой округлой пятнистостью, низ тела белесый с темно-бурыми размытыми продольными черточками. Радужина глаз желтая, клюв светлый, когти темно-бурые.

Орнитологи чаще встречаются со следами деятельности этой крошечной совы и находят ее запасы, нежели видят ее воочию. Воробьиный сычик редко где бывает многочисленным. Он удивительно доверчив. Подчас, и совсем не обязательно ночью, к остановившимся в лесу людям, особенно если с ними есть еще и собаки, сычик сам подлетает на пять-шесть метров. Усевшись где-нибудь на ветке, нервно подергивая хвостом, он с любопытством принимается разглядывать нарушителей тишины. В этот момент можно рассмотреть и его самого. Но вот сычик потерял интерес к пришельцам и, без видимого усилия оттолкнувшись от ветки и маневрируя между стволами, скрылся в чаще.

Полет воробьиного сычика и легок, и стремителен. Птица не летит, а как бы, играючи, порхает. Правда, редко за один перелет сычик преодолевает более тридцати метров. Но и на этом отрезке он успевает продемонстрировать исключительную ловкость: то круто свернет вправо или влево, то прошмыгнет среди густых ветвей, не задев ни одну из них. В целом его полет мало похож на совиный и скорее напоминает передвижение некрупной воробьиной птицы, летящей толчками, временами складывающей крылья. При резком взлете иногда слышатся хлопки крыльев. Когда сычик возвращается с добычей, например с полевкой в когтях, полет его не столь быстр, верток и бесшумен, как без нее.

Воробьиный сычик наиболее охотно заселяет высокоствольный с примесью ели лес, где держится, как правило, оседло. Здесь, на участках ранее размножавшихся пар, уже с осени можно услышать переключку старых птиц. Их призывные крики похожи на приглушенный монотонный посвист снегиря — печальные, однообразные звуки методично доносятся через каждые полторы-две секунды. Самка подает голос реже, и ее позывные несколько ниже тоном и более протяжны. Кричат сычики, обычно сидя где-нибудь на ветке. Молодые птицы, по-видимому, осенью молчат. По крайней мере те особи, которых довелось наблюдать Оскару Хайнроту, впервые пробовали свой голос в марте.

49. В высокоствольных смешанных с примесью ели лесах охотно поселяется воробьиный сычик (*Glaucidium passerinum*) — одна из самых маленьких сов Советского Союза. Ленинградская область, март 1960 г.

50. Даже тонкая вершина молодой елочки для воробьиного сычика надежная

опора. То же.

51. Воробьиный сычик очень доверчив. Он подпускает человека на несколько шагов, не выказывая признаков беспокойства. Но встревожившись, он, как и ястребиная сова, начинает дергать хвостом. То же.

52. Слабовыраженный лицевой диск, сравнительно небольшие глаза, относительно жесткое оперение — все говорит о том, что эта сова должна быть более активной в сумерки, нежели ночью. И действительно, в темных ельниках воробьиный сычик охотится даже днем. То же.

Создается впечатление, что осенние крики сычиков имеют специальное коммуникативное значение: членам пары периодически необходимо убедиться в том, что они оба на месте. Если это так, то становятся попятными и нерегулярность осенних криков, и молчание молодых птиц, не объединившихся еще в пары.

К марту картина меняется. Теперь в лесу, где обосновалась пара сычиков, их голоса можно слышать много чаще. Особенно активизируются они на вечерних и утренних зорях. Несколько иным становится и характер криков. Монотонный посвист самца (кстати, человек его с легкостью имитирует, а обманутый сычик доверчиво подлетает) в эту пору зачастую начинается со своеобразной запевки, что делает его похожим на определенную песню. Кричат весной сычики до полудня и более подряд. Иногда монотонное пение самца сменяется чередованием двух обычных посвистов и одного удлиненного. Получается что-то вроде азбуки морзе: точка-точка-тире, точка-точка-тире... Возможно, что в данном случае мы имеем дело с песней-дуэтом самца (первые два звука) и самки (один более протяжный звук). Эта песня, в свою очередь, может завершиться совсем необычной трелью, в которой короткие посвисты вдруг

следуют друг за другом с постоянно сокращающимися интервалами и, наконец, слившись воедино, переходят в продолжительный низкий свист. Такая песня, в своем зачине напоминающая голос ястреба, в конце становится похожей на странный гортанный крик неизвестной воробьиной птицы и, вероятно, выражает максимальное возбуждение партнеров.

Еще до того, как самка отложит яйца и приступит к насиживанию, самец начинает ее подкармливать, что также можно рассматривать как элемент ритуала брачного поведения. Требуя от самца пищи, самка издает протяжный нежный свист. Подобный же звук у сычиков можно услышать в ситуациях, которые, казалось бы, должны у птиц вызывать тревогу.

Иногда воробьиный сычик занимает искусственные дуплянки, но чаще гнездится в дуплах, особенно предпочитая выдолбленные дятлами, в частности большим пестрым. В них прямо на древесную труху в апреле откладываются девятиграммовые (не такие уж и мелкие!), слегка блестящие, белые, эллипсоидной формы яйца. Их размер в среднем 29X23 миллиметра. В полной кладке 4—7 яиц. Кладку насиживает одна самка, на что ей требуется 28—29 суток, причем сидит птица на гнезде очень плотно. Выгнать ее из дупла не удастся, даже постукивая топором по стволу. Известны случаи, когда сычик вылетал из дупла лишь в момент падения спиленного дерева.

Сразу же после вылупления птенцов самка воробьиного сычика производит в дупле генеральную уборку. Она выбрасывает вместе со скорлупой яиц скапливающиеся за период насиживания остатки пищи (перья, шкурки грызунов, погадки и тому подобный хлам) прямо из летка, чем демаскирует гнездо. Интересно, что у других сов-дуплогнездников этого не отмечается. Если они и очищают дупло, то уносят мусор далеко в сторону.

Птенцы вылупляются покрытыми светлым, почти белым пухом. Оперившись, они становятся темно-бурыми. В окраске, особенно спины, преобладает буро-шоколадный тон. Столь характерные для взрослых птиц пестрины у слетков выражены слабо. Заметим, что это вообще-то сравнительно редкий случай, когда взрослые особи оказываются окрашенными более пестро, нежели молодые.

В гнездовом дупле птенцы пребывают около месяца. Несмотря на то, что сычата вылупляются в разные сроки, гнездо они покидают почти одновременно, обычно в один, реже — в два дня. Причем птенцы способны сразу же пролететь пятнадцать-двадцать метров и, преодолев столь большое расстояние, рассаживаются на ветвях стоящих вокруг деревьев. С этого момента в сумраке ельников их голоса слышатся постоянно — не только по вечерам и ночам, но и днем. Протяжным свистом голодные слетки напоминают родителям о себе и одновременно информируют их о своем местонахождении. Иногда сытые птенцы на день возвращаются в родное дупло либо прячутся в других дуплах, случайно обнаруженных поблизости.

О летнем питании воробьиных сычиков известно очень немного. Охотятся взрослые птицы, как правило, недалеко от гнезда. Основной корм добывает самец, причем его охотничий участок немногим более половины квадратного километра. Самка же отыскивает добычу совсем рядом с гнездом, часто в радиусе каких-то ста-двухсот метров.

Прилетевший с кормом самец редко направляется прямо к дуплу. Обычно, усевшись с добычей в десяти-двадцати метрах, он голосом извещает самку о своем появлении. Та сразу же вылетает к нему и забирает принесенную жертву. «Забирает»

сказано мягко, ибо создается впечатление, что самка отнимает добычу у самца. После такой «передачи» корма самец, прежде чем вновь лететь на охоту, приводит в порядок свое оперение.

Наиболее активно, например на Карельском перешейке Ленинградской области, птицы в период гнездования охотятся с 19 до 20 часов вечера и с 3 до 4 часов утра. Интересно, что по соседству, в Финляндии, сычики ведут себя несколько иначе. По наблюдениям Миколы Хеймо, здесь они чаще всего приносят птенцам корм в промежутки с 22 часов до 1 часа ночи и с 9 до 10 часов утра.

Основу летнего питания воробьиного сычика составляют, по-видимому, мышевидные грызуны. Именно их остатки, как правило, и удается находить в погадках этих птиц. Погадка сычика цилиндрической формы, часто с одним округлым, а вторым вогнутым концом. Ее длина 1,3—2,8 сантиметра. Диаметр около сантиметра. В погадке могут быть остатки одного-двух зверьков. Как ни странно, но нередко более крупные погадки отрывает сравнительно мелкий по размеру самец.

В годы депрессии численности мышей и полевков воробьиные сычики летом охотятся за землеройками и мелкими воробьиными птицами, преимущественно за птенцами дуплогнездников. При этом птицы могут составлять тридцать-сорок процентов рациона совят. Ловят сычики и самок воробьиных птиц на гнездах, причем как дуплогнездников, так и открыто гнездящихся. Имеются даже данные, что в отдельных случаях в годы низкой численности грызунов сычики якобы разоряют почти все гнезда воробьиных птиц на двести-триста метров в округе. Обычно же жертвами воробьиного сычика оказываются обыкновенная полевка, полевка-экономка, рыжая полевка. Мыши, как более верткие грызуны, попадают в лапы сычика реже. Из землероек он чаще всего ловит обыкновенную, а также малую бурозубку, из птиц — корольков, гаичек, снегирей, поползней москочек, хохлатых синиц. Станным образом среди жертв-птиц почти отсутствуют большие синицы, которых в лесах, где держатся воробьиные сычики, в общем не так уж мало.

Известны случаи, когда добычей воробьиного сычика становились такие крупные животные, как хомяки. А однажды В. Ф. Гаврину удалось наблюдать поединок сычика с большим пестрым дятлом. Сычик напал на сидящего на стволе дятла сзади и несколько снизу. Дерущиеся птицы свалились на землю и были пойманы.

Осенью воробьиные сычики делают запасы пищи, устраивая своеобразные склады в дуплах. Подобные хранилища, естественно, привлекают к себе внимание натуралистов. Склады сычиков в Приокско-Террасном заповеднике в течение нескольких лет изучались орнитологом Г. Н. Лихачевым, на Звенигородской биологической станции Московского университета — зоологами И. А. Шиловым и Ю. М. Смирным и другими. В результате выяснилось, что запасы создаются исключительно осенью; во всех случаях предпочтение оказывается полевкам, но при низкой численности последних начинают добываться землеройки и, наконец, приходит очередь мелких птиц. Наиболее активно корм запасается после полегания побитой заморозками травы и до установления снегового покрова. Это свидетельствует, что решающим моментом в заготовке является степень доступности пищи. В течение зимы запасы служат дополнительным кормом и к февралю используются почти полностью. Судя по многолетним данным, птицы в запасах воробьиного сычика составляют примерно десятую часть, землеройки — треть, остальная доля приходится на мышевидных грызунов, в частности на полевков. Одна кладовая сычика может состоять из десяти-тридцати тушек, но встречаются и уникальные — по 80 и более жертв.

Зимний охотничий участок воробьиного сычика намного обширнее летнего. Именно на этом участке, который по размеру может достигать полутора квадратных километров, а по наблюдениям Б. З. Голодушко и Э. Г. Самусенко — и четырех, размещаются все кладовые сычика. Здесь, помимо дупел-складов, находятся еще и специальные дупла-столовые и дупла, используемые для отдыха. В первых запасается добыча, во вторых всегда много перьев и других остатков от трапез, в дуплах третьего типа нередко обнаруживается масса погадок. Все эти дупла, а возможно и охотничий участок в целом, бдительно охраняются владельцами.

Несомненный интерес представляет манера поедания воробьиным сычиком корма. В отличие от многих сов сычики, как правило, не заглатывают добычу целиком. Словно ястребы, они выбирают наиболее лакомые кусочки. Птиц сычики тщательно ощипывают, и поэтому в дуплах, где они кормятся, всегда скапливается ворох перьев. У грызунов стараются выесть мясо и не трогать кишечник, охотно заглатывают голову. При этом сычики явно предпочитают переднюю часть тела задней. Недоеденные мышцы порой как бы завертываются в шкуру, а не оставляются просто так, открыто.

Охотятся сычики, обычно поджидая добычу на ветке дерева. Если в пределах десяти метров появляется, например, полевка, сычик бросается на нее и с поразительной ловкостью настигает. Схватив жертву, он взлетает с ней вновь на ветку. Кстати, в этот момент к птице легко подойти совсем близко и даже поймать ее петлей, надетой на палку. Сычик скорее попадет в плен, чем бросит добычу и улетит. Но ловить и пугать его не стоит, а понаблюдать за ним очень заманчиво, тем более что такая возможность представляется нечасто.

ИГЛОНОГИЕ СОВЫ — NINOX

Большинство иглоногих сов сравнительно невелики. Их длина варьирует от 20 до 50 сантиметров. Обликом они напоминают соколов. Даже надклювье у них, как и у соколов, на нижнем крае имеет своеобразный зубец. Перьевые ушки отсутствуют. Само же ухо открывается небольшим круглым отверстием. Лицевой диск почти не выражен, а голова кажется маленькой и совсем несовиной. Оперение иглоногих сов достаточно плотное. Крылья и хвост длинные. Это позволяет им во время полета развивать высокую скорость и маневренность. Они редко подкарауливают добычу, чаще охотятся на лету. Многим из них кормом служат беспозвоночные. Однако отдельные наиболее крупные виды не только добывают мышевидных грызунов и мелких птиц, но нападают и на кроликов и опоссумов. Пальцы иглоногих сов покрыты редкими щетинкообразными перышками, что и послужило поводом для их названия.

Род Иглоногих сов включает 13—16 видов, распространенных преимущественно в джунглях юга восточного полушария. Многие из этих сов обитают на очень ограниченной территории. Например, два вида (*N. punctulata* и *N. perversa*) известны на острове Целебес, особый вид (*N. superciliaris*) населяет западную часть острова Мадагаскар и т. д. В фауне Советского Союза иглоногие совы представлены всего одним видом.

Иглоногая сова — *Ninox scutulata*. Эта сова обитает в лесах Юго-Восточной Азии от Индии и Шри Ланки до Японии, Индокитая и Индонезии. В нашей стране она встречается в Приморье.

Иглоногая сова некрупная птица. При размахе крыльев около 80 сантиметров взрослые особи едва ли весят 250 граммов. Радужина небольших глаз окрашена в желтый цвет. Клюв черный, слегка желтеющий к основанию. Когти темные, контрастирующие с желтоватой лапой. Общий тон оперения темно-бурый. Брюшная

сторона более светлая, с обильными каплевидными продольными пестринами, число и интенсивность окраски которых не всегда одинаковы у разных особей. Самцы нередко выглядят более темными.

Жизнь иглоногой совы в пределах Советского Союза до последнего времени оставалась неизученной. Первое упоминание о гнезде этой птицы принадлежит В. А. Нечаеву. Им 28 мая 1966 года под Владивостоком было осмотрено дупло и описана кладка в два яйца. Гнездо располагалось в дупле боковой ветви старой липы на высоте около двадцати метров (кстати, несколько раньше из этого же дупла была изъята кладка ошейниковой совки). Детальные наблюдения здесь не проводились. Кто из пары и сколько времени насиживает кладку, как выглядят птенцы и многое другое в биологии иглоногой совы так и осталось тайной. Занавес неизвестности нам удалось несколько приподнять в период работы в Приморском крае, где на протяжении девяти полевых сезонов мы неоднократно встречались с иглоногой совой.

Прилетают эти совы в Приморье в начале мая, когда ильмы, ясени и дубы стоят еще голыми и лишь черемухи да ивы начинают зеленеть. По-видимому, первыми появляются самцы. По крайней мере самки к это время на глаза попадаются весьма редко. Сначала голоса птиц слышатся на тех участках, на которых совы обитали в прошлые сезоны. Таким образом, можно предположить, что раньше возвращаются старые, уже размножавшиеся особи.

Призывный крик самца — многократно повторяемый со скоростью до пятидесяти выкриков в минуту двусложный звук «ух-ух». Этот крик настолько характерен, что с легкостью позволяет узнать иглоногую сову. Особенности голоса являлись поводом и для местных названий этой птицы. Так, удэгейцы нарекли ее «ухти-ухти», а орочены — «укку». В разгар тока самцы воспроизводят свое «ух-ух» по часу и более подряд, причем особенно активно с вечера и до полуночи. Затем следует перерыв, и вновь призывные, крики слышатся только под утро.

До появления на гнездовом участке самки самец часто меняет место, на котором токует. Обычно, прокричав около получаса на вершине одного ильма, птица пролетает две-три сотни метров и кричит вновь. При этом, однако, самец не отклоняется далеко в стороны, а как бы перемещается по кругу. С появлением же самки самец оказывается привязанным к очень небольшому участку, иногда буквально к двум-трем рядом стоящим деревьям, и дупле одного из которых впоследствии и будут отложены яйца. Самка, так же как и самец, «укает», но голос ее тише, ниже тоном, и кричит она реже. Призывный крик самки можно передать, как монотонное повторение двусложного звука «ых-ых». Иногда в ответ на голос близко подлетевшего к ней самца она хрипло урчит.

Если судить по голосам, то иглоногая сова в лесах Приморья не столь уж редкая птица. На Бикине, например, в радиусе до полукилометра нам доводилось слышать с одной точки призывные крики сразу двух-трех самцов. Правда, не везде равномерна плотность поселения этой совы. Так, в заповеднике «Кедровая падь» иглоногая сова значительно чаще встречается в глубине тайги, нежели на побережье океана. А. А. Назаренко полагает, что это связано с затяжными холодными туманами возле моря, во время которых лет насекомых резко снижается. Особенно охотно эти совы заселяют пойменный лес. Сюда их привлекают многоярусные насаждения, в которых наряду с громадными старыми деревьями, стоящими на некотором удалении друг от друга, имеются заросли кустарников. Явно тяготеют эти совы и к расчлененным протоками участкам пойменного леса.

Дупло, избранное для гнездования, почти всегда имеет свободный подлет, редко бывает глубже сорока сантиметров, и располагается оно так, что его не заливают дожди. Размер летка от пятнадцати до двадцати пяти сантиметров, сама же гнездовая ниша диаметром около тридцати сантиметров. Чаще всего такие дупла совы находят в стволах старых ильмов или тополей на высоте двенадцати-двадцати метров и используют из года в год.

По-видимому, дупла выбирают самцы. Об этом можно судить по тому, что с их стороны прикладывается максимум усилий, чтобы обратить внимание самки на выбранную нишу. В разгар тока, то есть примерно за неделю до откладки самкой яиц, самец каждую ночь по нескольку раз подлетает к дуплу, иногда забирается внутрь, высунувшись из летка, призывно кричит.

Именно у дупла в конце мая легче всего наблюдать за брачным поведением иглоногой совы. В это время птицы, как правило, день проводят поблизости от гнездового дупла в кроне одного из рядом стоящих деревьев, листва на котором уже распустилась. Около девяти часов вечера первой нарушает предночную тишину самка. Не слетая с ветки, на которой дневала, она начинает издавать странные низкие звуки вроде тихого воркования. Звук этот может быть передан, как заунывное повторение слогов «ыуу—ыуу—ыуу...», длящееся до двух минут. Начав ныть чуть слышно, самка с каждым последующим звуком усиливает голос, одновременно убыстряя ритм повторения слогов. При этом пища, как бы, наконец, раззадорив себя, внезапно переходит на исполнение видового призывного крика. Это, по существу, и есть брачная песня иглоногой совы. На голос самки тут же откликается самец, и обе птицы некоторое время поют одновременно. Однако слаженного пения у них не получается, каждый из них поет свою песню; самец многократно повторяет призывный крик, в песне же самки, о чем уже говорилось, существенную роль играет продолжительное воркование.

В брачном поведении, помимо голосовых сигналов, заметное место занимает ритуал кормления самки самцом. Оно осуществляется также в основном поблизости от присмотренного птицами дупла. Нередко с помощью корма самец привлекает самку в дупло. Самка воспринимает кормление как должное, явно проявляя признаки ложной инфантильности, упорно остается на месте в ожидании пищи, чем задолго до насыщения и появления птенцов приучает самца регулярно прилетать к ней с кормом.

Эффектных движений во время токования у иглоногих сов нет. Самец «укает», обычно стоя на ветке, подняв тело вертикально, лишь чуть приседая от натуги. Самка во время воркования держит тело горизонтально и, лишь перейдя на уханье, несколько приподнимается. Даже находясь на близком расстоянии друг от друга, птицы почти не проявляют своего возбуждения внешне. Все это говорит о том, что иглоногая сова истинно ночная птица и поведение особей рассчитано прежде всего на восприятие друг друга слухом, а отнюдь не зрением.

За пять-шесть ночей до начала кладки, с вечера, после непродолжительного токования, тут же на ветках происходит спаривание, сопровождающееся верещанием самца и резкими высокими выкриками самки. Непосредственно спаривание продолжается пятнадцать-двадцать секунд. Примерно через четверть часа оно может повториться. Затем птицы срываются с ветки и начинают охотиться. Временами они возвращаются к дуплу, призывно кричат и снова уносятся прочь, и тогда из темноты леса слышится резкий, напоминающий кошачий, выкрик — это, угрожая всем, кричит на лету возбужденная самка. Так ведут себя птицы по крайней мере три-четыре ночи подряд. Затем наступает спад весенней активности. Покрытая самка теперь уже почти

не воркует, а лишь призывно кричит. Она все реже и реже охотится сама, и все чаще ее кормит самец. Приближается время откладки яиц.

53. В делях Уссурийского края обитает иглоногая сова (*Ninox scutulata*). Внешне она напоминает не крупную дневную хищную птицу, хотя ведет сугубо сумеречный и ночной образ жизни. То же.

54. Иглоногая сова — дуплогнездник. Она занимает неглубокие сухие дупла старых ильмов, тополей, лип или дубов, где прямо на древесную труху откладывает три, реже два или четыре яйца. Там же, 5 июня 1970 г.

55. На двадцать восьмую ночь из яйца вылупляется первый птенец. Вслед за ним с интервалом в двое суток появляются и остальные совята. Они слепые, с закрытыми ушными отверстиями и белесым яйцевым зубом на вершине темного клюва. «Зуб» помогает птенцу разбить скорлупу и вскоре отпадает. Там же, 2 июля 1970 г.

56. На пятнадцатую ночь после вылупления совят не узнать. Они уже далеко не беспомощны. Если теперь заглянуть к ним в дупло, они дружно устрашающе зашелкают клювами, зашипят и при этом еще начнут покачиваться. Там же, 17 июля 1970 г

57. На двадцатую ночь совенки не только почти полностью покрываются пуховыми перьями, но и приобретает тот «мудрый» вид, который столь характерен для сов вообще. Там же, 22 июля 1970 г.

58. Лишь на притихший лес наползет вечерняя мгла, как оживляются иглоногие совы: из дупла раздается призывный стрекот проголодавшихся за день совят и, как бы внемля ему, взрослые птицы почти поминутно подлетают к летку с кормом. Там же, июль 1975 г.

59. Основная пища иглоногой совы — насекомые, преимущественно ночные бабочки. Их сова ловит на лету лапами, но перед тем как оказаться у дупла с птенцами, обязательно переложит добычу в клюв. То же.

61. На рассвете, когда температура воздуха заметно падает и лет насекомых почти прекращается, иглоногая сова нередко добывает мелких воробьиных птиц. То же.

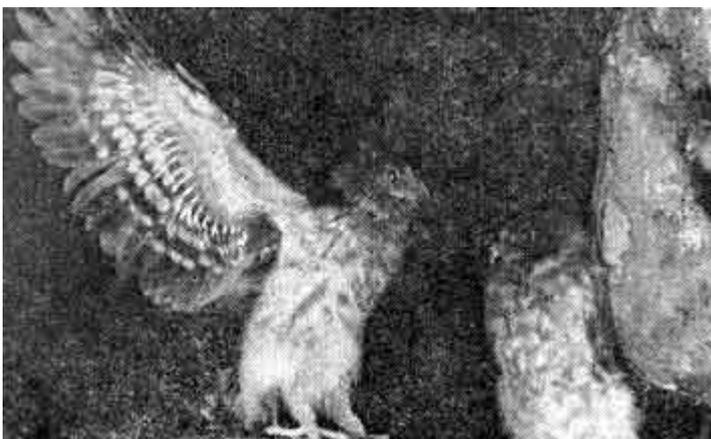
60. Если бабочка небольшая, как эта ленточница, она будет передана птенцу целиком. У крупных бабочек, артемид, или бражников, сова, как правило, отрывает крылья. То же.

62. Иглоногая сова — ас ночного неба. Даже летучие мыши, за стремительным полетом которых бывает трудно уследить, становятся жертвами этого «сокола» ночи. Но как и на птиц, сова нападает на них лишь тогда, когда почему-либо перестают летать бабочки. То же.

63. На двадцать пятые — двадцать седьмые сутки птенцы иглоногой совы покидают дупло. Однако первую ночь они проводят обычно возле него, не рискуя перелететь даже на соседнюю ветку. То же.

64. Здесь, на суку возле родного дупла, в ожидании родителей с кормом совыята готовятся вступить в большую жизнь — тренируют крылья. То же.

65. Наконец наступает ночь, когда соенок перепархивает на соседнее дерево и сразу же оказывается в новом, неизвестном еще ему мире. Там же, 28 июля 1975 г.

66. После вылета птенцов из дупла забот у взрослых иглоногих сов ничуть не уменьшается. Еще не одну неделю старые птицы будут кормить и охранять молодых. То же.

В конце мая — первых числах июня с интервалом в 48 часов в дупле прямо на древесную труху самка откладывает 3, реже 2 или 4 яйца. Судя по осмотренным нами трем кладкам, размеры яиц варьируют в пределах 38—40x33—35 миллиметров. Вес яйца около 20—23,5 грамма. Форма в большинстве случаев эллипсоидная, скорлупа белая, слегка блестящая. Свежеснесенное яйцо матово-белое.

К насиживанию самка приступает сразу же после откладки первого яйца. С этого момента она почти не покидает дупла. Самец днюет по-прежнему поблизости.

Ежедневно в 20 часов 45 минут (± 10 минут!) он тихо издает свой призывный крик. В ответ самка оставляет дупло. Какое-то время обе птицы сидят рядом на излюбленном сучке и, как бы оказывая друг другу внимание, тихонько урчат. Иногда самец вызывает самку из дупла, прилетев уже с добычей, и кормит ее. После этого птицы срываются с ветки и начинают охотиться. Еще через полчаса самка возвращается в гнездо. В течение ночи самец несколько раз кормит самку. Второй раз она прерывает насиживание в предрассветных сумерках. Таков уклад жизни супружеской пары в течение 28 ночей, пока в дупле не появятся птенцы.

Только что вылупившийся птенец иглоногой совы весит около 16 граммов. Он покрыт густым, высотой 7—8 миллиметров, белым пухом, сквозь который местами просвечивает розоватая кожа. На затылке, лбу, у основания клюва, а иногда и на плечах пух имеет едва различимый оливковый оттенок. Пушинами более или менее равномерно покрыто все тело совенка, за исключением боков под крыльями. Лапа, кроме подошвы и пятки, также опушена, правда пух на пальцах сравнительно редкий. Восковица светло-желтоватая. Клюв и когти отливают стальной синева. Вершину клюва венчает белый яйцевой зуб.

Однодневные птенцы лежат молча, и лишь неудобство позы или чрезмерное остывание заставляют их жалобно пищать. Кстати, такой писк можно уловить и тогда, когда соенок еще находится в яйце и лишь набирает силы, чтобы разбить скорлупу.

На четвертую ночь от роду птенцы, заметно окрепнув, начинают регулярно подавать голос. Если приложить ухо к дуплу, то можно услышать, как совята, словно дятлята, дружно сверчат. Каждый из них воспроизводит короткую трельку, что-то вроде «чирр». Звук этот длится около трех секунд, потом следует пауза на одну-полторы секунды, и снова, как бы набрав в легкие воздух, соенок выдыхает свое дребезжащее «чирр». Для сверчения характерен не только определенный ритм, но и слаженность голосов. У озябших совят частота крика значительно меньше и звучит он более пискляво. Но пищат они редко, поскольку самка почти все время находится в дупле и обогревает птенцов. К концу четвертых суток сомкнутые веки глаз иглоногих совят начинают приоткрываться.

На восьмую-десятую ночь, когда птенцы весят около 80 граммов и уже прозрели, самка, вылетая на охоту, отлучается на более продолжительное время. Теперь чтобы услышать верещание совят, совсем незачем влезать на дерево. Его улавливаешь и с земли. В этом же возрасте к птенцам приходит первое чувство осторожности. Когда заглядываешь в дупло, они затаиваются, а если убедятся, что их обнаружили, принимаются раскачивать головами, почти так же как и птенцы вертишеек в минуту опасности. Сквозь поредевший пух у десятидневных птенцов на груди, плечах и крыльях интенсивно пробиваются бурые пуховые перья.

На пятнадцатую ночь совята выглядят вполне солидно. Если их берешь в руки, то они отчаянно защищаются и злобно щелкают клювами. Пальцы ног птенцов к этому времени лишаются опушения. Темно-бурое пуховое оперение занимает большую часть тела. От сочетания его с еще обильным белесым пухом совята кажутся сизыми. Хорошо различимы перья будущих крыльев. При длине пенька пера в 3,5 сантиметра опахала первостепенных маховых достигают уже 1,5 сантиметра. Намечается и хвост: трубки рулевых перьев имеют длину около сантиметра. Вес каждого совенка в это время в одном из выводков был 93, 107 и 120 граммов.

В двухнедельном возрасте заметно меняется поведение совят. Они теперь уже не сидят постоянно на дне дупла, а то один, то другой выбираются на край летка. Отсюда

хорошо видно, как подлетают родители, и здесь легче перехватить первым принесенный корм. Кроме того, птенцы оказываются способными проявлять эмоции. Их верещанье начинает отражать разнообразные состояния: у голодных оно требовательное, по мере же насыщения становится все более вялым, тихим, умиротворенным. При возбуждении голос птенца нередко срывается на высокой ноте — высвистывается что-то вроде резкого «уий», напоминающего выкрик самца свиязи. Клич этот слышен в разгар распрей, которые теперь то и дело возникают из-за места у летка.

На двадцать пятые—двадцать седьмые сутки, набрав вес 145—160 граммов, птенцы покидают дупло. В это время они уже почти полностью покрыты мягкими перьями, со многих из которых белые пушины первого птенцового наряда обтерлись. Правда, хвост еще совсем короткий и продолжает интенсивно расти. Окраска оперения молодых птиц значительно менее пестрая, чем у взрослых иглоногих сов. Верх тела и крыльев однообразно темно-бурый, грудь серая с едва проступающим бурым поперечным рисунком.

Покидающие дупло совы способны не только перепархивать с ветки на ветку или с дерева на дерево, но и преодолевать небольшие поляны, не теряя высоты. Но иногда совенку все же не хватает сил долететь до намеченного места. Тогда он поспешно пытается сесть на первую попавшуюся присаду и нередко падает с нее. Цепляясь за что попало лапами и помогая себе клювом (опираясь подбородком), он отчаянно размахивает крыльями и, наконец, с видимым трудом усаживается на ветку. Оказавшись же на нижних суках дерева, соенок сразу устремляется в крону. Он цепляется когтями за неровности коры, помогает себе крыльями. Такое восхождение требует от молодой птицы больших усилий, и она через каждые полметра-метр повисает на стволе для отдыха.

Птенцы не сразу и одновременно покидают дупло. Первым выбирается на ближайший сук старший из них. Здесь он встречает родителей и, быстро насытившись, иногда возвращается обратно. Иногда же он просто отодвигается в сторону, предоставив возможность родителям накормить и остальных птенцов. На следующую ночь дупло покидает второй соенок и т. д. Несмотря на то, что птенцы вылуплялись по одному через ночь, из дупла они вылетают друг за другом каждую ночь. И дело здесь, по-видимому, не в разной скорости развития старших и младших птенцов, а в поданном примере.

Обычно совы две-три ночи проводят в кроне родного дерева, прежде чем решатся перелететь на соседнее. С этой поры нарушается слаженность подачи голосов птенцами: теперь слетки, словно древесные цикады, сверчат каждый со своего места. И если раньше, подавая этот сигнал, они обращали свой взор лишь на светлеющее пятно летка, откуда появлялись родители с кормом, то теперь, прохаживаясь по веткам взад и вперед, постоянно поворачиваются, отчего звук направляется в разные стороны.

Жизнь вне дупла требует от совят не только осторожности, но и решительности. Это заметно по выражению «лица» совенка. Так, если он недоволен чьим-то приближением, то перья на лбу плотно прижимаются и одновременно оттопыриваются перья на затылке и шее. При этом соенок становится похож на хищную птицу — не то на гарпию, не то на луня, то есть приобретает вид достаточно свирепый. Обороняясь даже от крупного противника (человека!), соенок нередко сам бросается в атаку. Имеется в арсенале защиты молодой совы и похожая на классическую, но не столь эффектная, как, например, у филина, поза угрозы. Иногда соенок припадает к земле или ветке, распластав крылья в горизонтальном направлении, — это по существу

последняя надежда на устрашение. Такую позу соенок принимает, когда ему особенно страшно, а путь к отступлению невозможен. Во всех случаях устрашение врага мимикой или движениями дополняется шипением и щелканьем клювом.

Момент вылета птенцов — одна из важных вех в гнездовой жизни иглоногих сов. Он влечет за собой резкое изменение поведения не только молодых птиц, но и родителей. Если раньше, тревожась за беспомощных совят, они смело атаковали человека, то сейчас стремятся прежде всего отвлечь его внимание на себя и одновременно увести выводок подальше в сторону. В такие моменты особенно легко убеждаешься, что голосовые возможности иглоногой совы не так уж ограничены. Помимо «ух-ух», произносимого при тревоге в четверть силы, в зависимости от степени опасности родители издадут гнусавое «уээ» или более звонкий его вариант — «эуу»; при возрастающем беспокойстве подается сигнал «урр-уррр» или «ррууу-руу»; реже в темноте кто-то из родителей принимается протяжно ныть: «ыыыы». В ответ на эти сигналы птенцы замолкают и затаиваются, а при затянувшейся тревоге постепенно улетают подальше от опасного места. Отбоем тревоги чаще всего служит громкий призывный крик, испускаемый самцом.

Иглоногая сова — весьма специализированная в отношении питания птица. Отличные летные качества обеспечивают ей возможность успешной охоты в лесу. Вот как она обычно происходит. Выбрав высокое дерево, птица присаживается на его вершину или выступающий сухой сук. Однако долго она здесь не остается и в следующий миг ныряет в гущу крон, проносится, словно ястреб, настигающий жертву, между деревьями, после чего с бабочкой в когтях деловито усаживается на ближайшее высокое дерево. Если ею были пойманы крупный бражник или артемида, то здесь же на дереве она обрывает у них крылышки, а тушку съедает либо, переложив из лап в клюв, доставляет птенцам. Пища иглоногой совы на девять десятых состоит из крупных бабочек и других летающих насекомых. Птенцам, за которыми нам довелось наблюдать, родители чаще всего приносили совок, бражников, затем медведиц, артемид и других ночных бабочек, а также стрекоз. В «Кедровой пади» мы были свидетелями, как эти совы ловили насекомых, слетающихся к фонарю, освещающему территорию усадьбы. Стоящие тут же люди сов несколько не смущали.

Однако в питании иглоногой совы существенное место занимают и позвоночные. Нередко, и прежде всего во вторую половину ночи и перед восходом солнца, эти совы охотятся на слетков воробьиных птиц, ночующих в кустах или в кронах, в стремительном полете настигают летучих мышей и даже добывают мышевидных грызунов, которых схватывают с земли, молнией проносясь над самой травой. И это представляется нам не случайным. Только благодаря способности добывать разнообразный корм иглоногая сова в состоянии начинать размножение уже в мае, несмотря на то, что в это время в уссурийской тайге крупных насекомых, в частности бабочек, еще мало. Да и летом в предутренние часы, особенно после холодной ночи, большинство насекомых прекращает лет и совы вынуждены искать иной корм. Здесь же заметим, что мелких птичек эта сова доставляет к гнезду не только обезглавленными, но и частично ошипанными. На это мы обращаем специальное внимание, поскольку для подавляющего большинства сов такие действия нехарактерны и свойственны лишь хищным птицам. Однако по сравнению с ними иглоногая сова ошипывает жертву весьма неаккуратно: она выдергивает только наиболее крупные перья крыльев и хвоста и лишь частично контурные перья с тела. Такую добычу взрослая птица обычно заносит в дупло и, терзая ее там, наделяет птенцов кусочками мышц, одновременно проглатывая сама все грубое и трудноперевариваемое.

Если ориентироваться на число прилетов взрослых птиц с кормом к гнезду, то

можно сделать вывод, что на протяжении ночи для иглоногой совы характерны два основных пика активности с двух-трехчасовым полуночным перерывом. Можно отметить, что если вечерние сумерки используются этими совами далеко не полностью (интенсивное кормление птенцов начинается лишь спустя полчаса после захода солнца), то утром птицы иногда охотятся до пяти часов, то есть и после восхода солнца. Пища доставляется птенцам далеко не через равные промежутки времени. Обычно после трех-четырех прилетов, следующих один за другим, взрослые птицы исчезают на тридцать-сорок минут, вероятно, чтобы покормиться самим. Максимальное число прилетов с добычей — более тридцати, наблюдается вечером с девяти до десяти. Утром охота наиболее интенсивна с половины четвертого до половины пятого. За столь непродолжительный период птицы успевают побывать у гнезда более двадцати раз. Примечательно, что этим же часам в общем соответствуют пики активности птенцов и время наиболее интенсивной брачной переклички взрослых сов.

Выводки сохраняются весь август, а в сентябре начинается отлет. Последние птицы, как полагает К. А. Воробьев, покидают нашу страну в первых числах октября.

СЫЧИ — ATHENE

Сычи — небольшие совы плотного телосложения, без перьевых ушек, со сравнительно четко очерченным лицевым диском. Из-за короткого хвоста их крылья кажутся длиннее, чем есть на самом деле. Оперение ног варьирует: у южных форм пальцы покрыты щетинками, у северных — оперены до когтей.

Известны два вымерших вида сычей и три вида, ныне входящих в состав рода. Современные виды встречаются лишь в восточном полушарии.³ Южноазиатский (*A. brama*) и домовый (*A. noctua*) сычи живут главным образом в открытых ландшафтах, включая пустыни; охотно гнездятся они и в населенных пунктах. Индийский сыч (*A. blewitti*) — лесная птица. В Советском Союзе обитает только домовый сыч.

Домовый сыч — *Athene noctua*. Из всех сычей этот вид распространен наиболее широко. Он населяет западную часть Европы, Северную Африку и почти всю Южную Азию. На территории нашей страны домового сыча можно встретить в ее южной половине от западных границ до Забайкалья. Он гнездится на равнине и в горах на высоте до трех тысяч метров. Птицы, живущие на севере ареала, явно тяготеют к культурному ландшафту, на юге — к открытым пространствам степей, полупустынь и пустынь. Численность вида в целом высокая, а местами он просто обилен.

Есть ряд признаков, которые выделяют домового сыча из других наших некрупных сов. Так, от совок он отличается частично оперенными пальцами и отсутствием «ушек», от мохноногого сыча — продольными пестринами на голове и более плотным оперением, от воробьиного сычика — значительно превосходящими размерами. Нижняя часть лицевого диска у домового сыча плавно переходит в оперение шеи. Общий тон окраски сыча буроватый с оливковым оттенком. Птицы, обитающие в пустынях, нередко бывают рыжевато-песочного цвета. Кстати, у этих сычей лапа часто оказывается оперенной более сильно, хотя две трети длины пальцев и у них остаются голыми. Когти во всех случаях темно-бурые. Клюв светлый, слегка желтоватый. Радужина желтая, причем наиболее яркая у старых птиц. Есть что-то

³ Многие орнитологи к роду *Athene* относят также американского сыча (*Speotyto cunicularia*), встречающегося в Северной Америке, Флориде и Восточной Индии и ведущего сходный с южноамериканским и домовым сычами образ жизни.

особенное во взгляде домового сыча: смотрит он будто бы исподлобья. Похожий взгляд у дневных хищных птиц, чьи глаза спрятаны как бы под надбровными дугами.

Половой диморфизм в размерах особей домового сыча выражен очень слабо — все они весят около 180—200 граммов.

Там, где сычей не преследуют, они спокойно подпускают человека на десять-пятнадцать метров. Днем эту сову можно увидеть либо отдыхающей в укрытии, либо сидящей на камнях, телеграфных столбах, проводах, постройках и очень редко на деревьях. При приближении людей сыч начинает забавно кланяться и раскачиваться из стороны в сторону. Будучи испугнутым, он стремительно срывается и летит низко над землей до следующей удобной присады. При встрече с противником, не столь большим и серьезным, как человек, домовый сыч поступает иначе: сперва он тарашит глаза, затем резко кланяется и не менее быстро выпрямляется. Так он пугает врага.

Обращает на себя внимание домовый сыч и голосом, которым природа оделила его достаточно щедро. От сыча можно услышать и приятный низкий свист, и, иногда, странный лай, который днем удивляет человека, а ночью заставляет насторожиться. Самцы часто выкрикивают что-то вроде «ку-вить, ку-вить» с ударением на последнем слоге. Этот же сигнал воспроизводится при опасности. Обеспокоенная самка издает серию резких звуков: «чек-чек-чек...», напоминающих тревожный крик перепелятника. Кроме того, особенно в брачную пору, на участке, где обитает сыч, слышится низкое, протяжное, несколько гнусавое гуканье. Этим звуком сова извещает о своем пробуждении. С ним же она вылетает на охоту. Гуканье сыча выражает также малую степень его беспокойства. Повторение же звука со скоростью четырнадцати криков в минуту есть не что иное, как брачная песня. Во всех случаях голос домового сыча не столь глубокий и низкий, как у других сов, и как бы более печальный. Не зря киргизы называют эту сову «байкуш», что означает «бедный» или «нищий».

Домовый сыч ведет оседлый образ жизни. Лишь особи, обитающие в высокогорье, возможно, совершают сезонные вертикальные перемещения, хотя не совсем ясно, участвуют ли в них птицы, ранее размножившиеся, то есть уже выбравшие себе участки. Молодежь объединяется в пары в декабре-январе после непродолжительных осенних кочевков. Пары, по-видимому, постоянные.

Гнезда сычи устраивают в различных укромных местах: на обрывах, в щелях скал, нишах или нагромождениях камней. Одним из любимых мест гнездования являются норы больших песчанок и тонкопалых сусликов. Возможно, что иногда сыч выкапывает убежище или модернизирует найденное, так как нора ему нужна весьма глубокая, длиной один-два метра при диаметре примерно в пятнадцать сантиметров. Кладка размещается в гнездовой камере, которая в поперечнике имеет чаще всего около тридцати сантиметров. Занятую сычами нору, например на обрыве, нетрудно опознать по белой от помета стене. Вполне вероятно, что одна пара занимает несколько нор, которые использует для вывода птенцов поочередно. Если в местности встречаются одинокие дуплистые деревья, то гнезда сычей удастся обнаружить и в дуплах. Так, на юго-востоке Казахстана В. Н. Шнитников находил кладки и птенцов домового сыча в дуплах туранги.

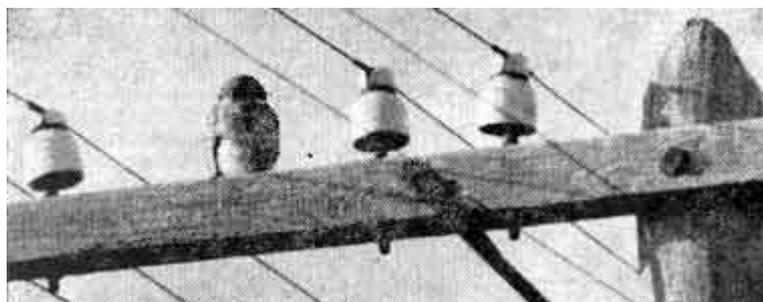
В антропогенном ландшафте также немало удобных для гнездования мест. Сычи поселяются в кучах хвороста, которым на юге накрывают могилы, в стенках арыков, колодцев, под крышами зданий, в недействующих дымоходах и т. д. При этом поражает, насколько тесен может быть контакт совы с человеком. Так, в 1953—1956 годах домовый сыч неоднократно выводил птенцов на здании химического факультета

Московского университета на Ленинских горах. Масса примеров тесного сожительства сычей с людьми известна и на юге страны. Например, в Мургабском районе Туркмении Э. Н. Голованова находила их гнезда на чердаке склада сельскохозяйственной техники, где днем постоянно работали люди, под крышей летней эстрады, с которой по вечерам регулярно демонстрировались кинофильмы, и, наконец, на чердаке гостиницы, куда птицам приходилось летать через веранду, почти всегда заполненную людьми. Но, конечно же, сычи наиболее охотно занимают постройки, расположенные не на столь бойких местах, а именно возле полевых станков, хуторов и ферм. В таких случаях поселение сычей, помимо удобства гнездования, можно объяснить и изобилием пищи — навозных жуков скарабеев, которыми нередко кормятся самки, не отлетающие в период насиживания далеко от гнезд.

Домовый сыч охотно занимает и искусственные гнездовья. Так, в Молдавии неоднократно обнаруживали гнезда этих сов в дуплянках для куниц. В специальной выстилке сычи не нуждались, а откладывали яйца, как правило, на замусоренный дощатый пол. Правда, в отдельных случаях птицы все же проявляют примитивные гнездостроительные способности. В их жилищах иногда находят подстилку из сухих стеблей полыни или материалов другого рода. Однако привлекать сычей в любой местности все же целесообразнее не развешиванием дуплянок, а созданием наземных убежищ, например, как рекомендует Т. М. Соснихина, цементированных куч камней.

К гнездованию домовый сыч приступает, как и многие совы, с самого начала весны. Брачный крик самцов в большинстве районов страны к концу марта достигает апогея. В апреле происходит откладка яиц, хотя свежие яйца можно встретить порой и в июне. Вероятно, это повторные кладки, отложенные после гибели первых. Полная кладка включает 4—5, реже 6 яиц. На юге ареала она несколько больше — 5—6 и даже 8 яиц. Рекордная по величине кладка — 9 яиц — была найдена на юге Казахстана в пустыне Кызылкум Е. П. Спангенбергом. Скорлупа яиц белая, мелкозернистая. Размер их 33—35X28—30 миллиметров, вес около 16 граммов. У птиц, обитающих в жаркой и засушливой местности, яйца в среднем чуть мельче.

В отличие от большинства сов домовый сыч, по-видимому, начинает регулярный обогрев яиц, лишь закончив или почти закончив кладку. По крайней мере на двадцать восьмую ночь после ее завершения практически в течение суток вылупляются чуть ли не все птенцы. Это же характерно и для птиц, размножающихся в неволе. Кстати, здесь они приступают к размножению не ранее как в трех-четырёхлетнем возрасте. В неволе насиживают лишь самки.

67. В центральных и южных областях Евразии, на север до Латвии, Московской и Оренбургской областей, Южного Казахстана, Алтая и Забайкалья, рядом с человеком часто живет домовый сыч (*Athene noctua*). Размером он с телеграфный ролик. Туркменская ССР, май 1972 г. Фото Э. Н. Головановой.

68. Домовому сычу, особенно молодой птице, совсем не свойственно затаивание, столь характерное для сов. Вот и сейчас сыч внимательно оценивает обстановку, и если ему покажется что-нибудь подозрительным, он, словно мышь, юркнет под дом. То же. Фото Э. Н. Головановой.

69. Домовый сыч нередко поселяется в старых постройках. На этом снимке видно, как из щели под крышей выглядывают его птенцы. То же. Фото Э. Н. Головановой.

70. Сохраняя тело относительно неподвижным, совыта могут вращать головами в самых разных направлениях. Полагают, что подобные движения связаны с лоцированием звуков. То же. Фото Э. Н. Головановой.

71. Домовый сыч — смелый и ловкий хищник. Порой его жертвами становятся даже крупные тушканчики. Не в силах подняться в воздух с такой добычей, он волоком тащит ее к гнезду. То же. Фото Э. Н. Головановой.

72. Нередко домовый сыч охотится и на насекомых, оказывая предпочтение крупным жукам — чернотелкам и навозникам. То же. Фото Э. Н. Головановой.

Однодневный птенец весит немногим более 10 граммов. Он весь покрыт белым пухом и похож не на птицу, а на два пушистых шарика, соединенных тонкой перемышкой-шейкой. Птенцы вылупляются с закрытыми глазами и, по свидетельству Оскара Хайнрота, с несколько приоткрытыми ушными отверстиями. На вторую ночь жизни они уже пытаются чиститься. За первую неделю совыта набирают еще 30 граммов, в двухнедельном возрасте они весят 120, а к концу месяца — 170—180 граммов, то есть почти столько, сколько взрослые особи.

Интересно, что прозревают птенцы очень нескоро—лишь на десятую ночь. Связано это, возможно, с тем обстоятельством, что совыта в своих гнездах-норах сидят почти в полной темноте, и зрение им в это время практически ненужно, тем более что о приближении родителей они узнают на слух.

В возрасте около месяца птенцы начинают высовываться из гнезда, но при первой же опасности или в ответ на тревожный крик взрослой птицы они исчезают в норе. Сычатам почти несвойственно затаивание, к которому прибегают птенцы других сов. По-видимому, в большей степени они рассчитывают на неприступность своего гнезда, нежели на возможность остаться незамеченными.

В ожидании родителей проголодавшиеся птенцы издают тихий, несколько хриплый звук «зипи». Слетки, требуя корм, мелодично свистят. У самки эта голосовая реакция сохраняется пожизненно. Ею она призывает самца, когда хочет получить от него корм.

Промежуточный наряд молодых домовых сычей мало отличается от окончательного, разве что он чуть пушистее и серее. На пятой неделе это одеяние интенсивно заменяется пером. В таком возрасте молодые весьма похожи на взрослых птиц. Очень скоро они начинают летать и покидают гнездо навсегда. Однако вплоть до августа выводки не распадаются.

Домовый сыч — исключительно ловкий и смелый хищник. Е. П. Спангенберг в своих «Записках натуралиста» описал, как два сыча, действуя слаженно, за несколько секунд умертвили крупную серую крысу, наглядно продемонстрировав таким образом свое охотничье искусство. Эта небольшая, но бесстрашная птица обращает в бегство даже кошек. Кстати, в отличие от многих сов домовый сыч поражает компактностью и плотностью сложения. Мышцы ног, как подметил Б. К. Штегман, у сыча несоразмерно сильны. Особой мощи достигают мышцы-сгибатели пальцев. Это позволяет сычу не только успешно охотиться на больших песчанок, (вес этого грызуна достигает двухсот-трехсот граммов), но и перетаскивать их в свое убежище. Можно прямо сказать, что среди дневных и ночных хищных птиц одинаковых с сычом размеров он не имеет себе равных по силе и способности справляться со сравнительно крупными животными.

Особенно активен домовый сыч в сумерках, с вечера до полуночи, и утром. Но нередко его можно встретить на промысле и днем. По манере добывания корма это весьма пластичный вид. Иногда сыч подолгу подкарауливает жертву, причем кидается на нее, как правило, лишь тогда, когда та останавливается. А бывает и так, что он настигает добычу на бреющем полете. Охотится он и на лету, как это делают совки, или разгуливая по земле. Характерные его следы — три пальца вперед, один назад — порой можно увидеть утром на пыли дорог. Бродя по земле, сычи собирают дождевых червей,

которых, как указывают натуралисты, эти птицы не так уж и редко употребляют в пищу. Здесь же заметим, что, как и совки, сыч способен поднести схваченную добычу к клюву и съесть ее, не нагибая головы.

С необычайной ловкостью домовый сыч проникает в любые узкие щели и ходы. Эту его особенность долгое время связывали лишь с гнездовым инстинктом. Однако Б. К. Штегману в Южном Прибалхашье удалось доказать, что сычи часто и охотятся в норах. Выяснилось это, когда несколько сычей попало в капканы, поставленные на большую песчанку у нор. В желудках пойманных сычей было обнаружено мясо песчанок. Так как птицы попадали в капканы ночью, когда зверьки спали, то можно было заключить, что ночью, пробираясь в норы, сычи умерщвляли и поедали грызунов. Возможно, что и сильный износ перьев у особей восточного подвида домового сыча связан с таким именно способом охоты. Натуралистов всегда поражал вид этих сычей — истрепанные перья их, лишившись опахал, словно иглы торчат на голове, шее и плечах. Это особенно хорошо видно, если взять птицу в руки.

Как манера охоты, разнообразна и добыча домового сыча. Об этом можно судить по составу погадок, которых немало скапливается в укромных местах, где отдыхают сычи. Правда, погадки (их диаметр около 1,5 сантиметра при длине 4—6 сантиметров) отрыгиваются в основном взрослыми особями, птенцы же до трехнедельного возраста усваивают пищу почти целиком. Поэтому анализ погадок раскрывает нам пищевые связи прежде всего взрослых сычей. К этому можно добавить, что в погадках сохраняются остатки далеко не всякого корма. Например, практически бесследно исчезают в утробе домового сыча дождевые черви. И все же, разбирая погадки, можно узнать многое. Приведем несколько примеров.

Исследовав около трехсот погадок домового сыча, собранных в августе — сентябре в Западном Казахстане, Т. Н. Дунаева и В. В. Кучерук установили, что примерно четыре пятых из них содержали остатки насекомых, в основном жукелиц, навозников, чернотелок. Неперевариваемые части млекопитающих, преимущественно полуденной песчанки и домовой мыши, реже землероек, были найдены в семидесяти процентах погадок, а остатки рептилий — в шестнадцати. Другие животные попадались изредка. Примечательно, что обычных в этих местах тушканчиков сычи ловили нечасто, тогда как редких бурозубок добывали более или менее регулярно.

Почти шесть тысяч погадок в 1954—1963 годах разобрали в Заунгузских и Центральных Каракумах, в Копетдаге и Бадхызе А. Н. Сухинин, Г. С. Бельская и И. В. Жернов. Ими млекопитающие, преимущественно грызуны, были обнаружены почти в семидесяти процентах случаев. Чаще всего сычи употребляли в пищу афганскую полевку, затем серого хомячка, домовую мышь и полуденную песчанку. Из млекопитающих, кроме того, обнаружены ушастый еж, землеройки, летучие мыши и иные животные. Птицы были найдены только в шести процентах погадок. Это — розовый скворец, жаворонки, домовый воробей и наиболее крупная добыча из птиц — сизоворонка. Частота встречаемости остатков насекомых, в основном жуков, близка к половине случаев, а паукообразных — к четырнадцати процентам. Установлено, что доля млекопитающих в рационе сыча возрастает от весны к августу — декабрю. Птиц сычи ловят преимущественно в июне — июле, насекомых — в мае — июле.

В северо-западном Прикаспии, по материалам А. Н. Павлова, основу корма домового сыча составляют также млекопитающие, в частности грызуны. Но здесь интересно другое: если вдали от моря на птиц в рационе сычей приходилось только шесть процентов случаев, то осенью в погадках с побережья этот показатель поднялся до восьми-десяти процентов. Дело в том, что в это время на взморье появляется масса

пролетных воробьиных птиц, на которых сычи и охотятся. В Туркмении, возле Репетека, в Восточных Каракумах, по наблюдению О. С. Сопыева, домовые сычи явно специализируются на добыче большой песчанки. Из беспозвоночных, помимо жуков и других насекомых, они часто ловят скорпионов и фаланг. В Узбекистане, по данным Г. И. Ишунина, пища сыча состоит, как правило, из мышевидных грызунов, остатки которых встречаются почти в каждой погадке (98 процентов), и беспозвоночных (80 процентов), среди которых также были обнаружены скорпионы и фаланги.

Таким образом, несмотря на большое разнообразие жертв домового сыча, можно сказать, что главным его кормом повсеместно являются грызуны и насекомые. И нет сомнений в том, что домовый сыч — очень полезная птица.

Летом и осенью сычи иногда запасают пищу впрок. Однако таких крупных складов провизии, как у воробьиного сычика, у этой совы не бывает. Запасы домового сыча — всего лишь навсего остатки очередной трапезы, то есть недоеденные тушки песчанок или тушканчиков, которые насытившийся хищник заталкивает поглубже в разные ниши и щели и возвращается к ним в случае неудачной охоты.

НЕЯСЫТИ — STRIX

Неясыти — совы крупной и средней величины. У них даже издали хорошо заметен лицевой диск, а круглая и кажущаяся большой голова лишена перьевых ушек. Ушные отверстия асимметричны и почти полностью прикрываются кожистой перепонкой. Обращает на себя внимание и клюв неясытей: он высокий, как бы сжатый с боков, часто желтоватого цвета. Оперение рыхлое, светло-серое, с бурыми пестринами, реже преобладают ржаво-буроватые тона. Крылья широкие и одновременно сравнительно большие. Однако закругленный на вершине хвост всегда оказывается длиннее сложенных крыльев. Лапы у неясытей обычно густо оперены, и лишь пальцы у некоторых южных видов могут быть более или менее голыми.

Несмотря на крупные размеры (от 30 до 70 сантиметров в длину), неясыти в общем птицы легкого телосложения и далеко не столь сильны, как можно было бы думать. Об этом свидетельствуют и сравнительно слабые лапы, хотя они и с большими, круто загнутыми когтями. Естественно, что и добыча неясытей не крупная. Это в основном мышевидные грызуны, мелкие птицы, амфибии, рептилии, насекомые и другие животные. Как истинно лесные совы, почти все неясыти охотятся в сумерках и ведут оседлый образ жизни.

Распространены неясыти в лесах умеренного и южного поясов Евразии, Северной Африки и Америки. Известно 3 вымерших вида. Из 11—14 современных видов, составляющих этот род, в СССР обитает три: бородатая, обыкновенная и длиннохвостая неясыти.

Бородатая неясыть — *Strix nebulosa*. Из всех неясытей бородатая наибольших размеров. Размах ее крыльев около полутора метров. Однако вес не особенно велик: взрослые самцы едва достигают 700—800 граммов, самки весят несколько более килограмма.

По ряду признаков бородатая неясыть значительно отклоняется от типичных представителей рода и скорее напоминает гигантского мохноногого сыча. Название свое она получила за темную окраску клина перьев под клювом — «бороду». В целом же эта неясыть дымчато-серая, с многочисленными бурыми пестринами на теле, которые создают неясный продольный рисунок. В полете можно заметить снизу на хвосте и крыльях крупные поперечные полосы. В отличие от других неясытей глаза ее

сравнительно маленькие и радужина их окрашена не в бурый, а в желтый цвет. Лицевой диск испещрен четкими темно-бурыми концентрическими полосами, что наблюдается у неясытей редко. Пуховой наряд птенцов сероватый на верхней стороне тела и чисто-белый снизу.

Бородатая неясыть населяет таежную зону Евразии и Северной Америки. В Советском Союзе ее гнезда могут быть встречены от Латвии до Охотского побережья и Сахалина. На севере бородатая неясыть распространена до границы лесов; южный предел мест ее обитания проходит где-то по Белоруссии, Татарской АССР, северо-восточному Алтаю и Уссурийскому краю.

Оптимальные условия для существования бородатая неясыть находит, по-видимому, в перестойной тайге. Однако при этом отдается предпочтение не сплошным массивам, а участкам, граничащим с открытыми пространствами сфагновых болот, гарями и пустошами. На Кольском полуострове, Алтае и в Восточной Сибири бородатую неясыть нередко можно встретить и в горных лесах. В Приморье же этот вид тяготеет к лесам северного типа — березово-лиственничным колкам и лесным островам среди марей — верховых моховых болот.

Наиболее обычна бородатая неясыть в Восточной Сибири. В Европе она, как правило, встречается редко. Здесь максимальной численности этот вид достигает в Финляндии, где только с 1955 по 1968 год, как сообщают Микола Хеймо и Сулкава Сеппо, было зарегистрировано 74 случая гнездования этой птицы и за следующие два года прибавилось еще 53. Массовое гнездование бородатой неясыти у себя в стране финские орнитологи связывают с небывалым размножением пашенной полевки, которое наблюдалось в 1958, 1962 и 1966 годах. Однако возможно, что существуют и другие причины. Но как бы там ни было, поразительно, что чуть южнее Финляндии, например в Ленинградской области, за всю историю орнитологических наблюдений было зафиксировано всего шесть случаев гнездования этой совы. На территории европейской части Советского Союза бородатая неясыть более или менее обычна лишь на самом севере тайги. Так, в Архангельской области пара от пары поселяется на расстоянии тридцати километров. В Белоруссии же, например, эта неясыть считалась не особенно редкой лишь в начале нашего века, а в настоящее время гнездование ее здесь некоторые исследователи не без основания ставят под сомнение. Если в 1930 году в Беловежской пуще было найдено два гнезда и добыты за лето три взрослых бородатые неясыти, то сейчас здесь эта птица далеко не частый гость.

К гнездованию бородатая неясыть приступает в конце марта — начале апреля. В это время на занятом парой участке в сумерках и ночью можно услышать характерные низкие, но мощные выкрики самца. Словно через трубу выдыхает он свой призывный крик «гуу— гу-гу». Самка в ответ иногда протяжно гудит «гуууу». Если же она чем-нибудь обеспокоена, то отрывисто гукает, но чаще шипит, чередуя этот звук со щелканьем клювом.

73. В этом старом гнезде хохлатого осоеда поселилась бородатая неясыть (*Strix nebulosa*) — сова размером чуть меньше филина. Южное Приморье, Силаншанская марь, май 1969 г.

74. Бородатую неясыть легко отличить от других неясытей по желтой окраске радужины глаз и лицевому диску, как бы испещренному темными концентрическими полосами. То же.

75. Данный снимок мы сделали с соседнего дерева, на котором открыто расположились вдвоем. Тем не менее самка бородатой неясыти и не собирается покидать гнездо. Перевернув яйца, она снова усядется их насиживать. То же.

76. Из всех видов сов бородатая неясыть, пожалуй, наиболее ревностно охраняет птенцов. При приближении к гнезду человека она смело бросается в атаку и бьет его

когтями, оставляя на теле глубокие царапины. Даже медведи обходят стороной гнездовой участок бородатой неясыти. То же, начало июня 1969 г.

В разгар брачного периода, особенно в присутствии самки, самец выражает возбуждение не только отдельными призывными криками, но и построенной на их основе вполне определенной брачной песней, которую ритмично повторяет раз за разом через пять-десять секунд. Песня бородатой неясыти представляет собой серию глухих звуков вроде «гу», воспроизводимых в возрастающем темпе. Вся песня длится восемь-девять секунд и состоит из двенадцати-тринадцати криков. Наиболее звучно издаются с третьего по седьмой крики, последующие же произносятся настолько часто, что почти сливаются и в конце песни, постепенно затухая, гаснут. И слышится, как в сумеречной мгле раздается и тут же тает мощная красивая трель. Во время тока самец часто перелетает, провоцируя самку на брачные игры.

Кладку бородатые неясыти помещают, как правило, открыто, например в старом гнезде хищной птицы. Высота расположения гнезда над землей не имеет особого значения. Она может варьировать от четырех до пятнадцати и более метров. В поперечнике гнездо обычно с метр, хотя нередко птицы занимают и меньшие постройки. Некоторое предпочтение отдается гнездам в развилках ствола или на ветвях возле самого ствола. Чаще всего неясыть использует старые гнездовые сооружения канюка, нередко осоедов, иногда гнезда скопы и еще реже — тетеревятника. Один только этот перечень показывает, что бородатая неясыть избегает темных участков леса: канюк и осоеды обычно селятся возле опушек или в перелесках, а скопа гнездится вообще у всех на виду — на вершине отдельно стоящего дерева. Не пренебрегает бородатая неясыть при гнездовании и высокими пнями с частично выгнившей сердцевинной, образовавшей лоток. Судя по наблюдениям Г. С. Кисленко и Р. Л. Наумова в Красноярском крае, одно и то же гнездо может быть использовано несколько лет подряд.

В апреле в большинстве районов Советского Союза у бородатой неясыти уже снесены полные кладки. Они содержат 3—4, реже 5 яиц. Скорлупа яиц белая, крупнозернистая, но по мере насиживания как бы шлифуется и к концу срока приобретает незначительный блеск. Форма яиц правильно эллипсоидная. Размер их у птиц, гнездящихся в Европе, в среднем 54,0Х42,5 миллиметра. Судя по кладкам, найденным в Красноярском крае и на Дальнем Востоке, яйца азиатских особей чуть менее вытянутые. Вес свежеснесенного яйца около 50 граммов.

К насиживанию самка приступает с откладки первого яйца. Срок инкубации — 28 суток. Сидит самка очень плотно и не слетает с гнезда даже тогда, когда совсем рядом оказывается человек. Будучи все же спугнутой, она при малейшей возможности спешит вернуться обратно. Вообще надо сказать, что неясыти поразительно заботливые родители. Самец бдительно охраняет гнездовой участок и регулярно приносит самке корм, пока та насиживает кладку. Когда же в гнезде появляются птенцы, роли родителей несколько меняются. Теперь самец в основном охотится, а охрану птенцов почти полностью осуществляет самка. Ведет она себя на редкость агрессивно и приближающегося человека встречает подчас за десятки метров. На ее возбужденный крик вскоре прилетает и самец. Если же попытаться влезть на гнездовое дерево, то ярости сов нет предела. Они смело пикируют на врага, норовя сильно ударить его когтями по спине или голове. Ни один зверь не решается разорить гнездо бородатых неясытей. Даже медведь, не желая связываться со столь скандальными птицами, обходит их участок стороной.

В течение первой недели птенцы находятся под самкой. За это время они прозревают. На десятую ночь, по наблюдениям П. П. Сушкина, у них на крыльях начинают пробиваться перья. Теперь то один, то другой соенок периодически вылезает из-под самки и с неподдельным интересом взирает на мир. Его внимание привлекает все: и муха, севшая на край гнезда, и мелкие птички, шныряющие в кроне соседнего дерева, и неясный шорох, доносящийся с земли. Кстати, радужина глаз в этом возрасте у птенцов не желтая, как у взрослых особей, а буровато-стального цвета. Почти так же окрашена вершинная часть клюва, розоватого у основания.

В период выкармливания птенцов самец деятелен не только в сумерках и ночью, но и днем. Нередко даже при свете солнца его можно увидеть как бы плывущим в мареве струящегося над болотом нагретого воздуха. Птица, медленно взмахивая крыльями, скользит над самой землей. Иногда поисковый полет сменяется подкарауливанием. При этом сова усаживается на кочку или пенек и подолгу вслушивается в шорохи и всматривается в траву под собой. Терпение обычно вознаграждается, и птица так же неторопливо с виду, но на самом деле быстро, зажав в когтях безжизненное тело жертвы, улетает прочь. Судя по частоте кормления, наименее удачно охота проходит в полдень и полночь.

Пока птенцы не оперились, самка почти не охотится. Обычно, заметив возвращающегося с кормом самца, она устремляется навстречу и забирает у него добычу. Усевшись на гнездо и осмотревшись по сторонам, она принимается наделять птенцов, отрывая от жертвы маленькие кусочки. Голодные птенцы тянутся к матери и издают при этом хриплое сипение. С двухнедельного возраста совы уже в состоянии заглатывать целиком, например, полевок.

Примерно через месяц после вылупления в поведении птенцов намечается перелом. Они все чаще и интенсивней принимают махать крыльями, стоя на гнезде. В ожидании прилета родителей с кормом (теперь охотятся обе взрослые птицы) совы быстро теряют терпение. И, наконец, в одну из ночей они покидают гнездо. Двое суток птенцы сидят на ближайших ветках и постоянно кричат, требуя пищи. Еще через неделю с теми же воплями выводок удаляется от гнездового дерева на сто-двести метров. Происходит это обычно в конце июня. Но до середины сентября птицы будут держаться еще вместе. Как только выводок распадется, перестанут звучать в лесу и требовательные голоса молодых птиц.

Пищу бородатой неясыти составляют главным образом грызуны. На севере Европы это могут быть лемминги, в Якутии и на Дальнем Востоке — различные полевки. Иногда сове удается поймать бурундука или белку, очень редко — птиц.

Если в питании лесных сов грызунами усматривать пользу, то из всех наших неясытей бородатая — самая полезная. За шесть летних месяцев, как показали наблюдения финских орнитологов, одна бородатая неясыть съедает около семисот мышей и полевок.

Как и у других специализированных мышеедов, численность бородатой неясыти зависит от наличия корма. В неурожайные на мышевидных грызунов годы многие пары вообще не приступают к размножению.

Обыкновенная неясыть — *Strix aluco*. Эта сова живет в Евразии в старых смешанных с преобладанием широколиственных пород лесах. В южных районах своего распространения она гнездится в горных лиственных лесах, на севере — преимущественно в насаждениях паркового типа, а в Центральной Европе нередко живет и в населенных пунктах.

Окраска оперения обыкновенной неясыти очень варьирует: наблюдаются серые, рыжие и даже темно-бурые особи. На западе ареала чаще всего обитают рыжие формы, на востоке — серые. Особи с самой темной окраской перьев известны на Кавказе. Восточные представители вида несколько крупнее западных. В среднем эта сова весит около 500 граммов. Самки обычно тяжелее самцов и иногда достигают 700 граммов.

От других неясытей, встречающихся в Советском Союзе, обыкновенная легко отличается рядом признаков: от бородатой — меньшим общим размером, но большими темно-бурыми глазами, края век которых окрашены в красновато-оранжевый цвет; от длиннохвостой неясыти — почти не выступающим за концы сложенных крыльев коротким хвостом.

Наиболее многочисленна обыкновенная неясыть в центральных районах Европы. Например, в Беловежской пуще, судя по учетам, проведенным В. Ф. Гавриным в 1960-х годах, на каждые полторы тысячи гектаров лесопарковых площадей приходится по крайней мере пара птиц. В Молдавии, по данным Ю. В. Аверина, Н. М. Ганя и Г. А. Успенского, по численности особей эта неясыть составляет почти четверть от всех местных сов, уступая лишь домовому сычу. Однако на севере ареала, например в Ленинградской области, обыкновенная неясыть — сравнительно редкая птица. Здесь в естественных лесах ее практически нет и лишь в старых больших парках поселяются отдельные пары. Не велика численность этой совы и в большинстве районов Юго-Востока, в частности в Западной Сибири и Средней Азии.

Создается впечатление, что в последнее время обыкновенная неясыть осваивает новые территории: с одной стороны, она стала интенсивно внедряться в города, с другой — продвигаться на север. Так, в конце прошлого столетия северная граница ее распространения в европейской части России проходила до линии Петербург — Вятка и еще в начале XX века, например, в южной Карелии и Финляндии неясыть считалась залетным видом. Однако к 1910 году стало известно уже о трех случаях гнездования этой птицы на юго-западе Финляндии. Вскоре она появилась и в Карелии. В настоящее время обыкновенная неясыть, хотя и в небольшом числе, но все же регулярно гнездится в обоих этих районах.

Обыкновенная неясыть ведет сугубо ночной образ жизни. Только сильный голод может заставить ее начать охотиться до захода солнца. Даже весной, в период брачного возбуждения, голос ее чаще всего раздается либо в густых сумерках, либо в полной темноте. Брачный крик самца — это низкая трель, серия глухих звуков, за первыми из которых, словно эхо, учащенно следуют остальные. Получается что-то вроде раскатистого «гу—гу—уу-у-у-у», продолжающегося две-три секунды и слышимого за километр и более. Во время токования одна серия выкриков сопровождает другую с небольшим перерывом. За минуту самец успевает повторить свой призывный крик полтора-два десятка раз. Токует сова, сидя на какой-нибудь выделяющейся сухой ветке большого дерева. Судя по тому, что нередко звук перемещается, она кричит и на лету. По-видимому, при особом возбуждении самец совершает специфические брачные полеты. Но так как ток протекает в кромешной темноте, прямых наблюдений, которые позволили бы описать эти полеты, нет. Иногда при токовании слышатся специфические хлопки крыльев. Взволнованный самец выкрикивает глухое «и-и-иаа». Самка издает крик «кувитт», а беспокоясь при выводке, — «век».

К размножению обыкновенная неясыть, пожалуй, приступает раньше других сов. В теплые зимы неясыти активно токуют уже в первых числах февраля. И. И. Барабаш-Никифоров и Л. Л. Семаго в 1949 году были свидетелями тока в Воронежской области даже 9 января. Кстати, в тот год слетки, недавно покинувшие гнездо, были

встречены здесь уже в конце апреля. В марте кладки сов, как указывает Ф. И. Страутман, можно обнаружить в карпатских горных лесах даже на высоте полутора тысяч метров. В эти же сроки нередко приступают к размножению птицы, живущие на северной границе ареала, в частности в Ленинградской области.

77. В перестойных лесах с преобладанием широколиственных пород, а также в старых парках обитает обыкновенная неясыть (*Strix aluco*). Ленинградская область, август 1973 г.

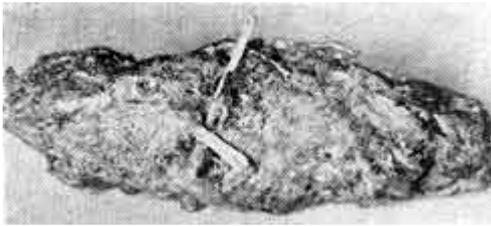

78. Обыкновенная неясыть ведет сугубо ночной образ жизни. Лишь сильный голод может заставить эту сову начать охоту до наступления сумерек. То же.

79. Основной корм обыкновенной неясыти — мышевидные грызуны. При

недостатке их неясить вынуждена переключаться на ловлю других животных. То же.

80. Заглатывая грызунов, как правило, целиком, обыкновенная неясить отрывает погадки, состоящие из шерсти и костей жертв. То же.

81. В отличие от остальных наших неясителей обыкновенная неясить — типичный дуплогнездник. Совята покидают гнездо примерно в месячном возрасте, когда они еще одеты в промежуточный поперечнополосатый птенцовый наряд. Там же, май 1964 г. Фото О. С. Русакова.

Причины столь раннего размножения обыкновенной неясити пока трудно разгадать. Возможно, что для этих сугубо ночных хищников, которые охотятся в основном на слух, оптимальные условия добычи мелких позвоночных создаются лишь ранней весной, в период таяния снегов, но до отрастания травы, когда передвижение мышей по прошлогодней ветоши хорошо слышно. Можно предположить, что выкармливание птенцов у них приурочено именно к данной поре. Такое объяснение было бы вполне правдоподобным, если бы не многочисленные исключения. Дело в том, что наряду с ранними гнездами кладки этих сов нередко встречаются также в апреле, мае и даже июне. Наконец, известны случаи и осеннего размножения птиц.

Яйца обыкновенная неясить откладывает чаще всего в дупла. На севере ареала пригодные к заселению ниши сова обычно находит в стволах старых берез и осин. В центральной полосе она охотно селится в дуплах лип и дубов. На юге, например в горных лесах Гиссарского хребта, уют этой сове дают перестойные стволы грецкого ореха и других пород деревьев. Изредка в горной местности для гнездования могут быть использованы трещины и ниши в скалах. Если же дупло присмотреть не удастся,

то неясить занимает прошлогодние гнезда хищных птиц. В центральных районах Прикуринской низменности Г. Т. Мустафаев находил кладки неясити в старых гнездах сорок. Птицы, обитающие в Западной Европе, хотя и очень редко, но устраивают гнезда и прямо на земле.

В антропогенном ландшафте обыкновенная неясить, помимо дупел, часто использует темные углы чердаков зданий, мало посещаемых людьми. В Московской области Е. С. Птушенко и А. А. Иноземцев после войны нередко находили ее гнезда в дымоходах печных труб, сохранившихся на пожарищах. На территории Биологического института Ленинградского университета в Старом Петергофе эти совы регулярно выводили птенцов в нишах уцелевших стен разрушенного дворца. В поселке Мустамяки Карельского перешейка Н. О. Оленов однажды обнаружил птенцов в верхней воронкообразной части водосточной трубы двухэтажного жилого дома. Охотно сова занимает и подходящие по размерам искусственные дуплянки, а порой устраивается и в прогнивших пустующих колодах ульев. Однако даже когда неясить откладывает яйца в гнезда других птиц, то выбирает те из них, которые располагаются наиболее скрытно, в густой тени ветвей. Это в значительной мере отличает обыкновенную неясить от бородатой, гнезда которой редко бывают спрятанными в кроне.

Дупла, как правило, используются много лет подряд, и только гибель выводка может заставить взрослых птиц бросить облюбованное место. О факте гнездования обыкновенной неясити в одном дупле на протяжении десяти лет сообщают, например, А. В. Федюшин и М. С. Долбик в монографии «Птицы Белоруссии», вышедшей в 1967 году. Примечательно, что удобные ниши служат жилищем птицам почти круглый год: весной они выводят здесь птенцов, а в другие времена года, особенно зимой, часто днюют сами.

Полная кладка обыкновенной неясити состоит из 3—5 яиц, хотя может содержать от 2 до 9. Кладки из 7—9 яиц очень редки, и в этом случае последние яйца появляются с интервалами в двое и даже трое суток. В поздних кладках редко бывает более 2—3 яиц. Яйца ослепительно белые, эллипсоидные и в общем кажутся чуть менее вытянутыми, чем у бородатой неясити. Размер яиц 45,5—50X36,6—41 миллиметр, в среднем 47,5x39,2. Вес свежеснесенного яйца около 40 граммов. Наверное, прежде чем отложить первое яйцо, сова специально согревает лоток своим телом, так как в марте, когда большинство неяситей приступает к кладке, ночи бывают еще очень морозными. В дальнейшем самка почти не покидает дупла, а корм ей доставляет самец. Инкубация продолжается 28—30 суток.

Только что вылупившийся птенец весит около 30 граммов. Судя по наблюдениям в неволе, в дальнейшем совытя тяжелеют весьма быстро: на пятую ночь они весят около 90 граммов, на десятую — 200, на двадцатую — 330, а в месячном возрасте — 400 граммов. Максимальный вес набирается ими к концу третьего месяца.

В первую же ночь соенок реагирует на звуки. С трехдневного возраста, требуя пищи, он отчетливо издает хрипкое «крии». В конце первой недели птенец прозревает и на его плечах сквозь белый с охристым налетом пух начинают пробиваться пуховидные перья промежуточного наряда. В это время большую часть ночи птенец не лежит на брюхе, как раньше, а солидно восседает, опираясь на всю лапу. В двухнедельном возрасте пуховое перо мезоптиля заметно уже на всем тельце. Теперь совенку не нужно так много тепла и самка все чаще вылетает на охоту. В ее отсутствие птенцы расхаживают по дну дупла. На двадцатые сутки от роду у совят начинают интенсивно расти маховые перья Их опахала за сутки удлиняются почти на сантиметр.

В этом возрасте совы напоминают чудесные плюшевые игрушки и подолгу сидят на краю ветки, периодически выкрикивая поспешное «вить-вить-вить».

Едва птенцам исполнится месяц, как они, в промежуточном поперечнополосатом наряде, еще с обильным пухом на голове и теле, покидают дупло. С этого часа в их жизнь привносится элемент самостоятельности. Поскольку родители кормят в первую очередь того, кто чаще и громче издает свое «вить-вить-вить», каждый из совят старается кричать изо всех сил. Если к совенку подойти близко, то по молодости он еще не улетает прочь, а принимает позу угрозы — сутулится, тело из вертикального переводит в горизонтальное положение, полураскрытые крылья раздвигает, а перья на спине подымает дыбом. Птенец готов защитить себя и предупреждающе шелкает клювом.

Вскоре, однако, наступает перелом в поведении и облике совят. Оказывается, чтобы быть сытым, надо не только громко просить корм, но и как можно быстрее лететь навстречу родителям. Так постепенно совы начинают летать. В полуторамесячном возрасте наступает интенсивная линька — смена промежуточного наряда на окончательный. Как и у других видов сов, эта линька у обыкновенной неясыти не затрагивает некоторые перья крыльев и хвоста. В возрасте около трех месяцев к совиатам приходит настоящая самостоятельность, и теперь они сами добывают корм. Чаще всего это случается в первой декаде августа, когда выводки начинают распадаться. Для столь рано приступающих к размножению птиц такой срок достаточно поздний.

Охотится обыкновенная неясыть, в основном подкарауливая жертву. Обнаруживает она ее, как правило, на слух. В лунные ночи и в сумерках сова вылетает на открытые пространства и совершает поисковый полет, проносясь, словно тень, в трех-четыре метра от земли. Иногда неясыти навдываются в места массовых ночевок воробьиных птиц, например скворцов в прибрежных тростниках, вызывая там страшный переполох. Кстати, у особей, обитающих возле населенных пунктов, склонность питаться птицами бывает выражена намного сильнее, нежели у лесных их собратьев. Это же отмечено рядом западноевропейских авторов для городских парков, где воробьи подчас составляют более трети рациона обыкновенной неясыти. В Польше, например, как показал Жислав Богусский, доля домового воробья в пище этой совы превышает семьдесят процентов.

Судя по погадкам обыкновенной неясыти (размеры их 4,0—7,5 X 2,0—3,0 сантиметра), в нашей стране чаще всего ею добываются мышевидные грызуны. Другие животные явно играют роль дополнительного корма. Их значение возрастает лишь при резком падении численности мышей и полевок, когда совы питаются даже лягушками.

Вообще же о характере питания обыкновенной неясыти можно судить по следующим литературным данным. Например, в книге Д. Н. Кашкарова «Животные Туркестана» указано, что в 208 изученных погадках содержались остатки 407 мышей и землероек, 27 жуков, 18 певчих птиц и 6 крыс. В найденных Н. Н. Сомовым на чердаке одного из домов (Среднее Поволжье) погадках, скопившихся здесь за зиму, были обнаружены остатки лесной мыши (60 особей), полевок (25), хомяка (4), тушканчиков (3) и воробьев (4). По данным Л. В. Груздева и Г. Н. Лихачева, в заповедных «Тульских засеках» 98 процентов погадок, собранных за зимние месяцы 1937—1941 годов, содержали остатки мышевидных грызунов. Доля птиц в пище неясыти в это время года не превышала процента. Летом же в этой местности совы питались преимущественно насекомыми и только затем уже грызунами и птицами. В центральной части Кодра в Молдавии, по наблюдениям Е. П. Анисимова, в мае—октябре 1965 года обыкновенная

неясыть добывала лесных и желтогорлых мышей (25 и 15 процентов), орешниковую соню (6), полчка (3), а также мелких лесных птиц (17 процентов). Кроме того, в шестидесяти пяти случаях из каждых ста в погадках были найдены остатки майского хруща, жука-оленья, лунного копра и других насекомых. Сходная картина питания этой совы выявлена И. И. Барабаш-Никифоровым и Л. Л. Семаго для Воронежской области. Кроме грызунов, авторы обнаружили в добыче выхухоль, молодого зайца-русака, а из птиц — дроздов, овсянок, дубоноса и зяблика.

Малочисленность или недоступность мышевидных грызунов не только заставляет обыкновенную неясыть искать иных жертв, но и приводит к вынужденным кочевкам. В морозные и снежные зимы многие неясыти мигрируют в населенные пункты. Подобное явление наблюдалось, например, в Белоруссии, где А. В. Федюшин и М. С. Долбик зимой 1946/47 года находили истощенных и замерзших птиц в сараях и на чердаках. Случалось такое также в Московской и ряде других областей. О колоссальной инвазии обыкновенной неясыти, наблюдавшейся осенью 1955 года в Усманском лесу, мы уже рассказывали выше. Нечто вроде пролета птиц в отдельные годы наблюдается на побережьях Псковского и Чудского озер. Однако в целом обыкновенная неясыть должна считаться все же оседлой птицей. Как показало кольцевание этих сов в Латвии, даже молодые особи никогда не улетают от родных мест далее, чем на двести километров. Для столь подвижных животных, как птицы, подобные перемещения ничтожны.

Длиннохвостая неясыть — *Strix uralensis*. В Советском Союзе длиннохвостая неясыть распространена в лесной зоне почти повсеместно от Прибалтики до Охотского побережья и Сахалина. Кроме того, она гнездится в Финляндии, на Скандинавском полуострове, в Монголии, Японии, Китае и Корее.

Это крупная сова. Она больше обыкновенной неясыти, но мельче бородатой. У нее длинный полосатый хвост и средней величины темно-окрашенные глаза. Оперение светло-серое, с многочисленными хорошо заметными продольными темно-бурыми пестринами на нижней стороне тела. В отличие от других неясытей длиннохвостая в полете держится не совсем горизонтально, а несколько опустив заднюю часть тела. Судьба этой совы по сравнению с другими совами, численность которых в европейской части СССР в последнее время резко сократилась, представляет приятное исключение. Так, например, на территории Северо-Запада РСФСР еще каких-то шестьдесят-сто лет назад длиннохвостая неясыть, по единодушному мнению натуралистов, считалась редкой птицей. Однако теперь она стала одной из самых распространенных сов этого района. Здесь, в удаленных от населенных пунктов угодьях, из каждых десяти случаев регистрации сов семь приходится на длиннохвостую неясыть, причем для лесных ландшафтов этот показатель еще выше. Во многих местах на каждые двадцати пяти квадратных километрах гнездится по крайней мере одна пара. В Ленинградской области есть участки, где плотность поселения длиннохвостой неясыти достигает шести пар на двадцать пять квадратных километров лесопокрытой площади. Говоря о столь необычном явлении, уместно напомнить, что начиная с 1950-х годов отмечается тенденция к расширению ареала птицы и на юго-запад. Эти факты можно расценивать как свидетельство благополучия, а пожалуй и процветания вида.

Обитает длиннохвостая неясыть преимущественно в высокоствольных смешанных лесах со значительной примесью хвойных пород, часто переувлажненных. Селится она поблизости от больших полей, обширных вырубок и гарей, иногда в лесных островах на моховых болотах и тростниковых займищах. На востоке, например в Приморье, сова особенно охотно гнездится в пойменных кедрово-широколиственных лесах. Отсюда, по данным А. А. Назаренко, в годы высокой численности грызунов

длиннохвостая неясыть выселяется в самые разнообразные леса, включая липово-широколиственные и даже светлые дубравы на склонах сопок. Нечто подобное мы наблюдали в бассейне реки Бикин в 1969 году, во время массового размножения дальневосточной полевки. Тогда неясыти встречались нам почти во всех типах леса. Интересно, что на следующий год в песнях местных соек постоянно слышались звуки, заимствованные ими у неясытей,— «лай» и угрожающее пощелкивание клювом, хотя самих сов было уже немного.

Изменение размещения длиннохвостых неясытей по типам леса в зависимости от характера распределения мышевидных грызунов прослежено также в Красноярском крае Г. С. Кисленко и Р. Л. Наумовым. Например, в 1965 году в предгорьях Алтая, в окрестностях селения Майны, эти совы обитали в сосново-лиственных лесах, а на следующий год вслед за депрессией численности грызунов они почти все переместились в горные кедряки, где грызунов было значительно больше и, кроме того, изобиловала горная пищуха. Возможно, что подобное перераспределение связано с направленным расселением молодняка, а не с уходом старых птиц со своих привычных мест. В пользу такого предположения свидетельствуют и факты многолетнего постоянства гнездовых участков у взрослых особей. Другое дело, что в неблагоприятные по кормовым условиям периоды обитающие здесь совы не приступают к размножению и вследствие отсутствия молодежи летом и осенью в таких лесах сову встретишь, действительно, нечасто.

82. Почти повсеместно в лесной зоне Советского Союза можно встретить длиннохвостую неясыть (*Strix uralensis*). Ленинградская область, март 1963 г.

83. В европейских лесах, где большие дупла стали редкостью, длиннохвостая неясыть чаще всего откладывает яйца в старые гнезда ястреба-тетеревятника. Там же, апрель 1967 г.

84. В данном случае гнездо длиннохвостой неясыти устроено в полусгнившем осиновом пне. Там же, май 1966 г. Фото О. С. Русакова.

85. Как и ее ближайшие родственники, длиннохвостая неясыть храбро атакует любого, кто осмелится подойти к гнезду. Иногда она демонстративно угрожает, громко щелкая клювом. При этом крылья ее приспускаются и птица приобретает необычные очертания. То же.

86. Длиннохвостая неясыть приступает к размножению рано, так что вылупление птенцов приходится на период интенсивного таяния снега. В это время, особенно по ночам, бывает весьма холодно и самка почти неотлучно находится на гнезде, согревая совят. Там же, май 1972 г. Фото К. Н. Боброва.

87. Подавая корм птенцу, длиннохвостая неясыть закрывает глаза, как и всегда, когда прикасается к чему-нибудь клювом. Похоже, что на близком расстоянии сова более надежно информирует о предмете осязание, нежели зрение. То же. Фото К. Н. Боброва.

88. Вот в таком виде, с обильным пухом на голове и плечах, птенцы длиннохвостой неясыти покидают гнездо. Пока они способны лишь перепархивать на незначительное расстояние. То же. Фото К. Н. Боброва.

89. Выводок длиннохвостой неясыти продолжает держаться на гнездовом участке около месяца. Теперь птенца уже не возьмешь в руки. Он усаживается высоко в кроне дерева и улетает, если его потревожить. Там же, конец мая 1972 г. Фото К. Н. Боброва.

Весеннее оживление длиннохвостых неясытей на гнездовых участках, как правило, наблюдается уже в первых числах марта, когда снег в лесах еще и не тронуло весеннее солнце. Даже на севере, например на Карельском перешейке, в это время самцы кричат по часу и более подряд. Чаще всего неясыти подают голос с 20 часов 30 минут до 22 часов. Но бывает, что они подолгу кричат ночью и перед рассветом. Примечательно, что голосовая активность лишь незначительно снижается после окончания тока и спаривания. В период насиживания яиц голос самца слышится еще регулярно и продолжает периодически звучать до середины мая.

Призывный крик длиннохвостой неясыти двух типов — это низкое протяжное гудение и еще более низкий двойной звук. При токовании оба эти сигнала повторяются раз за разом в определенной комбинации: сперва доносится протяжное гудение, а спустя две-пять секунд, как вернувшееся эхо, раздается двойной крик. Интервал между первым и сдвоенным вторым звуками может меняться, ритм же произношения второй (двойной) части песни стабилен. По характеру построения песни самца и самки схожи, но голос последней много ниже и с хрипотцой. Если песня самца воспринимается, как повторение слогов «уув-ув-ув», то в песне самки слышится скорее низкое «ыыуу-уу-уу». Кроме того, в период весеннего (но не осеннего) тока самка периодически

воспроизводит птенцовый призывный крик.

Кричит длиннохвостая неясыть, обычно сидя на ветке, но нередко и на лету. Однажды в конце апреля в лесах под Ленинградом нам довелось наблюдать одновременное токование длиннохвостой неясыти и глухаря на рядом стоящих деревьях. Интересно, что птицы не обращали никакого внимания друг на друга. Весной по ночам случается, что возбужденные совы подлетают к костру и, невзирая на присутствие человека, подолгу кричат, усевшись поблизости. При этом их призывный крик чередуется с «лаем» («хау-хау») — сигналом, выражающим раздражение и, возможно, тревогу. Побеспокоенная у гнезда самка, помимо «лая», иногда издает более высокий звук «вяк-вяк», реже сухо произносит «хэ-хэ-хэ...». По-видимому, самцы ревностно охраняют гнездовые участки. По крайней мере, весной их нетрудно подманить, имитируя их же призывные крики.

Гнезда длиннохвостой неясыти можно обнаружить в самых разных местах. Эти совы частенько занимают старые постройки ястреба-тетеревятника и обитают с ним на одном участке, благо у тетеревятника всегда несколько гнезд. Однако, несмотря на тесное соседство, распрей с трагическим исходом между хищниками наблюдать не приходилось. Нередко длиннохвостая неясыть откладывает яйца в старые гнезда канюков и осоедов, поселяется в нишах-полудуплах прогнивших пней на высоте одного-двух метров от земли, а иногда гнездится прямо на земле под прикрытием вывороченного пня или низко свисающих еловых лап. Интересно, что особи, обитающие в Приморье, являются стойкими дуплогнездниками. В то же время, например в Финляндии, гнезда неясытей нередко находили на чердаках сараев, построенных в лесу, а в Норвегии эти птицы занимали развешенные искусственные гнездовья.

Хотя гнездовой участок и используется одной и той же парой на протяжении нескольких лет, а возможно и пожизненно, длиннохвостая неясыть в отличие от типичного дуплогнездника — обыкновенной неясыти не всегда откладывает яйца в одно и то же гнездо два года подряд. Удобные для выведения птенцов места на гнездовом участке используются поочередно.

Яйца откладываются в последних числах марта — начале апреля. Полная кладка содержит 3—4 яйца, реже меньше или больше. Яйца белые, округлые. По размерам они практически неотличимы от яиц обыкновенной неясыти. К насиживанию самка приступает после откладки первого яйца и сидит очень плотно. В это время она не охотится и ее кормит самец. Насиживание продолжается чаще всего 28 суток, причем птенцы вылупляются с интервалом через ночь. Конец насиживания совпадает с моментом интенсивного таяния снегового покрова. Хотя кладка длиннохвостой неясыти невелика, совят в гнезде обычно оказывается и того меньше, а до десятидневного, например, возраста редко доживает более двух-трех птенцов. Еще реже удается встретить летный выводок, в котором свыше двух молодых птиц.

По темпам развития птенцов длиннохвостая неясыть ничем не выделяется среди неясытей. Если взрослых птиц не беспокоить у гнезда, то соята остаются в нем или по крайней мере на гнездовом дереве в течение месяца жизни.

Обращает на себя внимание сравнительная молчаливость птенцов. Лишь покинувшие гнездо слетки, следуя за родителями, более или менее регулярно хрипло взвизгивают. На гнездовом участке выводок держится почти месяц, а затем семья начинает кочевать и, наконец, распадается. Происходит это, как правило, во второй половине июля. Правда, известны и более поздние выводки. Так, в сентябре 1973 года

из пригородного леса в Ленинградский зоопарк был доставлен пуховой птенец. Очевидно, что он вывелся из яйца повторной кладки, отложенной, может быть, взамен погибшей первой.

Характерной чертой поведения взрослых птиц, особенно самки, возле выводка являются активность и смелость при защите птенцов. Пока совы сидят в гнезде, самка неотлучно находится при них. Кормом семью в это время обеспечивает самец. Кстати, к гнезду его, как правило, не подпускают, и добычу он передает самке где-то в стороне. Подлетая с пищей, самец еще издали извещает голосом самку, и та устремляется к нему навстречу.

Основными охотничьими угодьями длиннохвостой неясыти служат лесные опушки и края вырубок или гарей, примыкающих к лесу. Здесь совы подолгу подкарауливают свои жертвы, схватывая их обычно с земли. Реже, скользя бесшумно и легко, они облетают территорию. На охоту неясыть отправляется иногда задолго до захода солнца, а в пасмурные дни нередко активна и днем.

Среди неясытей длиннохвостая способна добывать наиболее крупных животных. Она в состоянии осилить белку, рябчика, белую куропатку и тетерева. В голодные зимы эта сова нападает даже на глухарку, что наблюдается, правда, чрезвычайно редко. Но основным ее кормом, от количества которого во многом зависит успех размножения, являются мышевидные грызуны, в частности полевки. Именно они составляют более 80 процентов рациона этой совы. В одной погадке находят иногда остатки сразу двух-трех и даже четырех полевок. Размер таких погадок колеблется в пределах 10,0—15,5X2,0—3,0 сантиметра.

При резком сокращении численности мышевидных грызунов зимой в питании длиннохвостой неясыти начинает возрастать роль землероек, а летом совы переключаются на ловлю лягушек и иногда насекомых, преимущественно жуков. В Приморье существенной вспомогательной пищей является бурундук. Лишь при отсутствии перечисленных животных жертвами неясыти становятся птицы — чаще всего слетки мелких воробьиных, а также сойки и кедровки. В сутки сова съедает 125 граммов пищи.

Зимняя бескормица заставляет длиннохвостую неясыть спускаться с гор в предгорья. Так, в Карпатах почти повсеместно эти совы приближаются к населенным пунктам. На Дальнем Востоке осенью 1960 года — года низкой численности мышевидных грызунов — Н. М. Литвиненко и Ю. В. Шibaев находили крайне истощенных и погибших птиц в районе заповедника «Кедровая падь».

Таким образом, длиннохвостая неясыть, как и другие наши неясыти, — прежде всего мышеед. И совершенно справедливо отметил К. А. Воробьев, изучавший этот вид в Уссурийском крае, что польза, приносимая совой, уничтожающей огромное количество мышевидных грызунов, значительно превышает тот сравнительно небольшой ущерб, который она может нанести охотничьему хозяйству.

УШАСТЫЕ СОВЫ — ASIO

Род ушастых сов внешне неоднороден. Некоторые из его представителей напоминают обликом небольших филинов и имеют хорошо заметные перьевые ушки. У других эти ушки едва приметны. Лицевой диск, как правило, четкий, а радужина сравнительно некрупных глаз окрашена в желтый или интенсивно-оранжевый цвет. Относительно стойким признаком рода могут служить в меру узкие и длинные крылья, вершину которых составляют второе и третье маховые. В сложенном состоянии концы

крыльев либо достигают конца хвоста, либо даже заходят за него. Характерным признаком являются также значительные по размерам ушные отверстия, занимающие едва ли не полностью боковые стороны головы и прикрытые несимметричной кожистой складкой, образующей как бы наружное ухо. Ноги оперены до когтей. Пищей этим совам служат мелкие позвоночные и беспозвоночные животные.

В целом группа ушастых сов распространена по всему свету, кроме Австралии. Не считая двух видов, обитающих в Советском Союзе, этот род включает мексиканскую ушастую сову (*A. clamator*), гнездящуюся на юге Мексики, севере Аргентины и в Уругвае, и американскую ушастую сову (*A. stygius*), встречающуюся на юге Северной и в северных и центральных областях Южной Америки. Кроме того, известно четыре вымерших вида ушастых сов, один из которых (*A. pigmaeus*) найден в плиоценовых отложениях на Украине.

Ушастая сова — *Asio otus*. Гнездовья этой совы могут быть обнаружены почти повсеместно в Евразии, исключая самые северные и крайние южные районы материка. Известна ушастая сова также на северо-западе Африки и в Северной Америке. На юге ареала этот вид ведет оседлый образ жизни, в центральных районах кочует. Большинство особей, обитающих в северной части ареала, совершает сезонные перелёты. При этом часть птиц остается зимовать на юге нашей страны и не летит дальше.

От других наших сов, в частности от болотной, ушастая сова отличается прежде всего большими, до шести сантиметров, перьевыми ушками, ярко-оранжевой (у старых птиц даже красноватой) окраской радужины глаз и наличием на каждом перье нижней стороны тела наряду с продольными пестринами тонкого струйчатого поперечного рисунка. Вес совы едва ли превышает 350 граммов. Ушастая сова ведет в основном ночной образ жизни и днем малоактивна.

Хотя жизнь ушастой совы тесно связана с древесной растительностью и ее можно встретить даже в темных, с преобладанием ели лесах, тем не менее сплошных лесных массивов она решительно избегает. На севере ареала, например в Псковской, Новгородской и Ленинградской областях, эта сова явно предпочитает открытую местность. Создается впечатление, что лес ей необходим лишь для гнездования, но не как место для охоты. Во многих случаях птицу вполне устраивают придорожные лесополосы и куртины деревьев среди тростниковых займищ. Ушастая сова может отложить яйца и в старое воронье гнездо, находящееся в кроне одиноко стоящей, например на лугу, сосны. Именно наличием большого числа пустошей, вырубок, выгонов и полей, по-видимому, объясняется тяготение этого вида к ландшафту, измененному человеком, — к окрестностям городов и к землям, включенным в сельскохозяйственное производство. Даже в старых парках ушастая сова поселяется нечасто, отдавая предпочтение молодым искусственным насаждениям. Оптимальные условия она находит в расчлененных пойменных лесах. И лишь осенью, после подъема молодых на крыло, совы перекочевывают отсюда в высокоствольные древостои.

Охотясь в перелесках, на лугах и в других более или менее открытых местах, ушастая сова чередует поисковый полет и терпеливое подкарауливание жертвы с присады. Поэтому Е. П. Спангенберг рекомендует для привлечения этих сов на поля устанавливать там шести-присады.

Охотничьи повадки ушастой совы изучал В. С. Воронецкий на Звенигородской биостанции Московского университета. Ему удалось выяснить, что в безветренные тихие дни совы отправляются на охоту, как только солнце скрывается за лес. До полуночи

они обычно летают невысоко над землей, сходу бросаясь на замеченную жертву. Ничем не отличается и утренняя охота. Однако в наиболее темную часть ночи, а также при ветре, шелестящем листвой, или при морозящем дожде, сопровождающемся стуком капель о подстилку, совы предпочитают охотиться с присады. В таком случае они выбирают участки, находящиеся в «ветровой тени» лесных массивов, в оврагах и даже под прикрытием построек. В качестве присады используют, например, одинокие усохшие деревья, столбы, изгороди, позволяющие удобно расположиться в двух-четырёх метрах над землей. Надо заметить, что добычливость птицы в шумные ночи в два-три раза меньше, чем в тихие. При особенно сильном ветре или дожде ушастая сова не охотится вообще. Как показали наблюдения В. И. Абеленцева и А. С. Уманской, зимой во время кормежки ушастая сова облетает за ночь до ста квадратных километров. На этой площади может охотиться сразу восемь-десять особей. Однако в период гнездования взрослые птицы добывают основную часть пищи, редко удаляясь от гнезда более чем на полкилометра.

В местах отдыха и у присад за сезон скапливается значительное число погадок. Их размер 4,0—7,5x2,0—2,4 сантиметра. Анализ содержимого погадок показал, что главный корм ушастой совы — мышевидные грызуны. Именно их обезглавленные тушки чаще всего приходится находить в гнездах, а остатки — в погадках. Приведем несколько примеров, подтверждающих сказанное.

Из собранных Н. И. Черкащенко в лесостепи Полесья и в Карпатах более трех тысяч погадок насекомые были обнаружены лишь в 0,06 процента случаев, землеройки составили почти такую же долю; в одном случае из ста встречались остатки птиц, в остальных же 99 — остатки мелких грызунов, преимущественно обыкновенной полевки.

В осмотренных Т. А. Адольф двух тысячах погадок из-под Москвы обыкновенная полевка была обнаружена практически в каждой. В этих же погадках были найдены остатки двух певчих птиц, крота и бурозубки. Проведенный И. И. Барабаш-Никифоровым и Л. Л. Семаго анализ около полутора тысяч погадок из Воронежской области свидетельствует, что мышевидные грызуны в питании ушастой совы преобладают и в этой местности. Они встречены в 95—99 из каждых ста случаев. Остатки птиц обнаруживались редко и преимущественно в погадках, собранных поздней осенью.

Сходные сведения приводятся и для других районов. Так, в Татарии (данные В. А. Попова и А. В. Лукина), на Среднем Урале (данные В. Ф. Дорбачева), в лесостепи Западной Сибири (данные Л. А. Гибет), в бассейне реки Лены (данные В. Д. Сонины), в горной местности, например в Заилийском Алатау (данные А. К. Федосенко), и многих других местах летом на долю мышевидных грызунов в погадках ушастой совы приходится 95—100 процентов. Кстати, в Заилийском Алатау основным кормом ушастой совы являются узкочерепная и тяншанская лесные полевки, а обитающих здесь же в каменистых россыпях пищу эта сова почти не добывает.

Состав пищи ушастой совы зимой мало отличается от летнего. Свыше шести тысяч погадок этой совы в зимний сезон было собрано В. И. Абеленцевым и А. С. Уманской в урочище «Сыпучие пески» Херсонской области. И снова львиную долю рациона сов (85—92 процента встреч) составили грызуны — мыши и полевки. Хотя поймать птицу этой сове не так-то просто, остатки последних встретились в семи процентах случаев. Это чаще всего была садовая овсянка, а также зеленушка, снегирь, обыкновенная овсянка, домовый воробей. Очень сходные результаты дал осмотр трех тысяч погадок Е. П. Анисимовым. По его данным, основу зимнего питания сов в

антропогенном ландшафте Молдавии составляют также наиболее массовые виды грызунов — серая полевка, домовая и лесная мыши.

90. Ушастая сова (*Asio otus*) — полулесная птица: она охотится, как правило, в открытом ландшафте, а деревья ей нужны лишь для отдыха и гнездования. Ленинградская область, октябрь 1965 г.

91. Занимая чаще всего гнезда ворон или сорок, ушастая сова предпочитает постройки, расположенные у ствола вечнозеленого дерева, например сосны. Там же, май 1966 г.

92. У ушастой совы, как и у многих сов, в период гнездования охотится в основном самец. Насиживает кладку, обогревает и кормит птенцов самка. Лишь когда совята окрепнут, она тоже начинает вылетать за добычей. То же.

93. Кладка ушастой совы содержит четыре-пять, нередко шесть-семь и даже девять яиц. Поэтому птенцов у нее почти всегда бывает «полное гнездо». То же.

94. Небольшое воронье гнездо скоро оказывается тесным для совят. Покинув его, они располагаются на соседних ветках. Воронежская область, май 1966 г. Фото М. П. Кадочникова.

95. При опасности птенец ушастой совы затаивается: глаза прикрываются, оперение плотно прижимается к телу, а сам совенок вытягивается «столбиком». При этом одно крыло, словно щит, надвигается на грудь. Ленинградская область, конец мая 1966 г.

96. Если к совенку подойти совсем близко, он принимает характерную позу угрозы и из длинного и тонкого на глазах превращается в «большого и грозного». Калининградская область, конец мая 1973 г. Фото Э. Н. Головановой.

Обращает на себя внимание поведение ушастой совы в поздне-осенний и зимний периоды, а именно тенденция к образованию стай, что совсем нехарактерно для других сов. Стремление к объединению в сообщества можно уловить уже осенью у

молодых птиц, которые долгое время держатся выводками и если иногда охотятся порознь, то все-таки на день собираются в кроне какого-нибудь одного дерева или куста. Отдельные стайки весьма привязываются к тому или иному участку и возвращаются на это облюбованное место дневки порой в течение нескольких дней подряд. Но особенно совы любят общество себе подобных на пролете и зимой.

Зимние стайки насчитывают от пяти до тридцати и даже до пятидесяти особей. Ю. В. Аверин, Н. М. Ганя и Г. А. Успенский встречали их в парках и садах Молдавии, Д. Ю. Кашкаров, Г. Н. Пузанкова и Г. П. Третьяков — в тугаях Ферганской долины, мы видели стаи этих сов на Украине. Вечером, спустя минут сорок после захода солнца, проводившие вместе день птицы разлетаются за каких-нибудь десять минут. Ночью они уже не держатся кучно, но все же большинство их охотится в пределах одного поля или луга. Роберт Мерц, наблюдавший за этими птицами в Западной Европе, считает, что зимние скопления ушастых сов тем многочисленнее, чем суровее зима. Однако остается непонятным, в чем же, собственно, заключается для них выгода общественной жизни.

В мороз, сидя на ветках, совы непременно взъерошивают перья и кажутся вдвое толще, чем есть на самом деле. Стоит тихонько свистнуть или слегка стукнуть по дереву, как все сидящие на нем совы моментально «худеют» от испуга и из шарообразных становятся тонкими, словно палки. При этом у них не только прижимаются перья всего тела, но даже слегка приспускаются плотно прилегающие крылья.

Зимой чаще, чем в другую пору года, многие особи держатся у населенных пунктов, а иногда даже в крупных городах. Они регулярно зимуют, например, в Алма-Ате, Кишиневе, Херсоне. Однако к концу февраля птицы обычно исчезают. В марте почти всюду начинается интенсивный пролет их, который на севере ареала к середине апреля уже практически завершается. К этому времени большинство пар занимает гнездовые участки и приступает к токованию.

Ток ушастой совы — это регулярные крики, чередующиеся с зигзагообразным полетом от дерева к дереву. Брачный полет сопровождается хлопками крыльев, которые резко опускаются и сводятся вниз. Призыв самца — неторопливый двусложный низкий крик «гу-гуу», повторяемый, раз в пять секунд. Весной нередко удается услышать призывные сигналы сразу двух самцов. Получается что-то вроде антифонального пения, когда на крик одного самца как бы отвечает второй. Причем птицы явно подзадоривают друг друга. Это нетрудно проверить, имитируя их крик. Однако в отличие от песни-дуэта здесь возможна несогласованность и потеря ритма. Настоящая песня-дуэт раздается лишь в разгар тока. Она представляет собой повторение определенной комбинации звуков «иу-гу-гуу», в которой первый звук («иу»), несколько гнусавый и не столь низкий, издается самкой. Вторая часть песни (глухое «гу-гуу») принадлежит самцу. В целом одна песня-дуэт звучит около четырех секунд, затем следует перерыв в две секунды, и крики в той же последовательности повторяются.

В период гнездования можно услышать и другие звуки, воспроизводимые взрослыми птицами. Беспокоясь у гнезда и атакуя противника, оба родителя щелкают клювами, а самка еще и воинственно выкрикивает «уак-куак-куак...». Возбужденный самец иногда утробно и односложно «гукает». Одиночный сигнал (укороченный призывный крик) издается взрослыми совами при полете к гнезду или к слеткам.

Для гнездования ушастая сова чаще всего использует старые постройки

врановых птиц. Однако нередко она отбирает у ворон и новые гнезда. Высота расположения жилища может быть и незначительной — всего два-четыре метра, и весьма существенной — до двадцати пяти метров. При выборе гнезда отдается предпочтение сооружениям, находящимся на вечнозеленых деревьях — соснах или елях, и особенно тем, которые расположены у самого ствола. На лиственных породах сов больше всего привлекают закрытые гнезда сороки. Совы подчас несколько модернизируют сорочье жилище — расширяют у него леток и частично разбирают крышу. Удобным для ушастой совы оказывается и гнездо грача, особенно такое, над которым сверху выстроено еще гнездо. Помимо построек врановых птиц, ушастая сова занимает и гнезда хищников — осоеда, канюка, черного коршуна, ястребиного сарыча и других. Нередки случаи гнездования в полудуплах и дуплах. Бывает, что одна и та же гнездовая постройка используется совами два года подряд. В степных районах птенцы иногда выводятся и прямо на земле, на примитивной выстилке из мелких сухих травинок и совиных перьев. В голодные годы часть птиц не размножается, тогда как в «мышиные» возможен повторный вывод птенцов. При раннем таянии снега ушастая сова приступает к откладке яиц уже в первых числах апреля, а на юге ареала — в марте. В позднюю весну размножение несколько задерживается и свежие кладки попадают в плоть до конца мая. Такая пластичность гнездового поведения приводит к тому, что в целом период размножения у этой совы оказывается значительно растянутым. Полная кладка содержит 4—5, нередко 6—7 и даже 9 яиц, редко — 10. Яйца белые, обычной для сов эллипсоидной формы, средние размеры их 41,4X33,3 миллиметра. Только что отложенные яйца весят 27—29 граммов. Откладка яиц происходит через ночь. Насиживает самка. Продолжительность насиживания, видимо, колеблется от 25 до 28 а порой и до 30 суток. Примечательно, что яйца из одной кладки подчас инкубируются разное число дней. Нами неоднократно отмечалось единовременное вылупление двух и даже трех птенцов в кладках, где насиживание доподлинно началось после появления в гнезде первого яйца. Если учесть интервалы в откладке яиц, достигающие двух суток, то разница в продолжительности инкубации отдельных яиц получится весьма существенной.

Естественный отход в гнезде ушастой совы нередко бывает большим. Обычно одно-два яйца оказываются болтунами или с погибшим зародышем. Кроме того, часть птенцов гибнет в первые дни жизни. В конечном итоге до месячного возраста доживает в лучшем случае две трети птенцов.

Новорожденный соенок весит около 20 граммов и покрыт белым, относительно негустым пухом, сквозь который просвечивает розоватая кожа. Глаза и ушные отверстия закрыты, и сам он кажется на редкость беспомощным. Однако стоит к птенцу прикоснуться, как он тут же поднимает голову и покачивает ею в поисках принесенной пищи. Оставшись один, соенок быстро остывает и начинает попискивать. На пятую ночь вес соенка удваивается и он созревает. У многих птенцов в этом возрасте отваливается яйцевой зуб. Недельные птенцы уже предпринимают попытки вставать на ноги, чешутся, а проголодавшись, издают тихие дребезжащие звуки. На спине, шее и плечах у совят к этому времени уже раскрываются пеньки перьев второго птенцового наряда.

Когда старшему птенцу исполнится девять-десять суток, на поиск корма вместе с самцом начинает вылетать и самка. В ожидании родителей совята сидят плотной кучкой, обогревая друг друга. Птенцовая «пирамида» строится далеко не как попало. Обычно в центре восседает старший птенец, и его голова всегда возвышается над «грудой тел». К нему спинами наружу жмутся остальные совята. Самые маленькие птенцы и яйца оказываются внизу.

В двухнедельном возрасте вес совенка почти удесятерается, а на шестнадцатую ночь переваливает за двести граммов. Когда птенцу подносишь палец, он угрожающе шипит и щелкает клювом, а если его взять в руки, то отчаянно сопротивляется и верещит, подавая сигнал бедствия. Наблюдения, проведенные Н. В. Бельским в Москве на территории Главного Ботанического сада АН СССР, где регулярно выводило птенцов около десятка пар ушастой совы, показали, что к двадцати четверем — двадцати пяти суткам рост совы в основном заканчивается. Именно с этого времени они становятся весьма предприимчивыми: то «охотятся» на гнезде за воображаемой жертвой, чем напоминают котят, то тянутся к ветке над гнездом, то выходят на край гнезда и принимаются интенсивно махать крыльями, разгоняя по ветру пушинки. А еще через неделю, едва оказавшись в состоянии перепорхнуть на соседнюю ветку, они покидают гнездо. В этом возрасте совы неспособны к продолжительному полету, хотя основные перья крыльев у них уже достигают в длину семидесяти—ста тридцати миллиметров. И только примерно через месяц, а именно к пятидесятым—пятьдесят пятым суткам, развитие оперения крыльев и хвоста молодых птиц более или менее завершается и в полете их уже нелегко отличить от взрослых.

В последнюю декаду перед вылетом птенцов родители особенно интенсивно кормят их. За ночь взрослые совы успевают принести двенадцать—пятнадцать полевков, то есть не менее двухсот граммов пищи. Как установил Р. А. Семенов, изучавший рост и развитие птенцов этого вида в лесостепи Зауралья, на каждые пять граммов корма совы прибавляют грамм веса. Казалось бы, они получают немало пищи, но птенцы почти всегда готовы есть еще и еще. Об этом можно судить по их ужимкам и нетерпеливому переступанию с ноги на ногу, наиболее заметному в момент появления родителей. Выпрашивание корма постоянно сопровождается хриплым писком, кстати очень похожим на просящие голоса птенцов неясытей, хотя и более высоким по тону. Ко времени вылета этот звук преобразуется в высокий и пронзительный свист. По сравнению с птенцами неясытей птенцы ушастой совы кричат часто.

Призывные крики птенцов обычно слышатся уже с вечера. Младшие совы начинают кричать раньше старших, которые к тому же подают голос реже. В. С. Воронежский подсчитал, что за два-три часа птенцы воспроизводят свой призывный крик тысячу, а то и две тысячи раз. Интересно, что самый крикливый из слетков нередко захватывает роль лидера при перемещениях выводка. Все время перекликаясь, молодые совы кочуют вдоль лесных опушек. С августа кочевки постепенно приобретают характер направленного перемещения. Так начинается отлет. Пролет ушастой совы никогда не бывает интенсивным и растягивается чуть ли не на три месяца. Распадаются ли перед отлетом выводки или встречаемые на пролете группы представляют собой объединившиеся семьи, пока остается неизвестным.

Совсем недавно численность ушастой совы в большинстве районов была достаточно высокой, но в последние годы она упала. Будучи одной из наиболее доверчивых сов нашей фауны, эти птицы легко попадают под выстрел горе-охотников. Но, может быть, есть и другие причины сокращения численности ушастой совы.

Болотная сова — *Asio flammeus*. Это одна из наиболее широко распространенных сов мира. На травяных болотах с угнетенной порослью деревьев и кустарников, где болотная сова находит оптимальные условия для существования, ее можно встретить практически в любой стране на всех континентах, исключая только Австралию. На север болотная сова проникает до южной части подзоны мохово-лишайниковой тундры. На востоке Большеземельской тундры в районе Воркуты она попадает на глаза даже чаще, нежели полярная сова. Наряду с болотами эта сова охотно заселяет луга в поймах рек и озер, а также обширные пустоши, расположенные

как вдали от поселений, так и вблизи малых и больших городов.

Часто болотная сова селится и в сухой степи. В этой связи убедительно замечание С. В. Кирикова о том, что название «болотная» для данной совы не совсем удачно и по крайней мере на огромных просторах Южного Урала было бы правильнее именовать ее «степной». Справедливо это и для Предкавказья, где сова также освоила степной ландшафт. На юге нашей страны болотная сова явно тяготеет к орошаемым районам. В горной местности она заселяет либо долины рек, либо субальпийские луга. Но во всех случаях это птица открытого ландшафта.

Внешне болотная сова похожа на ушастую, отличаясь от последней отсутствием поперечного рисунка на перьях по бокам тела, едва заметными перьевыми ушками и чисто-желтой окраской радужины глаз. К тому же цвет оперения у этой совы светлее, желтоватее. Даже пуховой наряд птенцов иногда имеет едва заметный желтый оттенок. Лицевой диск у болотной совы выражен слабее, нежели у ушастой. Составляющие его перья, исключая участок, непосредственно примыкающий к глазам, светлые. Темноокрашенные перья, располагающиеся вокруг глаз, вместе с почти черным клювом как бы образуют маску на лице совы.

В полете болотная сова обращает на себя внимание длиной крыльев, на сгибах которых просматриваются темные пятна. Полет легкий, с размеренными взмахами. Иногда на короткое время сова переходит на парение. Одним словом, в воздухе эта сова похожа на луня.

Сова очень редко присаживается на кусты либо деревья. Обычно она отдыхает на кочке или просто среди травы. Примечательно, что, сидя на земле, она не держит тело столбиком, как другие совы, а несколько наклоняет его вперед. Прямо сидеть ей мешают далеко заходящие за хвост крылья.

Весьма нередко болотная сова значительно более деятельна в вечерние и утренние часы, нежели ночью. Особенно это заметно в период выведения птенцов, когда совы вылетают на охоту если не среди белого дня, то по крайней мере задолго до захода солнца. В указанной связи несомненный интерес представляют наблюдения А. В. Кречмара. Характеризуя суточную активность этого вида в условиях Западного Таймыра, он подчеркивает, что в отличие от полярной и ястребиной болотная сова летом деятельна исключительно в сумеречное и ночное время.

97. Задолго до захода солнца вылетает на охоту болотная сова (*Asio flammeus*). Ее можно опознать по сравнительно длинным крыльям, на сгибах которых просматриваются темные пятна. Вологодская область, май 1972 г. Фото В. Н. Михайлова.

98. Чаще всего болотная сова поселяется на сырых лугах или болотах, поросших узколиственными осоками и пушицей. Здесь прямо на кочке помещается ее гнездо. Ленинградская область, конец мая 1966 г. Фото О. С. Русакова.

99. Птенцы у болотной совы всегда разновозрастные, поскольку самка приступает к насиживанию, не окончив кладки. То же.

100. Этот снимок сделан днем. Обогревая совят, самка подпускает человека совсем близко. Кстати, перьевые ушки у взрослой птицы видны лишь тогда, когда сова затаивается, стремясь стать незаметной. То же. Фото О. С. Русакова.

101. Создается впечатление, что на близком расстоянии совы и почти не пользуются зрением. Вот и в момент броска на добычу глаза болотной совы закрыты. Там же, сентябрь 1973 г.

102. Но когда полевка поймана и болотная сова собирается с ней улететь, глаза ночного охотника открываются. То же.

103. Внешне болотная сова похожа на ушастую, от которой ее отличает отсутствие поперечного рисунка на перьях по бокам тела и большая длина ног, облегчающая выхватывание грызунов из травы. То же.

На большей части территории Советского Союза болотная сова — перелетная птица. Однако к югу от пятидесятого градуса северной широты в богатые кормом и малоснежные годы нередки встречи с ней и в зимнее время. В степях юго-запада Украины и Молдавии в «мышинные» годы проводят зиму многие особи. Здесь останавливаются я совы, летящие с севера. Известны случаи массовых зимовок этих сов в Северо-Западном Казахстане. Очень часто их осенний отлет происходит не в южном, а в юго-западном направлении. Именно этим и объясняется, что сов, летом окольцованных в Советском Союзе, зимой обнаруживают в Западной Европе. Осенний пролет начинается рано, в конце августа, и длится до ноября. Весной в зоне материковых тундр первые особи появляются с 1 по 10 мая. Южнее, например под Ленинградом или на Карельском перешейке, болотная сова была отмечена на гнездовых участках уже в первой декаде апреля.

Во время миграций совы летят обычно на высоте тридцать-пятьдесят метров, как правило, поодиночке, реже парами или небольшими группами. В последнем случае птицы редко сближаются, но и не теряют друг друга из вида. Движение сов начинается с вечера, примерно за час до заката солнца.

Так же как и ушастая, болотная сова осенью и зимой проявляет склонность к групповой жизни. В это время на зимовках наряду с одиночными птицами удастся встретить и группы из десяти-пятнадцати особей. В кормных местах, например у ометов, на участке менее одного гектара может охотиться до десяти сов.

Почти сразу после прилета болотная сова начинает подавать голос, и со стороны

болот и лугов, где позднее будут гнездиться птицы, по вечерам и ночам слышится странная глухая «барабанная дробь», напоминающая скороговорку,— «ых-ых-ых...». Трель длится около четырех секунд и включает семнадцать-восемнадцать звуков. Это призывный крик самца, его брачная песня. Обычно, издав ее, он замолкает на четыре-пять секунд, как бы прислушиваясь в ожидании ответа, затем призыв повторяется и так до восьми-десяти раз. Кричит самец, как правило, во время своеобразного замедленного полета, проплывая над лугами на высоте шестидесяти-восемидесяти метров.

Когда же на участке появляется самка, начинается парное токование, сопровождающееся красивыми брачными пируэтами самца в воздухе. О появлении самки можно узнать по ее хриплому крику «иах», надсадно звучащему в ответ на призыв самца. Возбужденный самец взмывает в воздух и на высоте двадцати-тридцати метров описывает круги над своим участком. Он то снижается, полусложив крылья и щелкая клювом, то снова набирает высоту. Время от времени, пролетая параллельно земле, он вдруг приостанавливается с высоко поднятыми крыльями и тут же резко опускает их вниз, произведя хлопок. Затем полет продолжается, и через некоторое время все повторяется вновь. Иногда, совершая токовые полеты, самец удаляется в сторону на двести-триста метров, но лишь для того, чтобы тут же вернуться обратно. В отдельных случаях в брачных полетах принимают участие обе птицы и кажется, будто они играют в пятнашки, гонясь друг за другом, пока самка неожиданно не спланирует на землю и не скроется в траве. Садясь, она почти всегда хрипло выкрикивает «иах». Этот голосовой сигнал, выражающий сильное возбуждение, часто как бы сдваивается, быстро повторяясь.

На гнездовом участке нередко можно услышать также характерные сухие выкрики «хэк-хэк-хэк». Это сигнал тревоги. При появлении на участке врага, например лисицы, совы смело пикируют на него, угрожающе шипят и щелкают клювами. Когда к гнезду с птенцами приближается человек, самка летит навстречу и беспокойно кружится над его головой, подавая сигнал опасности. Иногда она пикирует на пришельца и даже может ударить лапами. Если человек оказывается совсем близко от совы, самка самоотверженно отводит его, притворяясь подстреленной: падает на землю, бьет крыльями и испускает высокий резкий писк, который в других ситуациях слышать от нее не приходится.

Гнездится болотная сова на земле. При этом она отдает предпочтение пустошам с невысокой и сравнительно сухой прошлогодней травой, на фоне которой насиживающая самка почти неразличима. Как правило, яйца откладываются на примитивную выстилку из листьев и стеблей осок и злаков. На сырых участках, например в тростниковых займищах, выстилка может быть значительной. В этом случае гнездо болотной совы напоминает миниатюрную постройку болотного луня, достигая иногда в высоту пяти-семи сантиметров при диаметре около четверти метра. В центре вытаптывается лоток диаметром пятнадцать-семнадцать и глубиной не более трех-четырёх сантиметров. В Казахстане гнезда болотной совы находили в неглубоких расщелинах на склонах балок, в старых полуразрушенных зимовьях, а в районе поселка Наурзум болотная сова однажды поселилась на печи в пустующем кордоне. Известен я случай, когда в Молдавии гнездо этой совы было обнаружено в дупле гнилого упавшего на землю дерева.

Яйца откладываются, по-видимому, с интервалом в двое суток, о чем можно судить по тому, что после двадцати семи суток насиживания совыта вылупляются с промежутками в 36—48 часов. Однако в обильные кормом годы болотная сова, вероятно, способна нести яйца и ежедневно и тогда птенцы появляются на свет

каждую ночь. Яйца белые, с гладкой скорлупой, несколько более округлые, чем у ушастой совы. Размер яиц в среднем 39X32 миллиметра. Недавно снесенное яйцо весит 20 граммов.

Величина кладки в значительной мере варьирует в зависимости от состояния кормовой базы. В «мышинные» годы большинство самок откладывает 7—9, иногда 11 яиц. В годы депрессии численности грызунов в гнезде чаще бывает 5—6 яиц, а в особо голодные годы многие птицы не размножаются вообще. Откладка яиц обычно начинается после стаивания снега и просыхания земли. На севере ареала это происходит в середине мая, на юге, естественно, раньше. Насиживает яйца всегда самка. Она сидит на гнезде весьма плотно, подпуская к себе совсем близко.

По темпам роста птенцы болотной совы мало отличаются от совят ушастой. Однодневный птенец весит 14—15 граммов. К двухнедельному возрасту он одевается во второй птенцовый наряд. В это время особенно хорошо заметна черная маска на его «лице». Самое же примечательное в лохматых охристо-рыжеватых совятах то, что в четырнадцати-пятнадцатидневном возрасте они, еще неспособные даже перепархивать, выбираются из гнезда и разбредаются. Каждый птенец прячется в своем месте на расстоянии трех-четырёх метров от гнезда. Молодая трава около птенца оказывается вытопанной, и по всему видно, что если совенок и отходил подальше, то обычно вскоре возвращался на облюбованный им пятачок. С вечера птенцы начинают подавать голос — старательно хрипеть. Ориентируясь на этот сигнал, родители отыскивают их и кормят.

Способность к полету совята приобретают в месячном возрасте, но первое время пользуются крыльями неохотно и редко, предпочитая отсиживаться в траве. Полуторамесячные совы летают хорошо и предпринимают попытки самостоятельно поймать добычу. Однако до августа выводки не разбиваются и старые птицы продолжают регулярно кормить молодых. Широко кочующие семьи болотных сов в эту пору встречаются почти повсеместно.

Основная пища болотной совы — полевки. Интересно наблюдать, как взрослые птицы с вечера вылетают на охоту. Обычно еще засветло, после дневного отдыха, сова взмывает высоко вверх и, как бы разминая крылья, пролетает несколько раз туда и обратно над районом будущей охоты. Причем то в одном, то в другом месте она зависает в воздухе, часто трепеща высоко поднятыми крыльями, и только после этого спускается ниже и приступает к поиску добычи. Методично облетая участок на высоте трех-четырёх метров, сова иногда удаляется на километр и больше. Но когда совсем стемнеет, ее способ охоты меняется. Теперь она чаще либо сидит на кочке, прислушиваясь к шорохам, либо кружит подолгу над одним и тем же местом.

Несмотря на сравнительно мелкие размеры, аппетит у болотной совы весьма значительный. Е. П. Спангенберг приводит случаи, когда в желудке взрослой птицы обнаруживали остатки двенадцати-пятнадцати полевок. В погадках (их размер 4,1—8,5x2,0—2,4 сантиметра), которые болотная сова отрыгивает почти ежедневно, как правило, находят остатки трех-четырёх грызунов в каждой. Лишь на зимовках и в отдельные малокормные годы пища сов, помимо мышевидных грызунов, включает значительное количество птиц и других животных. В такие годы, особенно если они сопровождаются обильными снегопадами и морозами, многие птицы гибнут. При массовом же размножении грызунов совы добывают корма намного больше, чем им необходимо, и тогда в гнезде и возле него образуются запасы, в которых нередко можно насчитать до десяти-двенадцати трупов зверьков. С точки зрения работников сельского хозяйства, эта сова — одна из полезнейших птиц.

Болотная сова, нередко вылетающая на охоту до наступления сумерек, довольно часто сама становится жертвой хищников. Беркут, степной орел и другие крупные дневные хищники ловят не только птенцов, но и взрослых сов. Особенно активно дневные хищные птицы преследуют сов в годы высокой численности последних. Много чаще, чем другие совы, болотная сова оказывается добычей и хищных зверей, например лисиц. В зубы и лапы хищников попадают прежде всего особи, отдыхающие днем на земле. В воздухе болотные совы сами достаточно воинственны, и нередко можно видеть, как под их натиском покидают участок такие крупные птицы, как серая цапля и даже болотный лунь. От нападающей болотной совы иногда убегает и лисица.

Несмотря на обилие врагов, численность болотной совы в целом по стране еще сравнительно высока.

МОХНОНОГИЕ СЫЧИ — AEGOLIUS

Обликом и размером эти совы напоминают домового сыча. Но есть между ними и существенные различия. Это прежде всего — густо оперенные пальцы мохноногих сычей, послужившие поводом к названию рода в целом. Мохноногих сычей от домового отличает также заметно более короткая цевка, сравнительно рыхлое оперение, явная большеголовость и хорошо выраженный лицевой диск. Громадные ушные отверстия мохноногих сычей асимметричны, причем эта асимметрия захватывает и кости черепа.

Род включает четыре вида. Наиболее широко распространенный вид — мохноногий сыч (*A. funereus*). Он встречается в лесах северного типа почти во всей Евразии и Канаде. Близкий к нему вид — американский мохноногий сыч (*A. acadicus*) — гнездится на юге Северной Америки. Здесь же встречается мексиканский мохноногий сыч (*A. ridgwayi*). Южную Америку населяет южноамериканский мохноногий сыч (*A. harrisi*). Три последних вида многими орнитологами принимаются за один — *A. acadicus*.

Мохноногий сыч — *Aegolius funereus*. Это единственный из мохноногих сычей, обитающих на территории Советского Союза. В северной тайге он, безусловно, нередок, но из-за чрезвычайно скрытного поведения мы очень немного знаем о его жизни. Даже природная доверчивость мохноногого сыча не умножает встреч с ним.

Внешне мохноногий сыч похож на домового сыча. Сходна в целом: окраска оперения, цвет радужины глаз и клюва. Из-за более длинных крыльев, хвоста и рыхлого пера мохноногий сыч кажется крупнее, хотя по массе оба вида примерно одинаковы. Самка весит около 190, а самец — 120 граммов. Однако если взрослые особи мохноногого и домового сычей внешне сходны, то молодые птицы легко различаются. Окраска юношеского оперения у мохноногого сыча однотонная, каштаново-бурая, как у молодого воробьиного сычика или ястребиной совы. Здесь мы вновь сталкиваемся с фактом, когда взрослые птицы окрашены значительно пестрее, нежели молодые. Еще проще отличить мохноногого сыча от домового в природе. Если домовый сыч — обитатель открытого ландшафта, активен в разное время суток, то мохноногий сыч — лесная, сугубо ночная сова. Мохноногому сычу, по-видимому, совершенно несвойственна столь эффектная у домового сыча поза угрозы, когда птица распускает крылья и начинает приседать. При угрозе мохноногий сыч лишь таращит глаза и щелкает клювом.

Чаще всего мохноногий сыч обитает в хвойном лесу. Нередко он селится в глухих приречных ельниках, но не избегает и смешанных насаждений. В общем этого сыча следовало бы именовать «лесным». Особенно охотно он заселяет леса таежного

типа вблизи крупных озер либо моховых болот. Северная граница распространения мохноногого сыча почти полностью совпадает с северным рубежом лесов. На юг он проникает в Белоруссию, Рязанскую область, Татарскую АССР и далее на востоке — в Северный Казахстан, на Алтай и Сихотэ-Алинь. Островные поселения известны на Кавказе, Тянь-Шане и в других горных районах. Одной из самых крайних южных точек нахождения мохноногого сыча, очевидно, является Хосровский лес в Армении, где в 1961 году К. А. Юдин обнаружил эту сову, а в последующие годы было отмечено ее гнездование. Заметим, что Хосровский лес представляет собой маленький островок, отрезанный от основного ареала мохноногого сыча. Наличие его здесь, возможно, указывает на некогда более широкое распространение этой птицы. По-видимому, к таким же реликтовым очагам следует причислить известные случаи гнездования мохноногого сыча на южном берегу Крыма, а также встречи его в горных лесах Карпат, где эта сова известна была еще в прошлом веке.

С марта и почти весь апрель в лесах, где поселяется мохноногий сыч, по ночам можно слышать его брачные крики. Чаще всего доносятся призывные сигналы самцов, повторяемые в период возбуждения раз за разом. Каждый призыв содержит девять-десять низких звуков, следующих один за другим и постепенно как бы затухающих. Издали эти звуки напоминают песню удода, а иногда их довольно неудачно сравнивают с весенним криком зайца. Призывная трель сыча воспринимается, как энергичное выкрикивание слогов «у-пу-пу-пу-пу-пу-пу-пу». Вся трель занимает около трех секунд. Кричит самец, обычно сидя на ветке поблизости от гнездового дупла, причем весной его голос раздается по нескольку часов кряду. Можно сослаться на наблюдения шведских и норвежских орнитологов, которые за короткую весеннюю ночь насчитывали до четырех тысяч криков этой совы.

Кроме видового призывного крика, на гнездовом участке нередко слышится глухое трехсложное «ва-ва-ваа», которое птица издает, как правило, на лету. Возможно, что это самка выражает свое возбуждение. Иногда этот дрожащий звук слышится в ситуациях, которые, казалось бы, должны вызывать тревогу у птиц. Реже похожие низкие звуки испускает самка, когда она как бы предостерегает человека от попытки приблизиться к гнездовому дуплу. Возвращаясь с добычей, а иногда и вылетая на промысел, самец выкрикивает сравнительно высокую трель, состоящую из трех-четырёх ритмично повторяемых звуков «о».

Определяющим моментом в выборе сычами гнездового участка является наличие удобного для откладки яиц дупла. Во многих случаях мохноногий сыч становится как бы спутником желны, дупла которой занимает особенно охотно. Поскольку этот дятел для постройки гнезда редко использует деревья, растущие внутри сомкнутого насаждения, а предпочитает стоящие у опушек и хорошо освещаемые солнцем хотя бы по утрам, получается, что и сыч в период гнездования вроде бы тяготеет к разреженным старым лесам, граничащим с вырубками, гарями и другими открытыми пространствами. Известны случаи поселения мохноногого сыча в дуплах деревьев, одиноко растущих посреди полян или лугов. Так, на Карельском перешейке, совсем недалеко от Ленинграда, однажды мы обнаружили гнездо мохноногого сыча, устроенное в дупле одной из трех сосен, одиноко стоящих на лугу всего в ста пятидесяти метрах от поселка и в пятидесяти метрах от речки. Здесь, в бывшем гнезде желны, мохноногий сыч выводил птенцов по крайней мере четыре года подряд.

Связь обитания мохноногого сыча с желной подтверждается и еще одним обстоятельством. Там, где леса из-за интенсивных рубок омолаживаются, обе птицы исчезают почти одновременно. Гнезда других дятлов мохноногий сыч занимает, по-видимому, редко. Нам известны лишь случаи поселения сычей в старых дуплах

зеленого дятла, в летки которых самки протискивались с большим трудом.

104. Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) — некрупная большеголовая сова. Обычно он поселяется в хвойной тайге. Ленинградская область, май 1964 г.

105. В ряде случаев мохноногий сыч оказывается спутником черного дятла — желны, старые дупла которого он охотно занимает. То же.

106. Обычно мохноногий сыч охотится с присады, расположенной в трех-четыре метра от земли. То же.

107. Только что вылупившийся птенец мохноногого сыча весит около восьми-девяти граммов. Там же, 10 мая.

108. В трехнедельном возрасте совыта уже подолгу сидят на краю летка. Там же, начало июня.

109. Второй птенцовый наряд мохноногого сыча буровато-шоколадного цвета и отличается от окончательного оперения незначительным числом пестрин. То же.

110. Мохноногий сыч охотно занимает искусственные гнездовья — различные дуплянки. Воронежская область, июнь 1956 г. Фото Н. П. Кадочникова

111. Весной там, где водится мохноногий сыч, нередко раздаётся его энергичная призывная трель. Здесь же можно услышать голоса и других видов — неясытей, филина, ястребиной и ушастой сов, воробьиного сычика. Стоит догореть вечерней заре, как совы наполняют жизнью притихший лес. Так было всегда. И чтобы ночи будущего не утратили своей прелести, человек обязан сберечь сов, хотя бы из гуманных и эстетических соображений, как частицу природы, давшей ему жизнь. 1977 г.

Не найдя удобных для гнездования естественных дупел в ухоженных человеком лесах, мохноногий сыч заселяет искусственные гнездовья. При этом он нередко оставляет темные ельники и обживает более светлые леса. Так, в сосняках на берегу Ладожского озера он гнездится в дуплянках, развешенных по опушкам для гоголя. Это же наблюдалось в Кандалакшском заповеднике. В достаточно крупных скворечниках (с летком не менее семи с половиной сантиметров в диаметре) сычи, как показал Н. П. Кадочников, поселяются в старых естественных дубравах лесостепных районов. Любопытно, что во многих лесах Западной Европы, например в лесах ФРГ, подавляющее большинство этих птиц обитает именно в искусственных гнездовьях.

Откладка яиц у мохноногого сыча, как правило, происходит в апреле. С интервалом в двое суток в гнезде появляются 4—6, реже больше яиц, весом 12—14 граммов каждое. Скорлупа яиц чисто-белая, с незначительным блеском. Их размер в среднем 32,3х26,3 миллиметра. Насиживание на севере ареала длится 26—28 суток. Как показали наблюдения Клауса Кенига, в лесах Швабской Юры (ФРГ) при теплой погоде продолжительность инкубации может затягиваться до двадцати девяти, а при холодной весне сокращаться до двадцати пяти суток. Насиживает яйца одна самка, причем настолько плотно, что если надо обследовать кладку, то птицу приходится сдвигать рукой.

Вылупившийся птенец весит около 8—9 граммов и уже через несколько часов, обсохнув, оказывается покрытым густым белым пухом. Возможно, что насиживание не всегда начинается с откладки первого яйца. Известны случаи, когда первые два птенца вылуплялись одновременно или в течение не более четырех-шести часов. Остальные птенцы проклевывались по одному в ночь. Таким образом, появление на свет пяти совят, например, занимает всего четыре дня. Этим частично объясняются незначительные различия в размерах птенцов одного выводка. Прозревают они лишь на восьмую-одиннадцатую ночь. Еще через пару ночей совята уже устойчиво держатся на ногах и при недоедании сами начинают искать себе пищу, что иногда приводит к каннибализму. Это нередко случается, например, при затяжных дождях в Ленинградской области. На Карельском перешейке птенцы, уже способные к прямолинейному полету, покидают дупло на 29—32-ю ночь. На юге, например в Воронежской области, совята задерживаются в гнезде иногда до 38 суток. К концу июня в большинстве районов летные птенцы в сопровождении родителей уже кочуют по лесам. В этот период особенно часто приходится слышать беспокойный хриплый посвист «тс-иии» взрослых птиц и сиплое, напоминающее снегириное, нытье сычат, требующих корм. Судя по данным Оскара Хайнрота, который воспитывал птенцов мохноногого сыча, эти птицы становятся половозрелыми уже к концу первого года жизни.

Охотится мохноногий сыч, как правило, с присады, расположенной в трех-четыре метра над землей. Обычно, посидев на одной ветке минут десять и не обнаружив никого, он перелетает метров на семьдесят и вновь высматривает добычу, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Его жертвами в бесснежные сезоны чаще всего становятся мышевидные грызуны. Сычи, живущие на берегах водоемов, изредка приносят к гнезду утят. Вообще же птицы редко становятся добычей мохноногого сыча и случается это чаще зимой. Тогда же удается обнаружить и продовольственные запасы сыча—спрятанные в дуплах трупы полевок, реже воробьиных птиц.

Поедая корм, мохноногий сыч, как и другие совы, при возможности заглатывает его целиком, а неперевариваемые остатки отрыгивает в виде погадок размером 1,5—3,2X1,5—2,0 сантиметра. В отдельных укромных местах, где сычи отдыхают днем, иногда скапливается масса остатков их трапез. Многолетние залежи погадок были обнаружены и исследованы В. Н. Большаковым, посетившим пещеры Кургазак (Челябинская область, район Ай) и Аракаевскую (Свердловская область, река Серга). Как показал разбор погадок, рацион обитавших здесь сычей состоял на 93 процента из рыжей полевки, лесной мыши и иных весьма распространенных в данной местности мышевидных грызунов. Примечательно, что сычи отлавливали в первую очередь молодых зверьков. Показательно и другое: несмотря на то, что в пещерах во множестве обитали летучие мыши, их остатков в погадках не было.

О питании мохноногого сыча на севере его распространения мы можем судить по материалам, собранным финскими орнитологами в пограничных с СССР районах. У пятидесяти восьми гнезд этой совы Пертти и Сеппо Сулкава подобрали и исследовали более шести тысяч единиц остатков пищи. Из них 44 процента пришлось на долю рыжей полевки, 22— на долю землероек, 21 составила серая полевка, 3 — мыши и 7 процентов — птицы. Таким образом, недостаток основного корма — полевок — скорее всего могут компенсировать землеройки.

Характер пребывания мохноногого сыча на местах гнездовых остается неясным. Наряду с фактами, указывающими на несомненную оседлость этой птицы, имеются и другие сведения. Достоверно, например, известно, что в суровые зимы многие особи

встречаются вблизи населенных пунктов, где в гнездовой сезон отсутствуют. Регулярные сезонные миграции сычей вдоль побережья Псковского и Чудского озер наблюдали М. М. Мешков и Л. П. Урядова. В октябре-ноябре мохноногие сычи систематически попадают в ловушки, устанавливаемые для отлова мигрирующих воробьиных птиц в Ленинградской, Калининградской и других областях. Сходным образом, кстати, ведут себя представители этого рода в Канаде, где они кочуют в одни сроки с ястребиной совой и бородатой неясытью. Там это наблюдается лишь в годы падения численности мышевидных грызунов. Во всех случаях на севере ареала сычи более подвижны, нежели на юге.

Зимние кочевки мохноногого сыча вряд ли бывают дальними. Так, в Ленинградской области, несмотря на сравнительно частые встречи этих птиц в гнездовой период, зимой они довольно редки. В то же время уже в Эстонии, по свидетельству Э. В. Кумари, сыч летом редкая, а зимой весьма обычная птица. Это позволяет предполагать, что многие из сычей, живущих где-нибудь в Ленинградской области или Карелии, могут зимовать уже на широте Эстонии.

В феврале — начале марта сычи вновь оказываются на местах будущих гнездовых. И сразу же еще заснеженный ночной лес начинает оглашаться их звучными криками...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Изучение жизни сов — дело не только интересное, важное, но и исключительно сложное. Уже по количеству фамилий орнитологов, о наблюдениях которых рассказано на страницах этой книги, нетрудно представить, как много специалистов уделяет внимание совам. И тем не менее образ жизни этих птиц еще только начал раскрываться.

Надо отметить, что изучение диких животных вообще дело не из легких. В этой связи нельзя не вспомнить высказывание замечательного немецкого орнитолога Оскара Хайнротта, который на основании своего огромного опыта исследователя-натуралиста говорил: «...наблюдая за животными, всегда приходится помнить, что последние располагают временем!» Это в полной мере относится к совам, которые, помимо всего, еще очень скрытные птицы. И в этом ночь — их союзник.

Возможно, что эта книга позволит приподнять занавес таинственности, которым укрыт ночной лес и его обитатели. Хотелось бы, чтобы читатели полюбили сов, этих «детей ночи», и пожелали больше узнать об их жизни. Думается, что в таком случае наша книга может послужить для них первым руководством. Но если после прочтения ее человек придет в ночной лес и там ему покажется, что совы перестали быть для него тайной — это будет самым плохим результатом. Тогда нам останется лишь вспомнить слова ленинградского поэта А. Городницкого:

*«Не страшно потерять умение удивлять,
Страшнее потерять умение удивляться!»*

Человек, решивший углубить свои теоретические знания о совах, пожелавший сколько-нибудь полно ознакомиться с литературой по данному вопросу, также ставит перед собой нелегкую задачу. Дело в том, что обстоятельных сводок, посвященных этой группе птиц в целом, на русском языке нет. Совсем немного их увидело свет и в других странах. В период подготовки настоящей рукописи в Лондоне издательством «Peter Lowe» выпущен в свет, по-видимому, фундаментальный труд «Owls of the world:

their evolution, structure and ecology». К сожалению, с этой книгой нам ознакомиться не удалось. Из сравнительно доступных книг прежде всего заслуживает рекомендации опубликованная в 1973 году работа Зигфрида Экка и Хорста Буссе «Eulen» (из серии «Die Neue Brehm-Bucherei»). В ней авторы на основании личных наблюдений за птицами в зоопарках, а также анализа обширной литературы рассказывают о совах всего мира. Много интересного о жизни сов, воспитанных в домашних условиях, можно узнать во втором томе прекрасно иллюстрированного труда Оскара и Магдалены Хайнрот «Die Vogel Mitteleuropas», переизданном в Берлине в 1967 году.

Краткие сведения о совах, конечно, содержатся и в книгах о жизни птиц вообще. К такой литературе относятся переводные издания сочинений Альфреда Брема, отечественный выпуск шеститомного издания «Жизнь животных» (в нем пятый том целиком посвящен птицам), специальная шеститомная сводка «Птицы Советского Союза», в которой часть первого тома отведена под описание распространения, питания и биологии сов. Подчас немало интересных данных сосредоточено в региональных фаунистических сводках — в книгах о птицах того или иного края. Основная же масса оригинальных сведений, как правило, публикуется в специальных статьях, например в периодически издаваемом сборнике «Орнитология», в «Зоологическом журнале», в «Трудах» различных заповедников и биологических научно-исследовательских институтов. Интересные факты, освещающие особенности жизни и поведения сов, можно почерпнуть из «Записок» натуралистов и других популярных изданий.

Приводимый ниже список литературы касается в основном биологии и экологии сов. Конечно, он неполный и ограничен, во-первых, работами, относящимися к совам лишь Советского Союза; во-вторых, по возможности современными (сравнительно доступными) изданиями, и, в-третьих, статьями, которые нам понравились больше других. Просматривая рекомендуемую ниже литературу, каждый без труда может составить для себя и более расширенный список, поскольку почти в каждом издании имеются многочисленные ссылки на использованные источники.

Аверин Ю. В., Ганя Н. М., Успенский Г. А. Птицы Молдавии. Т. 2. Кишинев, 1971. 236 с.

Адамян М. С., Гейликман Б. О., Маркарян Н. А. и др. О гнездовании мохноногого сыча в Армении.—«Биологический журнал Армении», 1966, т. 19, № 2, с. 106-108.

Анисимов Е. П. Факторы, определяющие добычу ушастой совы зимой.— В кн.: Вопросы экологии и практического значения птиц и млекопитающих Молдавии. Вып. 3. Кишинев, 1969, с. 36—40.

Бакаев С. Экология гнездования пустынной совки в низовьях реки Зеравшан.— В кн.: Материалы 6-й Всесоюзной орнитологической конференции. Ч. 2 М 1974, с. 20—21.

Барабаш-Никифоров И. И., Семаго Л. Л. Птицы юго-востока Черноземного центра. Воронеж, 1963. 210 с.

Бертон Р. Чувства животных. М., 1972. 197 с.

Бианки В. В., Кошкина Т. В. О питании ястребиной совы.— «Труды

Кандалакшского заповедника» (Петрозаводск), 1960, вып. 3, с. 113—117.

Большаков В. Н. Материалы по питанию мохноногого сыча (по данным анализа погадок из пещер Ср. и Юж. Урала).—В кн.: Орнитология в СССР. Ч. 2. Ашхабад, 1969, с. 69—71,

Бородихин И. Птицы Алма-Аты. Алма-Ата, 1968. 121 с.

Воробьев К. А. Птицы Уссурийского края. М., 1954. 360 с.

Воробьев К. А. Птицы Якутии. М., 1963. 336 с.

Воронецкий В. С. Некоторые формы гнездового поведения ушастой совы.— В кн.: Материалы 6-й Всесоюзной орнитологической конференции. Ч. 1. М., 1974, с. 131—132.

Воронецкий В. С. О некоторых особенностях охотничьего поведения ушастых сов. — Там же, с. 133—134.

Воронцов Н. Н., Иванова О. Ю., Шемякин М. Ф. Материалы по зимнему питанию воробьиного сыча.— «Зоологический журнал», 1956, т. 35, вып. 4» с. 615—618.

Голодушко Б. З., Самусенко Э. Г. Питание воробьиного сычика в Беловежской пушче.— В кн.: Экология и миграция птиц Прибалтики. Рига, 1961. с. 135—140.

Громов И. М., Егоров О. В. Материалы по питанию и хозяйственному значению филина восточного Памира и Копет-Дага.— «Зоологический журнал», 1953, т. 32, вып. 5, с. 964—978.

Громов И. М., Парфенова Н. М. Новые материалы по питанию филина в полупустынях северного Прикаспия.— «Зоологический журнал», 1950, т. 29, вып. 5, с. 389—398.

Груздев Л. В., Лихачев Г. Н. Материалы по питанию неясыти в Тульских засеках.—«Зоологический журнал», 1960, т. 39, вып. 4, с. 624—627.

Даль С. К. Горный Крым. Птицы.—В кн.: Животный мир СССР. Т. 5. М.—Л., 1958, с. 56—72.

Дементьев Г. П. Птицы Туркменистана. Ашхабад, 1952. 548 с.

Дунаева Т., Кучерук В. Особенности питания домового сыча в связи с географическими и стационарными условиями и сезонами года.— «Зоологический журнал», 1938, т. 17, вып. 6, с. 1080—1090.

Егоров О. В. Особенности распространения полярных сов в тундрах Якутии.— «Труды Северо-Восточного комплексного института Дальневосточного центра АН СССР», 1971, вып. 42, с. 61—63.

Егоров О. В., Лабутин Ю. В. Материалы по экологии и хозяйственному значению филина в Якутии.— «Труды Института биологии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР», 1959, вып. 6, с. 106—118.

Звержановский М. И. Питание домового сыча в Ставрополье.— В кн.: Природа

Северного Кавказа и ее охрана. Нальчик, 1967, с. 133—136.

Золотарев А. А. Наблюдение за филином на Хопре.— В кн.: Материалы 6-й Всесоюзной орнитологической конференции. М., 1974, с. 50—51.

Иванов А. И. Птицы Памиро-Алая. Л., 1969. 447 с. Ильичев В. Совы, как они слышат.— «Охота и охотничье хозяйство», 1969, № 8, с. 16—17.

Ильичев В. Д. Биоакустика птиц. М., 1972. 286 с.

Кадочников Н. П. Наблюдения за гнездованием и питанием мохноногого сыча.— «Зоологический журнал», 1962, т. 41, вып. 3, с. 465—467.

Кадочников Н. П. К биологии размножения сплюшки в Воронежской области.— В кн.: Орнитология. Вып. 6. М., 1963, с. 104—110.

Капитонов В. И. К экологии ястребиной совы в Коми АССР.— В кн.: Новости орнитологии. Алма-Ата, 1965, с. 149—150.

Карпович В. Н., Сапетин Я. В. О питании воробьиного сыча.— «Труды Окского заповедника. Работы орнитологической станции» (Москва), 1958, вып. 2, с. 152—154.

Кириков С. В. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М., 1952. 412 с.

Кисленко Г. С. О питании длиннохвостой неясыти.— В кн.: Орнитология. Вып. 8. М., 1967, с. 357.

Ковшарь А. Ф. Птицы Таласского Алатау. Алма-Ата, 1966. 435 с.

Когаева В. П. Размножение филина в неволе.— В кн.: Сборник статей Московского зоопарка. Вып. 2. М., 1958, с. 25—32.

Кречмар А. В. Птицы западного Таймыра.— В кн.: Биология птиц. М.—Л., 1966, с. 185—311.

Кулаева Т. М. Материалы по экологии филина.— «Известия Казанского филиала АН СССР. Серия биологических и сельскохозяйственных наук», 1949, вып. 1, с. 197—206.

Кучин А. П. Экология сов Верхнего Приобья.— В кн.: Проблемы экологии. Т. 1. Томск, 1967, с. 204—209.

Лихачев Г. Н. Зимнее использование воробьиным сычином искусственных гнездовых.— «Труды Приокско-Террасного заповедника» (Москва), 1957, т. 1, с. 287—290.

Лихачев Г. Н. Материалы по питанию воробьиного сычка.— «Труды Приокско-Террасного заповедника» (Москва), 1971, вып. 5, с. 135—145.

Мензбир М. А. Птицы России. Т. 2, вып. 6. М., 1895. 1120 с.

Милн Л. Дж., Милн М. Чувства животных и человека. М., 1966. 302 с.

Миронов Н. П. К вопросу о питании филина в условиях полупустыни.—

«Природа», 1949, № 9, с. 76—77.

Нечаев В. А. Птицы Южных Курильских островов. Л., 1969. 246 с.

Новиков Г. А. Экология зверей и птиц лесостепных дубрав. Л., 1959. 352 с.

Павлов А. Н. О хозяйственном значении домового сыча в полупустыне Северо-Западного Прикаспия.— «Зоологический журнал», 1962, т. 41, вып. 12 с. 1898—1991.

Панов Е. Н. Птицы Южного Приморья (Фауна, биология и поведение). Новосибирск, 1973. 276 с.

Паровщиков В. Я., Севастьянов Г. Н. Материалы по распространению и биологии сов Архангельской области.— В кн.: Орнитология. Вып. 3. М., 1969, с. 122—130.

Поливанов В. М., Шибаев Ю. В., Лабзюк В. И. К экологии ошейниковой совки.— «Труды заповедника Кедровая падь» (Владивосток), 1971, вып. 2, с. 85—91.

Попов В. А., Лукин А. В. Животный мир Татарии (Позвоночные). Изд. 2-е. Казань, 1971. 263 с.

Портенко Л. А. Полярная сова. (Книга издана на немецком языке: Portenko L. A. Die Schnee-Eule. Die Neue Brehm-Bucherei. A. Ziemsen Verlag. Wittenberg-Luther-stadt, 1972. 232 S.).

Приклонский С. Г. К экологии сплюшки в Окском заповеднике.— «Труды Окского заповедника» (Москва), 1958, вып. 2, с. 155—157.

Птицы Казахстана. Алма-Ата, 1962. 778 с. Авт.: В. Ф. Гаврин, И. А. Долгушин, М. Н. Корелов, М. А. Кузьмина.

Птушенко Е. С., Иноземцев А. А. Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М., 1968. 461 с.

Рустамов А. К. Птицы пустыни Кара-Кум. Ашхабад, 1954. 344 с.

Салихбаев Х. С. Некоторые данные по экологии совиных в связи с происходящими изменениями природных условий.— В кн.: Орнитология в СССР. Ч. 2. Ашхабад, 1969, с. 563—564.

Севастьянов Г. Н. О гнездовании бородатой неясыти в Коми АССР.— В кн.: Орнитология. Вып. 9. М., 1968, с. 373. Сегаль А. Н. Суточные изменения газообмена у серой неясыти.— «Зоологический журнал», 1958, т. 37, вып. 7, с. 1076—1081.

Соснихина Т. М. Польза и вред филина в сельском хозяйстве Армянской ССР.— «Известия АН АрмССР. Биологические и сельскохозяйственные науки, зоология», 1948, № 3, с. 272—281.

Соснихина Т. М. Хозяйственное значение домового сыча в условиях полупустыни юга Армянской ССР.— «Известия АН АрмССР», 1950, т. 3, № 1, с. 95—100.

Спангенберг Е. П. Птицы бассейна реки Иман.— «Труды Зоологического музея МГУ», 1964, т. 9, с. 98—202.

Страутман Ф. И. Птицы западных областей УССР. Львов, 1963. 200 с.

Сухинин А. Н., Бельская Г. С., Жернов И. В. Питание домового сыча в Туркмении.—В кн.: Орнитология. Вып. 10. М., 1972, с. 216—227.

Татаринов К. А. Питание сипухи *a* северных районах Паннонской низменности.— «Труды проблемных и тематических совещаний ЗИН АН СССР» (Ленинград), 1960, вып. 9, с. 230—232.

Теплов В. П. Материалы по экологии филина в Печорско-Илычском заповеднике.— «Труды Печорско-Илычского заповедника», 1948, вып. 4, ч. 2, с. 113—121.

Тюрин П. С. Новые данные по гнездованию гималайского филина в Тянь-Шане.— «Известия АН КиргССР. Серия биологических наук», 1961, т. 3, вып. 1, с. 25—30. Успенский С. М. Птицы Советской Арктики. М., 1958. 166 с.

Федюшин А. В., Долбик М. С. Птицы Белоруссии. Минск, 1967. 520 с.

Шибнев Б. К. Наблюдения за рыбным филином в Уссурийском крае.— В кн.: Орнитология. Вып. 6. М., 1963, с. 486.

Шнитников В. Н. Птицы Семиречья. М.—Л., 1949. 667 с.

Штегман Б. К. К биологии домового сыча в Южном Прибалхашье.— В кн.: Орнитология. Вып. 3. М., 1960, с. 315^318.

Юдин К. А. Птицы.—В кн.: Животный мир СССР. Т. 4. М.—Л., 1953, с. 127—203.